В. Ф. КОЛОМИЙЦЕВ

РАБОЧИЙ КЛАСС И ПРОФСОЮЗЫ ФРАНЦИИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ МОНОПОЛИЙ

В. Ф. КОЛОМИЙЦЕВ

РАБОЧИЙ КЛАСС И ПРОФСОЮЗЫ ФРАНЦИИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ МОНОПОЛИЙ

1968—1981 годы

МОСКВА · ПРОФИЗДАТ · 1981

ББК 66.3(4Фр)
К 61

К $\frac{10905-282}{081(02)-81}$ 43—81 1004000000

© Профиздат · 1981

ВВЕДЕНИЕ

Интерес советских людей к Франции общеизвестен. Это результат исторически сложившихся разносторонних связей, взаимного уважения к революционным и демократическим традициям, совместного участия в двух мировых войнах.

Узы прочной дружбы связывают рабочий класс и народы Советского Союза и Франции. В. И. Ленин провел здесь несколько лет в эмиграции. Изучение опыта Парижской коммуны наряду с опытом русского и международного рабочего движения помогло ему разработать основы организации, стратегии и тактики революционной партии нового типа.

В приветствии ЦК КПСС по случаю 60-й годовщины образования Французской коммунистической партии отмечается, что «между КПСС и ФКП существуют и все более развиваются прочные узы братской дружбы и сотрудничества, проверенные десятилетиями совместной борьбы за общие цели. У истоков этой боевой солидарности стоял В. И. Ленин, высоко ценивший революционный потенциал французского рабочего класса и оказавший большую помощь созданию и становлению Французской компартии, сплочению французских коммунистов на основе научного социализма и пролетарского интернационализма. И никакие происки классового противника и оппортунистов не способны поколебать эту дружбу и взаимную братскую солидарность, имеющие большое значение для укрепления сплоченности международного коммунистического движения» [1].

Никогда не будет забыто братство по оружию советского и французского народов в годы второй мировой войны. Движение Сопротивления во Франции черпало вдохновение в победах Советской Армии.

Позитивные итоги развития отношений между Советским Союзом и Французской Республикой в последние десятилетия хорошо известны. В приветственном послании по случаю избрания 10 мая 1981 года на пост пре-

зидента Франции Ф. Миттерана Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев отметил: «Советский Союз и Францию, народы двух наших стран связывают традиционные отношения дружбы и сотрудничества. Мы за то, чтобы эти отношения развивались во всех областях, оставались и в будущем крупным фактором мира» [2].

Давние связи существуют между профсоюзами двух стран. ВЦСПС и Всеобщая конфедерация труда находились у истоков образования в 1945 году Всемирной федерации профсоюзов. На современном этапе советско-французское профсоюзное сотрудничество продолжает успешно развиваться.

Рабочее и профсоюзное движение в современной Франции заслуживает самого пристального внимания как в силу богатых традиций классовой борьбы в этой стране, так и вследствие того, что оно становится важным общественно-политическим фактором, влияющим на внешнюю и внутреннюю политику страны.

Основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс, разрабатывая теорию и тактику классовой борьбы пролетариата, особое внимание уделяли Франции. Но не только в XIX веке эта страна была своего рода образцом четкого размежевания классовых сил. В. И. Ленин предсказывал, что Франция еще «проявит себя, как классическая страна борьбы классов до решительного конца» [3].

Высокая активность рабочего и демократического движения, существование влиятельных партий коммунистов и социалистов выделяют Францию среди многих других промышленно развитых капиталистических стран. Народный фронт 30-х годов и майско-июньские события 1968 года дали примеры острых конфронтаций рабочего класса с государственно-монополистическим капитализмом.

Высокий накал классовой борьбы во Франции проявился и в том, что в послевоенный период правящие круги дважды меняли форму государственной власти. Третью республику после окончания второй мировой войны сменила Четвертая республика, а в 1958 году появилась Пятая республика. Хотя изменение конституций по существу внесло мало нового, показательно, что буржуазия искала какой-то выход из политических затруднений, стремясь создать видимость глубоких реформ, нейтрализовать рабочее и профсоюзное движение.

Избрание социалиста Ф. Миттерана президентом Франции и образование левого президентского и парламентского большинства, в котором коммунисты заняли свое место, было для многих неожиданностью, но оно логически вытекало из развития классовой борьбы в этой стране с 1968 по 1981 год.

Борьба рабочего класса страны за свои права прослеживается через деятельность его самых массовых организаций — профсоюзов и двух политических партий — Французской коммунистической партии (ФКП) и Французской социалистической партии (ФСП).

Авангардную роль в рабочем движении Франции играет Компартия. ФКП относится к числу подлинно массовых и влиятельных компартий стран капитализма, 40 процентов ее членов — рабочие[4]. Половина членов Компартии — моложе 40 лет. С 1970 года численность ФКП возросла почти в два раза — с 380 тысяч до 709 тысяч членов. Основная категория избирателей ФКП — рабочие (51,8 процента всех голосующих за Компартию[5]). Партия пользуется влиянием также среди служащих, интеллигенции и сельского населения, — главным образом, в департаментах Центра и Юга.

Французская социалистическая партия не может в полной мере считаться партией рабочего класса. Ее численность составляет 180 тысяч членов. По своему социальному составу это партия преимущественно работников умственного труда. На рабочих приходится 15 процентов членов партии[6]. Однако влияние партии среди трудящихся значительно шире. На парламентских выборах 1981 года за ФСП и Движение левых радикалов голосовало 37,66 процента французских избирателей[7]. Победа социалистов стала возможной благодаря активной поддержке коммунистов. Обстоятельства прихода к власти социалистов были связаны с полевением основной массы избирателей.

Во Франции существует развитое профсоюзное движение. Оно представлено несколькими профцентрами, наиболее крупный из которых — Всеобщая конфедерация труда (ВКТ) — стоит на позициях классовой борьбы. За ВКТ идут политически зрелые, закаленные в стачечных боях отряды кадровых рабочих — металлурги, металлисты, строители, шахтеры, железнодорожники, докеры, электрики, типографы, сосредоточенные в крупных промышленных центрах (Парижский район, Марсель, Лион, Сент-Этьен). ВКТ последовательно защищает экономиче-

ские и политические интересы трудящихся, проявляет интернациональную солидарность со странами социализма, международным рабочим и национально-освободительным движением, борется против неоколониальных авантюр французского и международного империализма, за прочный мир, разоружение, мирное сотрудничество между всеми странами.

Позиции реформистских профцентров Франции неодинаковы. Самый большой из них — Французская демократическая конфедерация труда (ФДКТ) — в середине 60-х годов стала на путь эволюции в сторону «боевого реформизма» и сотрудничества с ВКТ. В целом профсоюзное движение во Франции не охватывает большинства трудящихся. Однако активность французского рабочего класса и профсоюзов в последние годы возросла, несмотря на противодействие буржуазии и раскольнические маневры реформистских сил. Французские трудящиеся в упорной борьбе отстаивают свои права.

Советские ученые внесли немалый вклад в изучение классовой борьбы, рабочего и профсоюзного движения во Франции до начала 70-х годов [8]. Началось также глубокое осмысление событий минувшего десятилетия, оказавших большое влияние на деятельность профсоюзов и партий трудящихся [9]. Однако задача раскрытия характерных черт французского рабочего, профсоюзного и демократического движения в комплексе проблем классовой борьбы еще не привлекала внимания исследователей. Именно такой подход к теме содержится в предлагаемой вниманию читателей работе.

В книге рассматривается проблема перерастания рабочего движения во Франции начиная с 1968 года в широкое антимонополистическое движение, привлекающее в свои ряды представителей различных социальных слоев. Новая политическая обстановка, создавшаяся во Франции в 1981 году, явилась в определенной мере отражением народных стремлений к переменам.

Исходной теоретической базой для настоящей работы послужили труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Ленинское положение о том, что классовая борьба принимает повседневно форму экономической, политической и теоретической борьбы [10], определило методологию автора при анализе хода противоборства антагонистических классовых сил в современной Франции. В условиях обострения идеологической борьбы как никогда актуально звучат указания В. И. Ленина о фальшиво-

сти тезисов «чистая демократия» и «демократия вообще» [11].

Документы международных совещаний коммунистических и рабочих партий, материалы съездов КПСС, речи и статьи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева, содержащие важные оценки состояния мирового революционного процесса на современном этапе, явились основой для определения в книге роли и значения рабочего, профсоюзного и демократического движения во Франции.

Глубоко научный характер решений XXVI съезда КПСС, отражающих коллективную мысль партии, дает ценные ориентиры исследователям в самых различных отраслях. Для общественных наук особенно важны такие указания товарища Л. И. Брежнева, как его призыв к осмыслению «новых явлений в мире капитализма» и «социальных последствий научно-технической революции» и осуждение им «схоластического теоретизирования» [12].

Коммунистическая печать, яркое публицистическое слово центрального органа Французской коммунистической партии — газеты «Юманите», выступления и произведения руководящих деятелей ФКП помогли автору книги с классовых позиций осветить многие стороны общественно-политического развития Франции, особенности рабочего и профсоюзного движения, раскрыть активную политическую позицию Компартии в борьбе за жизненные интересы французских трудящихся, за демократию, социальный прогресс и мир. В книге широко использованы журналы ФКП — «Кайе дю коммюнисм», «Франс нувель» (ныне «Революсьон»), «Экономи э политик», «Нувель критик», материалы теоретических конференций Компартии. Ценным источником по рабочему и профсоюзному движению во Франции являются также печатные органы ВКТ — журналы «Пёпль» и «Ви увриер».

Руководствуясь важнейшим ленинским указанием о том, что *«роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»* [13], ФКП продвинула вперед разработку многих политических вопросов применительно к задачам рабочего и демократического движения во Франции. В заключительной речи М. Тореза на XVII съезде ФКП (май 1964 года), которая рассматривается французскими коммунистами как его политическое завещание, содержится призыв бороться против сек-

тантства, оппортунизма и ревизионизма. ФКП следует этому завету, и задача автора книги состояла в том, чтобы отразить данную сторону деятельности французских коммунистов.

В 1964 году ФКП создала Институт Мориса Тореза по изучению истории рабочего и коммунистического движения во Франции в тесной связи с изучением эволюции общества. Институт широко применяет групповой метод работы, создавая комиссии из историков, социологов, политологов, ветеранов партии, которые не только координируют поиски, но и позволяют сопоставить различные точки зрения. Определенный толчок для активизации теоретической мысли Компартии дали события мая—июня 1968 года. Руководители ФКП В. Роше и Ж. Марше особое внимание уделили поискам соединения борьбы за демократию с борьбой за социализм [14]. Многие работы Ж. Дюкло, Ж. Сеги, Ф. Бийу, Ф. Гренье, Ж. Коньо и других видных французских коммунистов переведены на русский язык. Они нашли отражение в настоящей работе.

Французские коммунисты внесли значительный теоретический вклад в изучение кризиса французского государственно-монополистического капитализма, критику оппортунизма социалистической партии и буржуазного реформизма, в разработку проблем создания антимонополистического союза. В этой связи заметным явлением было издание двухтомного коллективного исследования «Государственно-монополистический капитализм» и двухтомной «Истории реформизма во Франции с 1920 года» [15]. В свете ленинского учения об империализме видный французский экономист А. Клод написал интересное исследование «Транснациональные компании и империализм» [16].

Использование автором материалов французской буржуазной печати, произведений политической публицистики, мемуаров, парламентских документов и исследований осуществлялось с критических позиций. Специально посвященные рабочему классу и профсоюзному движению книги французских буржуазных авторов написаны либо с либерально-реформистских, либо с воинствующих антикоммунистических установок. «Рабочеведение», или «социология труда», — сравнительно молодая во Франции дисциплина. Она зародилась в 1946 году из семинаров, которые вел социолог Ж. Фридман. Издаваемый с 1959 года ассоциацией при Национальном центре научных исследований Франции журнал «Сосиоложи дю травай» фор-

мирует определенное направление в системе буржуазно-реформистских взглядов на положение и борьбу рабочего класса. В редакционный совет журнала входили Ж. Фридман, А. Турен, Ж. Стецель, М. Крозье, Ж.-Д. Рейно, К. Дюран и некоторые другие «рабочеведы». В основе «социологии труда» лежит эмпирический анализ последствий автоматизации производства на рабочий класс, мотивов забастовочного движения, «рабочего сознания», создание наукообразных понятий «старого» и «нового» рабочего класса и т. п.

Преподаватель Парижского университета С. Эрбес-Сежэн в книге под названием «Демократия в профсоюзах» полемизирует с марксистской концепцией взаимоотношений профсоюзов и партии рабочего класса. Приписывая марксизму-ленинизму вульгаризаторское толкование роли профсоюзов в условиях классовой борьбы, этот буржуазный социолог заявляет, будто К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин рассматривали профсоюзы как низшую форму организации пролетариата при капитализме, пригодную лишь для борьбы за мелкие, повседневные экономические требования, что марксисты якобы отрицают способность профсоюзов играть роль социального движения, стремящегося к преобразованию общества [17].

Прием критики, избранный С. Эрбес-Сежэн, не нов, но типичен для многих буржуазных социологов. Он состоит в том, что сначала произвольно конструируется марксистская система взглядов, а затем она подвергается «разносной» критике.

Особняком среди привлеченной автором настоящей книги «рабочеведческой» литературы стоит трехтомная работа преподавателя из лицея Лиона М. Брансиара под названием «Французское общество и классовая борьба». Этот историк имеет многолетний опыт сотрудничества с профсоюзами в своем департаменте. В отличие от многих других буржуазных исследователей он обнаруживает максимальную добросовестность и щепетильность в сборе фактов, характеризующих с разных сторон рабочее движение. М. Брансиар избегает широких обобщений. Его исследование представляет по существу социально-политическую хронику, составленную по методологии ежегодников «Анне политик» и охватывающую период с 1789 по 1977 год (третий том посвящен 1967—1977 годам) [18].

Критически подходя к утверждениям буржуазных «рабочеведов», автор настоящей книги связывает показ рабочего, профсоюзного и демократического движения в

современной Франции с развитием мирового революционного процесса, принципиальная оценка которого содержится в документах совещаний коммунистических и рабочих партий, в материалах съездов и постановлениях ЦК КПСС, в выступлениях руководящих деятелей Советского государства. Обращая особое внимание на роль профсоюзов в классовой борьбе в современной Франции, автор не претендует, однако, на исчерпывающее раскрытие всех аспектов их многогранной деятельности, в особенности международной.

Автор выражает глубокую благодарность доктору философских наук А. И. Соболеву, докторам исторических наук Г. Г. Дилигенскому, В. П. Смирнову, С. С. Салычеву, кандидату исторических наук В. Е. Можаеву за ценные замечания, сделанные при подготовке этой книги к печати.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Пятая республика связана с новым этапом в развитии французского государственно-монополистического капитализма. Утратив ростовщический характер и лишившись большинства колониальных владений, французский империализм стал форсировать эффективность общественного производства. Такие отрасли промышленности, как авиационная, автомобильная, электронная, нефтехимическая и атомная, в этой стране идут в ногу с техническим прогрессом. Франция намерена довести к 1990 году производимую атомными электростанциями электроэнергию до 30 процентов энергобаланса страны. По темпам роста валового национального продукта в 1959—1973 годах (5,7 процента) Франция находилась на втором месте в капиталистическом мире, уступая только Японии[1]. К концу 70-х годов эти темпы снизились до 2,5 процента. По размерам валового национального продукта страна занимает четвертое место после США, Японии и ФРГ[2].

Французскому государственно-монополистическому капитализму присущи те же черты, которые отличают все другие империалистические державы. Национальные оттенки империализма ныне нивелируются, общие же черты — это высокая степень концентрации производства и капитала, государственное регулирование экономики в интересах монополий, усиление социального маневрирования государства и идеологического воздействия буржуазии на трудящихся в связи с обострением классовой борьбы.

С образованием «Общего рынка» французская финансовая олигархия взяла курс на усиление процесса концентрации капитала, на подчинение себе новых секторов экономики — сельского хозяйства, торгово-бытовой сети и сферы услуг, на тесное переплетение с иностранным капиталом. Если в 1950—1960 годах во Франции ежегодно имели место в среднем 84 операции по концентрации капитала, то в 1960—1970 годах — 185, а в 1970—1974 годах — 200[3]. В 1970 году на предприятия, имевшие более

500 рабочих и служащих, приходилось 56,7 процента занятых в промышленности, две трети оборота и три четверти капиталовложений[4]. Наибольшей степенью концентрации отличается автомобильная, авиационная, электротехническая, металлургическая, химическая, стекольная, резиновая промышленность и энергетика. Наименьшая концентрация сохраняется в строительной промышленности (260 тыс. предприятий), в машиностроении, в швейной и кожевенно-обувной промышленности[5].

Из двух форм концентрации — горизонтальной (в пределах одной отрасли) и вертикальной (установление контроля в различных звеньях производственного цикла, начиная от источников сырья и кончая сбытом готовой продукции) — наибольшее развитие получает вторая. Самой примечательной чертой капиталистической экономики во Франции является не крупное предприятие и даже не фирма в традиционном виде, а «группа», представляющая федерацию различных по размерам и специализации предприятий.

Крупное промышленное предприятие, по словам французского экономиста Б. Белона, «не позволяет достичь всей необходимой рационализации: тяжесть организационных, политических и социальных структур отражается на снижении темпов, производительности и нормы прибыли. «Группы» поставили своей целью дать ответ на возникшие новые проблемы, сочетая централизацию и делегирование полномочий, разнообразие и взаимодополняемость производства. Их организация продумана. Они занимают командные посты на всех этапах производства товаров, распространяющегося по всей планете, держат под контролем или полностью подчиняют себе другие типы предприятий или учреждений, включая государства, для того, чтобы оказывать воздействие на всю социальную систему»[6]. «Группы» стремятся получить доступ к источникам сырья и энергии, использовать разницу в издержках производства в той или иной стране или географическом регионе, извлекать выгоду из протекционистских барьеров, из монопольного обладания современной технологией, из различий налоговой системы.

«Группы» стали преобладающей формой финансового капитала во Франции. В 1974 году только на 319 «групп» приходилось 12 процентов всех промышленных и торговых предприятий, которые сосредоточили 43,4 процента рабочих и служащих, 48,4 процента добавленной стоимости и 55,4 процента капиталовложений[7].

Связи «групп» с банками усилились. В некоторых случаях промышленные «группы» создали свои банки: «Марин Вандель» — банк Демаши; «Мишлен» — Банк эндюстриель э мобильер приве; «Дассо» — банк Верн; «Пешине-Южин-Кюльман» и «Компани франсэз де петроль» — Креди шимик; «Компани женераль д'электриситэ» — Электробанк; «Пежо» — Финансьер де банк; «Томсон» — Финансьер электрик и т. д. [8]

Федерация автономных «групп» приводит к образованию «финансовых ансамблей». Наиболее крупным из них является «Париба», созданный на базе Парижско-Нидерландского банка. В него входят 13 «групп», имеющих 2 600 компаний с общей численностью рабочих и служащих 700 тысяч человек и валовым оборотом 150 миллиардов франков [9]. Под контролем другого ансамбля, «Сюэз», находятся 10 «групп», 1 600 компаний, имеющих годовой оборот 30 миллиардов франков. В них занято 550 тысяч человек [10]. К мощным финансовым ансамблям относятся также «Эмпен-Шнейдер» и группа Ротшильдов.

Стремление финансового капитала к гегемонии поистине не знает пределов. Национальные рамки для него оказываются тесными. Создаются банковские консорциумы, которые делят между собой весь мир. Активы одного из таких объединений под названием «Орион» в 1971 году были почти в три раза больше государственного бюджета Франции и равнялись вместе взятому валовому национальному продукту Голландии, Бельгии, Люксембурга, Дании, Норвегии, Австрии и Швейцарии [11].

Среди крупнейших монополий французские компании значительно отстают от американских, но соизмеримы с компаниями Японии, Англии и ФРГ. В 1976 году из 661 промышленной «группы», имевшей оборот свыше 600 миллионов долларов, было 319 американских, 73 японских, 67 английских, 54 западногерманских и 54 французских [12].

По размерам национализированного сектора Франция уступает Великобритании, Италии и Австрии. На него приходится 11 процентов валовой добавленной стоимости [13]. Экономическая деятельность государства сосредоточена в тех звеньях, которые образуют инфраструктуру хозяйства и не отличаются высокой доходностью (газовая, угольная, электроэнергетическая промышленность, железнодорожный транспорт), а также в некоторых отраслях промышленности, где особенно велик риск капиталовложений. Государство берет на себя 70 процентов расходов на научные исследования.

Государственным финансовым учреждениям принадлежит две трети банковских депозитов страны[14]. Через бюджет государства перераспределяется более 40 процентов национального дохода. Правительства Пятой республики всемерно содействовали процессу усиления монополизации капитала: предоставляли займы (так выпущенный в 1973 году 7-процентный заем, котирующийся по курсу золота, стал подлинным кладом для крупной буржуазии) и освобождали фирмы, осуществляющие концентрацию, от части налогов.

Власти упростили юридическую процедуру ликвидации обанкротившихся компаний. Отныне требуется месячный срок для того, чтобы пустить с молотка мелкие предприятия. В 1970 году был создан Институт промышленного развития с участием государственного и частного капитала, призванный содействовать структурной перестройке капиталистической экономики.

Субсидирование монополий правительством являлось самой примечательной чертой французского государственно-монополистического капитализма. Только магнатам черной металлургии государство предоставило с 1966 по 1979 год 14 миллиардов франков[15]. Фискальные поблажки стали другим важнейшим источником монопольной прибыли. Официально налог на компании составляет 50 процентов от прибыли, но практически, как отмечал в сенате член Политбюро ФКП Ж. Дюкло, изымается не более 25 процентов[16]. В отдельных случаях этот налог бывает еще меньше, поскольку объявленные капиталистами прибыли не имеют ничего общего с фактическими. В 1970 году, например, из 200 тысяч акционерных предприятий 40 процентов заявили, что они не получили прибыли или даже оказались в убытке[17]. В 1974—1975 годах 25 крупнейших монополистических «групп» получили 70 миллиардов франков прибыли, а отчислили в государственный бюджет только 7 миллиардов[18].

Государственная помощь все больше предоставлялась в целях содействия интернационализации капитала. В то же время национализированный сектор оказывался под угрозой: усиливалась тенденция сращивания частного капитала с государственным, а в отношениях государства с национализированными предприятиями первенствующее значение приобретала финансовая рентабельность, а не общественное назначение[19].

Хотя государственная власть была не лишена известной самостоятельности, проблем во взаимоотношениях

между буржуазным государством и монополиями не возникало, поскольку, как отмечалось в одном французском исследовании, «постоянная циркуляция правящей элиты из одной сферы власти в другую обеспечивала сплоченность правящего класса Франции, отражая хорошо упорядоченное разделение труда» [20]. Как тут не вспомнить проницательное замечание Ф. Энгельса о том, что «богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее...» [21].

В Пятой республике стал особенно четко прослеживаться процесс персонализации власти, отвечающий интересам монополий, который примечателен для многих развитых капиталистических стран. Центры политических решений переместились от парламента к президенту республики, премьер-министру, канцеляриям министров и правлениям монополий-гигантов.

Французские буржуазные государственные деятели и правоведы обычно определяют Пятую республику как нечто среднее между президентским и парламентским режимом [22]. По словам видного политолога Ф. Гогеля, эта республика представляет «парламентский режим без суверенитета парламента» [23].

Все президенты Пятой республики до 1981 года являлись людьми крупного капитала. Шарль де Голль через свою жену был связан с «группой» «Беньоль-Фаржон», через своего брата — с банком «Юньон паризьен», через своего сына — с де Ванделями, через дочь — с трестом «Пешине». Ж. Помпиду был управляющим банком Ротшильдов. В. Жискар д'Эстэн по линии отца и деда был связан с Индокитайским банком, через свою жену — с «группой» «Шнейдер», через брата — с филиалами транснациональных корпораций — «ИБМ», «Эриксон» и «Джиббс» [24].

Конституция 1958 года как будто бы сохранила парламентский строй: функции президента и премьер-министра были разделены, устанавливалась ответственность правительства перед Национальным собранием. Вместе с тем она перечеркнула давнюю французскую республиканскую традицию примата парламента в системе власти. Главной отличительной особенностью этой конституции было то, что она переместила центр принятия важнейших национальных решений из законодательной в исполнительную сферу.

Центральной пружиной государственного механизма Пятой республики и по конституции и фактически стал

президент. Именно он назначает министров, начиная с главы правительства, председательствует на заседаниях кабинета, принимает в форме декретов важнейшие решения (некоторые даже без дополнительной подписи министров), назначает высших чиновников, офицеров, судей, ведет переговоры о заключении международных договоров. При Третьей и Четвертой республиках это были скорее почетные, чем реальные прерогативы президента, и осуществлялись они по прямым или косвенным указаниям Национального собрания. Отныне эти важнейшие полномочия были полностью изъяты из-под парламентского контроля.

На основании статьи 15 президент считается главой вооруженных сил и председательствует в Высшем совете национальной обороны. Глава государства может потребовать от Национального собрания вторичного рассмотрения законопроекта, который он не одобряет. Он получил также право передавать законопроект на референдум.

Подчеркнутым выражением усиления личной власти президента стала статья 16, предоставляющая ему чрезвычайные полномочия, когда государственные институты, независимость страны, целостность ее территории и ее международные обязательства оказывались, по его мнению, в опасности. На основании этой статьи президент может объявить чрезвычайное положение и пользоваться в этот период почти неограниченными полномочиями. Существенным дополнением к статье 16 служил декрет от 7 января 1959 года, касавшийся «общей организации обороны». В нем содержался длинный перечень чрезвычайных мер правительства на случай возникновения угрозы для «безопасности и целостности территории, а также для жизни населения» [25].

Комментируя значение статьи 16, голлистский министр информации А. Пейрефит впоследствии говорил: «Статья 16 предназначена быть ответом на революционную ситуацию» [26]. Профессор Парижского университета М. Дюверже отметил, что эта статья «позволяет президенту республики без тени затруднения свергнуть установленный строй, окружив государственный переворот видимостью законности, сметая при этом все юридические преграды, которые могли бы помешать ему» [27].

Не по букве конституции, а фактически генерал де Голль и его преемники на посту президента возглавляли исполнительную власть. Не случайно руководитель

правительства стал именоваться премьер-министром, то есть первым министром, а не председателем совета министров, как ранее.

За годы своего существования Пятая республика совершила эволюцию в сторону дальнейшего усиления президентской власти. Явным отступлением от парламентского режима стала установившаяся практика, во-первых, не требовать при назначении нового премьер-министра вотума доверия Национального собрания, а во-вторых, право президента принимать отставку премьер-министра в отсутствие резолюции порицания со стороны парламента [28].

Предоставленные ему по конституции права де Голль толковал только в одном смысле — в смысле их расширения. В декабре 1958 года в связи с трудной дискуссией, шедшей в Национальном собрании по поводу частных (церковных) школ, де Голль бросил такую реплику: «Если нужно сменить министра, его сменят. Если нужно изменить конституцию, ее изменят» [29]. Таким образом, в руках представителей монополий сильная президентская власть могла быть использована против демократии.

Государственно-монополистический капитализм содействовал в определенной мере восстановлению позиций французского империализма в мире, подорванных в результате двух мировых войн и утраты обширной колониальной империи. Благодаря национализированному сектору государство воздействует на конъюнктуру в соответствии с потребностями капиталистической экономики, увеличивая или сокращая инвестиции и влияя на общий уровень цен.

Однако, хотя государственно-монополистический капитализм и может содействовать росту производства и изменению структуры экономики, его развитие не только не снимает основных противоречий капитализма, но и приводит к их серьезному обострению.

Неоднозначные последствия приносит капитализму научно-техническая революция. По размаху научных открытий и диапазону охватываемых областей она не имеет прецедентов в истории. Происходят качественные преобразования всех элементов производства и производительных сил.

Научно-техническая революция ускорила процесс классовой поляризации капиталистического общества. Главный итог совершающейся эволюции состоит в дальнейшем возрастании армии наемного труда.

СДВИГИ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА

В современной Франции возросли возможности сплочения вокруг рабочего класса других общественных слоев, в той или иной мере страдающих от гнета монополистического капитала. ФКП, борясь за создание антимонополистического блока и демократические преобразования, принимает во внимание сдвиги, происходящие в составе населения, в положении, общественном сознании и политическом поведении различных слоев. Социальная структура французского общества не была предметом специального исследования в советской общественно-политической литературе, хотя по отдельным аспектам этой проблемы написаны содержательные работы [1].

Научный марксистский анализ социальной структуры населения Франции сопряжен с некоторыми трудностями в установлении границ определенных категорий. Так, для обозначения служащих французы употребляют два термина: «employé» — в применении к промышленности, торговле и сфере обслуживания и «fonctionnaire» — в отношении государственных служащих. С другой стороны, техники хотя и относятся коммунистами к рабочему классу, входят в профсоюзы инженеров и административных работников промышленности и торговли.

Официальные переписи населения во Франции, давая подробные сведения о социально-профессиональном делении общества, не приводят подсчетов классового состава. Буржуазные статистики по понятным причинам не дают группировок населения по классам.

Чтобы оценить размеры сдвигов в социальном составе населения Франции, достаточно сказать, что еще в начале XX века сельские жители составляли 60 процентов населения, а в середине 70-х годов — всего 20 процентов [2]. Примечательным явлением стала «пролетаризация» населения. Франция — страна с некогда высоким удельным весом средних слоев — эволюционирует в направлении более четкой классовой структуры. Лица наемного труда составляют 85 процентов активного населения [3].

Рабочий класс и его профсоюзные организации

Самым крупным отрядом армии наемного труда является рабочий класс, насчитывающий 10 миллионов человек. Его численность неуклонно возрастает.

Рост доли рабочего класса в активном населении Франции характеризуется следующими цифрами (в процентах) [4]:

1848 год — 12	1954 год — 40,3
1871 год — 20,7	1968 год — 43,6
1921 год — 28	1976 год — 45.

Научно-техническая революция ведет к глубоким сдвигам в профессионально-квалификационной структуре рабочего класса. Если в некоторых новых отраслях промышленности (электронной, нефтехимической, атомной и авиакосмической) число занятых увеличилось, то в «старых» отраслях (угольной, текстильной и судостроительной промышленности, в черной и цветной металлургии) — сократилось. Число квалифицированных рабочих в составе рабочего класса Франции сократилось с 48 процентов в 1954 году до 38 процентов в 1968 году [5]. Автоматизация, в частности, ликвидирует 80—90 процентов рабочих мест в ряде традиционных профессий машиностроения [6]. С другой стороны, возрастает категория техников, близкая к квалифицированным рабочим. Только с 1968 по 1975 год она увеличилась на 45 процентов, достигнув 750 тысяч человек [7].

Буржуазные социологи и политологи утверждают, что с развитием научно-технической революции в рабочем классе происходят якобы благоприятные для капитализма изменения, что «белый воротничок» сменяет «синюю блузу», что рабочий класс «теряет революционность», «обуржуазивается», «растворяется» в некоем среднем классе. «Нет никакого основания думать, — заявляет профессор социологии Нантерского университета А. Турен, — что рабочий класс является основным историческим действующим лицом в формирующемся обществе» [8]. Предприятие, по его словам, перестало быть главным местом «новых социальных конфликтов» [9].

В действительности прогресс техники принципиально не меняет положения рабочих как наиболее эксплуатируемой части общества, но оказывает определенное воздействие на формирование и состав рабочего класса. Наряду с поляризацией классовой структуры общества происходит ее усложнение. Основные классы — буржуазия и пролетариат — ассимилируют целые группы промежуточных слоев, которые в свою очередь пополняются новыми элементами.

Современный рабочий — это не только и не столько работник физического труда и не обязательно фабрично-

заводской рабочий. Французские коммунисты включают в рабочий класс наряду с традиционными слоями (рабочие фабрик и заводов, горняки, строители, транспортники, связисты, работники коммунального хозяйства и крупных торговых предприятий, сельский пролетариат) также и чертежников, лаборантов, техников и некоторую часть других специалистов, занятых производительным трудом и не выполняющих управленческих функций [10].

Изменения в составе французского рабочего класса в последние десятилетия связаны, кроме того, с увеличением числа женщин и иностранных рабочих, с ростом удельного веса занятых в непроизводственной сфере (57 процентов [11]). Быстро растет категория полуквалифицированных («специализированных») рабочих за счет сокращения числа чернорабочих. Она насчитывает 3 миллиона человек [12].

Итак, в условиях научно-технической революции состав французского рабочего класса стал сложным. С одной стороны, создается новый тип рабочего высокой квалификации — оператор, наладчик, программист, — который не является узким специалистом, имеет среднее техническое образование и способен быстро осваивать новые автоматические комплексы и управлять ими. С другой стороны, происходит низведение высококвалифицированных рабочих до уровня полуквалифицированных.

Основной фигурой современного производства становятся «специализированные» рабочие. Именно они заняты на конвейере автоматизированных производств, в штамповочных и мартеновских цехах, на многостаночных линиях, на строительных площадках. Монотонность и однообразие выполняемых операций, превращающие человека в придаток техники, изнуряющий труд, отсутствие возможности повысить квалификацию — таков их удел. Травматизм особенно высок среди этой группы трудящихся.

Если традиционно стратегия капитала состояла в том, чтобы противопоставить труд физический и умственный, то теперь она дополнилась еще одним новшеством — стремлением расколоть трудящихся на две неравные категории: небольшую часть, связанную с сектором передовых отраслей, включенных в мировой рынок, и основную массу, которая обслуживает сектор низкой производительности труда, с неустойчивой занятостью и невысокой зарплатой.

Среди «специализированных» рабочих особенно много иммигрантов. Условия их труда не гарантируются коллек-

тивными договорами[13]. Так, администрация завода «Рено» в парижском пригороде Булонь-Бийянкуре до мая 1968 года заключала с иностранными рабочими, составляющими 80 процентов персонала, контракты только на три месяца. Тем самым она держала иностранных рабочих в постоянном страхе перед увольнением[14]. За свой труд иммигранты получают на 57 процентов более низкую заработную плату, чем французы. Им труднее получить образование и повысить квалификацию, а главное, они живут под постоянной угрозой быть первыми среди тех, кого хозяева выбрасывают за ворота своих предприятий, когда отпадает нужда в рабочих руках. К социальному неравенству присоединяется ущемление иммигрантов в гражданских правах. Они отстранены от участия в выборах[15], практически лишены права объединяться в профсоюзы и другие ассоциации. Монополии стремятся заполучить дешевую рабочую силу из числа иностранцев для того, чтобы увеличить резерв безработных, оказывать давление на своих трудящихся, вносить раскол в их ряды националистическими предубеждениями и ослаблять тем самым их социальную и политическую борьбу.

Дифференциация в положении отдельных отрядов трудящихся резко возрастает. Так, в составе рабочего класса и низкооплачиваемых служащих весьма заметное место занимают работающие неполную рабочую неделю и работающие от случая к случаю (в 1977 году «временный персонал» насчитывал 3 миллиона человек; среди них 75 процентов были молодые люди в возрасте до 25 лет). Заработная плата этой категории трудящихся, как правило, на 700—1 000 франков в месяц меньше, чем у постоянных рабочих и служащих. На них не распространяются преимущества коллективных договоров и статута государственных служащих[16]. Их социальное положение усугубляется еще и тем, что в подавляющем большинстве они не являются членами профсоюзов.

Особую категорию рабочего класса образуют мастера. Традиционно они используются предпринимателями для сдерживания рабочих выступлений. Их подготовка осуществляется через систему семинаров, организуемых предпринимателями, где их обучают методам воздействия на рабочих, предотвращения конфликтов, подмены профсоюзов. На предприятиях «Юзинор» и «ИБМ-Франс» мастера по своему усмотрению определяют заработок рабочих. Однако мастера перестали быть во всех случаях «лояльными приказчиками» буржуазии. Мастер одного из заводов «Ко-

дак» метко заметил по этому поводу: «Мы представляем патрона, но жить нам приходится с рабочими» [17].

Советские экономисты, анализируя влияние научно-технической революции на рабочий класс в условиях капитализма, пришли к выводу, что процесс эксплуатации в растущей мере базируется на применении «сложного труда, способного создавать в единицу времени большую стоимость и прибавочную стоимость» [18].

Сложный труд связан, с одной стороны, с его интеллектуализацией, а с другой — с универсализацией применения труда современного рабочего. «Новая рабочая сила, — отмечает советский экономист Ю. А. Васильчук, — ценна именно своей способностью к гораздо более высокой интенсивности ритмичного труда, и не только к физической активности, но и к нервно-психологической выносливости. Этот возросший уровень физической трудоспособности рабочей силы строится на совершенно иных условиях питания и отдыха, транспортного и медицинского обслуживания, на совершенно ином общем ритме жизнедеятельности, непримиримости к пустым тратам времени в быту и сфере обслуживания. Высокое развитие психических, волевых качеств человека, отработанная общая координация движений и успешное применение рабочими научных методов ритмичного физического труда даже создают видимость «легкости работ», хотя для среднего фабричного рабочего начала XX века большинство современных работ как постоянное занятие было бы физически или психологически невыполнимо» [19].

Буржуазные и реформистские теоретики ставят своей первостепенной задачей разобщить отдельные отряды трудящихся и тем самым ослабить их общую борьбу против капитала. Социологи С. Малле и А. Турен в своих произведениях проводят мысль о том, что стратегия рабочего движения не может быть единой: она одна для «специализированных» (полуквалифицированных) рабочих, другая — для квалифицированных, третья — для инженеров и техников [20].

С. Малле и другой социолог, П. Бельвиль, объявляют, что рабочие «традиционных профессий» вообще не заслуживают внимания исследователей, ибо определяющее значение будет-де иметь поведение «нового рабочего класса», состоящего из работников автоматизированных отраслей производства [21]. По их утверждению, инженеры, техники и квалифицированные рабочие «авангардных предприятий» (электроника, электротехника, нефтехимия, атомная

энергетика и др.) придерживаются исключительно реформистских взглядов, охотно идут на переговоры с предпринимателями и правительством по всем вопросам, касающимся зарплаты, условий труда и производства[22].

Согласно тезису С. Малле, противоречие между трудом и капиталом перестало быть главным противоречием современного капитализма; на его место пришло противоречие между «авангардными отраслями», с одной стороны, и отсталыми отраслями, связанными со средними слоями города и деревни, — с другой.

Концепция «нового рабочего класса» обнаружила свою несостоятельность в событиях мая—июня 1968 года. Это отметил французский социолог К. Баррье[23]. В последние годы буржуазные социологи стали вновь обращать внимание на полуквалифицированных рабочих и вообще на «традиционные слои» рабочего класса.

Буржуазные социологи А. Андриё и Ж. Линьон утверждают, что современный рабочий класс представлен типологически тремя категориями: 1. Покорный рабочий, отчаявшийся найти коллективное решение проблем, касающихся его положения. 2. Рабочий, пессимистически относящийся к коллективному решению проблем своего положения, но пытающийся изменить свой личный статус. 3. Рабочий, участвующий в коллективном сопротивлении власти путем политической борьбы. При этом наиболее представительной, по их мнению, является первая категория[24]. Эти исследователи не считают, что рабочий класс полностью интегрировался в капиталистическую систему[25]. Но большинство буржуазных социологов и публицистов, выдавая желаемое за действительное, утверждают именно это.

Сгущая краски и драматизируя положение, французский журналист Ф. Гави заявляет, что отличительной чертой психологии рабочего стало «молчание уставшего человека», поддерживаемое страхом репрессий со стороны предпринимателей. «Единственный момент, когда это молчание нарушается, — замечает Гави, — это стачка»[26]. По подсчетам левобуржуазного еженедельника «Нувель обсерватэр», 40 процентов французского рабочего класса якобы безразличны к политике[27].

По словам профессора Парижского университета М. Дюверже, западная демократия с легализацией рабочей печати, партий и профсоюзов, с предоставлением избирательной и парламентской трибуны «интегрирует более или менее рабочих в установленную систему, ослаб-

ляя их революционный пыл»[28]. Такое же мнение разделяет и французский политолог Ж. Шарло, утверждающий, что «выборы, забастовки, различные формы политических демонстраций, по всей видимости, рассматриваются большинством из них (рабочих. — *В. К.*) как средство давления с тем, чтобы добиться новых экономических преимуществ, а не как средство выражения классового сознания»[29]. По утверждению Ж. Дельмарля, классовую борьбу ведет лишь часть рабочего класса, занимающая срединное положение между категорией, достигшей высшего материального и культурного уровня, и категорией с особенно тяжелыми условиями жизни и труда, где сознание осталось на низком уровне[30].

Сотрудник Национального центра научных исследований Франции Ф. Бон и журналист М.-А. Бюрнье в книге «Рабочий класс и революция» утверждают, что если в XIX веке дисквалификация рабочего класса, преимущественно квалифицированных рабочих — вчерашних ремесленников — была причиной его революционности, то в наше время, в условиях научно-технического прогресса, рабочие якобы не видят возможности изменить свой статус и отказываются от идеи революции. Целью борьбы рабочего класса, по их мнению, стало лишь удовлетворение некоторых коллективных требований и личное продвижение[31].

Реформистские теоретики преимущественно связывают революционность рабочего класса только с одним материальным фактором, а поскольку рабочий класс своей борьбой систематически добивается улучшения своего положения, то необходимость в революции якобы отпала. Однако относительное улучшение уровня жизни рабочего класса не снижает его потенциальной революционности, определяемой его эксплуатацией и приниженным положением в обществе. Доля заработной платы в национальном продукте Франции составляет около 50 процентов[32].

Во Франции социальные контрасты более разительны, чем в некоторых других капиталистических странах. Статистика доходов здесь — одна из самых неточных и запутанных статистик, что признают сами буржуазные публицисты. С одной стороны, 50 процентов наиболее обездоленных семей имеют менее 3 процентов национального богатства, с другой — 10 процентов самых богатых семей владеют 50 процентами всего национального достояния[33]. Даже по данным Организации экономического сотрудничества и развития, соотношение 10 процентов самых вы-

соких доходов и 10 процентов самых низких во Франции превышает 21 : 1, тогда как в ФРГ оно составляет 11 : 1, в Англии 10 : 1, а в Голландии 7 : 1 [34]. По некоторым подсчетам, 18,2 миллиона французов живут в условиях бедности [35]. Для них, например, благоустроенная квартира оказывается не по средствам. В Париже за небольшую трехкомнатную квартиру в «социальном» доме надо выплачивать в месяц свыше половины средней заработной платы рабочего или служащего. А в частном секторе, где живет половина квартиросъемщиков столицы, квартирная плата в два раза выше, чем в «социальном» [36].

Неквалифицированные и «специализированные» рабочие, среди которых особенно много молодежи, женщин и иммигрантов, — наиболее обездоленная часть трудящихся Франции. Хотя к беднякам относится лишь часть рабочего класса, но тем не менее, по данным Национального института статистики и экономических исследований, на семьи рабочих, составляющих 32 процента от общего числа семей, приходится только 12 процентов национального богатства [37].

Оборотная сторона некоторого увеличения потребления ряда категорий трудящихся — повышение степени интенсификации труда и все большее его обезличивание. Растущая интернационализация процесса накопления капитала приводит к перемещению рабочих, дегуманизации условий труда, превращает большинство трудящихся в крепостных производства, обладающих урезанными правами.

Реформисты сознательно сбрасывают со счетов всесторонний кризис, охвативший государственно-монополистический капитализм, и как ответ на него рост недовольства широких слоев трудового населения.

Конечно, капиталистическое общество разобщает трудящихся. На выборах за буржуазные партии регулярно голосует четвертая-третья часть избирателей-рабочих. Однако наиболее передовые в классовом отношении категории трудящихся начинают осознавать неразрешимые противоречия капитализма и стремиться к глубоким демократическим переменам и к социализму.

Главное противоречие капиталистического общества (между трудом и капиталом) проявляется в классовой борьбе во Франции в двояком плане: стратегически — в политической и идеологической борьбе рабочего класса за социализм; в плане тактических, промежуточных задач — в социально-экономической борьбе за улучшение условий труда и гарантию занятости.

Социально-экономические интересы рабочего класса страны защищают профсоюзы. Они объединяют около четвертой части лиц наемного труда. Степень объединения трудящихся в профсоюзы во Франции ниже, чем в ряде других промышленно развитых стран (в Бельгии — 71 процент, в Англии и Италии — 50, в ФРГ — 43 процента) [38]. Факторами, ослабляющими французский рабочий класс, остаются раздробленность профцентров и засилье реформизма.

На крупных предприятиях уровень охвата профсоюзами выше, чем на средних и мелких. Проведенное в 1972 году министерством социальных дел обследование показало, что профсоюзные секции имелись на одной трети предприятий, насчитывавших свыше 50 работников. При этом если почти все предприятия с числом рабочих более 150 имели одну или несколько профсоюзных организаций, то в $^3/_4$ средних предприятий (на которых занято от 50 до 149 человек) не было совсем профсоюзного представительства [39]. Участие в профсоюзах работников национализированного сектора превышает средний уровень по стране [40].

Самым крупным профсоюзным объединением Франции является ВКТ. В ее рядах состоит 2 миллиона 350 тысяч членов. Это действительно массовый и самый «рабочий» профцентр. 65 процентов членов ВКТ — рабочие. На выборах комитетов на предприятиях конфедерации оказывает доверие половина трудящихся.

Тесно сотрудничая с Компартией, ВКТ последовательно отстаивает классовые интересы трудящихся, настойчиво выступает за единство действий профсоюзов и за ликвидацию профсоюзного раскола, за широкий союз левых сил в целях проведения глубоких социально-экономических преобразований в интересах трудящихся и демократизации общественно-политической жизни. В уставе ВКТ в качестве конечной цели ставится задача построения социализма во Франции. Являясь одним из основателей Всемирной федерации профсоюзов, ВКТ активно участвует в ее мероприятиях.

Организационная структура ВКТ отличается гибкостью, позволяющей чутко улавливать требования самых различных категорий рабочих и служащих. Конфедерация построена по производственно-территориальному признаку, объединяет 42 отраслевые федерации и 95 департаментских объединений. Наиболее крупные отряды в ее составе — федерации металлистов, железнодорожников,

строителей и горняков. Высшим органом ВКТ является конфедеральный съезд, созываемый раз в три года. В период между съездами руководство осуществляют Национальный комитет, Исполнительная комиссия и Конфедеральное бюро.

Важнейшие социально-экономические требования ВКТ — заключение и неукоснительное соблюдение коллективных договоров, защита профсоюзных прав, осуществление подвижной шкалы «цены — заработная плата», гарантирующей автоматическое повышение зарплаты по мере роста стоимости жизни.

Хотя коллективные договоры во Франции были признаны правительством и предпринимателями еще в 1936 году и подтверждены законом от 11 февраля 1950 года, однако на деле они не применяются в отношении многих категорий трудящихся. Даже при наличии национальных и региональных соглашений по отдельным отраслям предприниматели нередко отказываются заключать договоры на своих предприятиях. С другой стороны, в ряде действующих соглашений капиталисты, удовлетворяя минимальные требования рабочего класса, включают свои контртребования к трудящимся, не предусмотренные законом, и заключают соглашения с малопредставительными профсоюзами [41].

ВКТ борется за заключение коллективных договоров, которые охватывали бы все стороны взаимоотношений между предпринимателями и трудящимися в рамках предприятия, района и отрасли. При этом конфедерация отвергает реформистскую концепцию классового сотрудничества. Для нее каждое соглашение отражает соотношение сил, определенную фазу классовой борьбы [42].

Генеральный секретарь ВКТ Ж. Сеги, сменивший в 1961 году на этом посту Б. Фрашона, относится к числу опытных руководителей рабочего класса. Сын железнодорожника, профсоюзного активиста, Сеги в 15-летнем возрасте начал работать учеником в типографии. За активное участие в движении Сопротивления в феврале 1944 года он был арестован гестапо в Тулузе и выслан в концентрационный лагерь Маутхаузен. После освобождения он работал электриком, выполнял ответственные поручения в профсоюзах и в Компартии. С 1954 года он избирается членом ЦК, а с 1956 года — членом Политбюро ФКП.

Ввиду того, что в ВКТ имеется значительное число членов и сторонников Социалистической партии, а также

беспартийных, конфедерация придерживается концепции массовой организации, принимающей свои решения самостоятельно. Однако ВКТ решительно отвергает нейтральность в политической борьбе.

Вторым, после ВКТ, рабочим объединением, насчитывающим 1 миллион 153 тысячи членов, является Французская демократическая конфедерация труда (ФДКТ). Она образовалась в ноябре 1964 года из большинства профсоюзов, входивших во Французскую конфедерацию христианских трудящихся (ФКХТ). Переименование конфедерации не было формальным актом. Опираясь на социальную доктрину католической церкви, ФКХТ длительное время оставалась замкнутой, корпоративной организацией, проповедовала идеи классового сотрудничества, проводила антикоммунистический курс. Однако в руководство конфедерации входили и «консерваторы» и «прогрессисты». В начале 60-х годов внутри этого объединения усилились призывы к отказу от безусловного следования указаниям епископата и католической партии МРП («Народно-республиканское движение»). Показательно, что большинство делегатов съезда в 1963 году высказалось за построение бесклассового общества.

Эволюцию ФКХТ с позиций классового сотрудничества в направлении «боевого реформизма» нельзя объяснить внезапным поворотом в политике ее руководства. Эта конфедерация вначале опиралась на профсоюзы служащих. Однако в послевоенный период ее рабочая прослойка расширилась в таких ключевых секторах, как машиностроение, резиновая, нефтяная, текстильная промышленность и производство электрооборудования[43].

Первый генеральный секретарь ФДКТ Э. Декан вынашивал идею объединения реформистских профсоюзов. То, что было сделано в политическом плане Федерацией демократических и социалистических левых сил (объединение социалистов, радикалов и левых политических клубов в 1965—1968 годах), писал Э. Дэкан, «мы хотим осуществить в профсоюзном плане»[44].

С 1966 года ФДКТ установила сотрудничество с ВКТ. В последнее время конфедерация отдает предпочтение осуществлению трех требований — повышению низких ставок зарплаты, сокращению рабочей недели, предоставлению гарантий профсоюзных свобод и соблюдению коллективных договоров.

Реформистские профцентры отдают приоритет независимости профсоюзов от партий. Это относится и к

ФДКТ, хотя многие ее активисты являются членами Социалистической и Объединенной социалистической партий.

Для третьего крупного профцентра — «Форс увриер» (900 тысяч членов) — отличительной чертой продолжает оставаться отрицание классовой борьбы и воинствующий антикоммунизм. В статье 1 устава прямо запрещается связывать профцентр с избирательными или какими-либо иными политическими кампаниями. По словам генерального секретаря А. Бержерона, члены этого объединения не отдают предпочтения никакой «модели общества» [45].

Многое в нынешней позиции «Форс увриер» объясняет история ее создания. Профцентр образовался в 1948 году в результате раскола ВКТ, вызванного группой реформистских деятелей — Л. Жуо, Р. Ботро, А. Бержероном и другими. В. И. Ленин еще в 1920 году квалифицировал Л. Жуо как «синдикалистского и антипарламентского крикуна» [46]. Кроме правых социалистов, прямую поддержку в создании «Форс увриер» оказали реакционные лидеры американских профсоюзов.

После сближения социалистов с коммунистами в 1972—1977 годах лидеры «Форс увриер» стали проявлять больше симпатий к Демократическому центру. Примечательно, что некоторые парламентарии правящего большинства начали призывать с весны 1971 года членов своих партий вступать в профсоюзы этого объединения [47]. С уменьшением влияния социалистов ведущую роль в «Форс увриер» стали играть правореформистские и анархо-синдикалистские элементы.

Проводя линию классового сотрудничества, «Форс увриер» предпочитает двусторонние переговоры с предпринимателями забастовкам, и в особенности объединенным выступлениям с другими профцентрами [48]. Хотя основная масса членов конфедерации приходится на национализированный сектор (государственные служащие, учителя, работники финансовых учреждений и общественного транспорта Парижа), влияние «Форс увриер» на всех трудящихся этого сектора отнюдь не является преобладающим [49]. На парламентских выборах конфедерация воздерживается от рекомендаций. По данным одного опроса, 43 процента членов «Форс увриер» голосуют за социалистов, 34 процента — за центристские и правые партии, 20 процентов — за ФКП и 3 процента — за левоэкстремистские группировки [50].

Католические профсоюзы, входящие в «сохраненную» ФКХТ, насчитывают 200 тысяч членов. Они пользуются определенным влиянием среди горняков и государственных служащих. ФКХТ предпочитает ограничивать свою деятельность защитой чисто экономических интересов трудящихся, отказываясь от совместных выступлений с ВКТ и ФДКТ.

«Сохраненная» ФКХТ продолжает с незначительными изменениями все старые традиции классового сотрудничества. Она выступает в поддержку церковных школ и за приобретение рабочими акций своих предприятий[51]. Осуждая патернализм и неограниченную власть частной инициативы, ФКХТ не приемлет в то же время социализм[52]. Главное противоречие христианских профсоюзов — противоречие между классовым составом основной массы членов и буржуазной идеологией «надклассовости», заложенной в социальном учении католической церкви.

Французский буржуазный публицист Ф. Бошар усматривает причину множественности профсоюзных центров во Франции в неоднородности современного рабочего класса[53]. Но это не единственная и не главная причина. В основе раскола рабочего класса лежит много факторов, в том числе конкуренция между самими рабочими, которую отмечали еще К. Маркс и Ф. Энгельс[54]. Нельзя не учитывать также идеологического давления и социального маневрирования буржуазии. Среди части трудящихся, находящихся в сравнительно лучшем материальном положении, чем основная масса рабочего класса, распространены реформистские иллюзии относительно возможности изменения природы капитализма. Известную живучесть показывают анархо-синдикалистские традиции. Наконец, не без участия предпринимателей существуют штрейкбрехерские «желтые профсоюзы», скрывающиеся под вывеской Конфедерации свободных профсоюзов.

Однако многие профсоюзные руководители во Франции понимают, что прочные гарантии в социально-экономической области возможны лишь при условии демократизации политического строя, неразрывно связанной с ограничением и ликвидацией власти монополий. Как точно заметил на 36-м съезде ВКТ ее генеральный секретарь Ж. Сеги, в отрыве от классовой борьбы понятие «независимость профсоюзов» превращается в абстракцию[55].

Промежуточные слои трудящихся

Социал-реформистские теоретики склонны преувеличивать размеры класса буржуазии, причисляя к нему все «новые» городские средние слои — служащих, инженеров, преподавателей, научных работников, лиц «свободных профессий» — под общим понятием «новой мелкой буржуазии» [56]. Французские коммунисты, не отрицая наличия буржуазной прослойки среди этих слоев, считают, что единственно научным, марксистским определением этой категории в целом может быть только термин «промежуточные слои трудящихся».

Характеризуя изменения в социальной структуре населения страны, французские коммунисты отмечают, что «дифференциация основных классов усиливается, возрастает значение промежуточных слоев трудящихся в то время, как поляризация социальных отношений двух основных классов проявляется со все большей силой» [57].

Служащие, которых во Франции насчитывается 4 миллиона, ближе всего стоят к рабочему классу. Это конторские работники и многочисленный персонал сферы обслуживания. Более половины служащих по своему материальному положению могут быть приравнены к неквалифицированным и полуквалифицированным рабочим [58]. Семейные связи служащих с рабочими очень тесны: 34 процента мужчин-служащих вышли из семей рабочих, 40 процентов женщин-служащих замужем за рабочими [59].

В содержании труда конторских служащих произошли большие изменения. Электронно-вычислительная машина принесла с собой новое разделение труда, создав две неравные категории работников: с одной стороны, высококвалифицированных аналитиков и программистов, а с другой — операторов, выполняющих конкретные функции, почти не требующие никакой квалификации. Что касается условий труда в сфере обслуживания, то, по словам одной из работниц большого универсального магазина «Прентан», этот магазин — «настоящий завод» [60].

Во Франции насчитывается 2 миллиона 700 тысяч государственных служащих. Если верхушка административного аппарата Пятой республики превратилась в почти не сменяемую касту, тесно связанную с крупным капиталом, то основная масса государственных служащих — это низкооплачиваемые работники. Одна треть из них не относится к постоянному составу и соответственно лишена

социальных преимуществ государственных служащих, определяемых их статутом.

Среди государственных служащих наиболее крупный отряд составляют работники системы просвещения. Многие из них входят в Федерацию национального образования (ФНО), насчитывающую 800 тысяч членов. Эта организация отошла от ВКТ в момент раскола последней в 1947 году и является автономным профцентром. ФНО нередко выступает совместно с ВКТ и ФДКТ. Большая часть ее руководства находится под влиянием Социалистической партии. На парламентских выборах 70 процентов ее членов голосуют за левые партии.

В условиях научно-технической революции наиболее быстро растущей категорией активного населения становятся техники, инженеры, административные работники промышленности и торговли (по французской терминологии — «кадры»). Еще в 1954 году их насчитывалось 800 тысяч человек, а теперь — 4 миллиона[61]. В последнее время их численность ежегодно возрастает на 5—6 процентов. В химической промышленности техники и инженеры составляют 20 процентов всего персонала, в электротехнической — 30, в электронной — 50, в нефтяной — 60, в атомной — более 75 процентов[62].

Положение инженерно-технических работников можно выразить формулой «не парии и не привилегированные». Это проявляется не столько в ухудшении материального положения, сколько в изменении характера труда и трудовых отношений. Инженеры и техники получают более высокую заработную плату, чем рабочие (соотношение зарплаты рабочих и высших инженерно-технических кадров составляет 1 : 3,5 для мужчин)[63]. Но в чем заключается их «особое положение»? По мере развития капиталистической концентрации лишь считанные единицы могут надеяться попасть в число тех, кто владеет и действительно управляет предприятиями. Функции управления становятся прерогативой менеджера — новых представителей господствующего класса. Основная же масса инженерно-технической интеллигенции ощущает себя безликой исполнительницей чужих решений, не принадлежащей к правящей верхушке общества. Безработица стала беспокоить и эту категорию. К началу 1979 года 340 тысяч «кадров» не имели работы. Рост заработной платы многих «кадров» отстает от роста зарплаты рабочих. Вот почему инженерно-технические и административные работники промышленности и торговли начинают чувствовать свою

солидарность с другими отрядами трудящихся, сохраняя при этом известную дистанцию. Один опрос показал, что 42,3 процента «кадров» считают себя ближе к рабочим, а 40,4 процента — ближе к предпринимателям[64].

Уровень организации в профсоюзы инженерно-технических и административных работников во Франции выше, чем в некоторых других странах, и составляет около 20 процентов. Сторонники союза с рабочим классом входят в отраслевые профобъединения ВКТ (300 тысяч членов), ФДКТ (50 тысяч) и «Форс увриер» (60 тысяч членов), а придерживающиеся корпоративных взглядов — во Всеобщую конфедерацию кадров (ВКК), насчитывающую 300 тысяч членов. ВКК, как говорилось в одном из ее пропагандистских материалов, не признает классовой борьбы, выступая за «сотрудничество между различными социальными категориями»[65]. Ей импонируют буржуазно-реформистские идеи «согласованной экономики», «реформы предприятия», «нового общества». На выборах 80 процентов сторонников ВКК предпочитают голосовать за буржуазные партии[66].

В отличие от рабочих профсоюзов ВКК выступает против увеличения налогов на капитал. Конфедерация отстаивает принцип сохранения дифференциации в зарплате и иерархических привилегий инженерно-административных работников. Главным методом своих действий ВКК избрала не забастовку, а переговоры с предпринимателями. Проведенный среди 5 тысяч «кадров» опрос показал, что 65 процентов выступают за соглашение с предпринимателями в результате переговоров, 10 предлагают «прямые действия», 7 — забастовку, 5 процентов — демонстрации[67]. ВКК отказывается принимать участие в забастовках политического характера. Входящие в нее профсоюзы основательно интегрированы в механизм государственно-монополистического капитализма. Только на общенациональном уровне они имеют своих представителей в полусотне различных государственных комиссий и комитетов. ВКК находится под прямым влиянием правоцентристских партий. Вместе с тем нельзя сказать, что интересы «кадров» полностью совпадают с интересами монополистической буржуазии. Самостоятельный и творческий характер их труда ущемляется капиталом, стремящимся к извлечению максимальной прибыли.

Индивидуализм инженерно-технических «кадров» обрекает их на социальную изоляцию. Но если раньше в трудовых конфликтах «кадры» и рабочие находились по

разные стороны баррикады, то теперь они все чаще оказываются по одну сторону. Инженеры и техники проявляют повышенный интерес к демократизации условий профессиональной карьеры. Специфическим требованием «кадров» стало более реальное «участие» в управлении. Даже ВКК выступает за реформу управления национализированных и частных предприятий с тем, чтобы, говоря словами ее бывшего многолетнего руководителя А. Мальтерра, с помощью развития системы «участия» перейти «от абсолютной монархии к конституционной монархии» на предприятии [68].

Умственный труд в капиталистическом обществе подвергается систематическому обесцениванию. Современный интеллигент перестает быть тем независимым специалистом, который считал свою профессию специфической, неповторимой. Став массовой, его профессия утратила исключительность, а вместе с нею значительные материальные и престижные преимущества. Монополии стремятся сделать интеллектуальный труд фрагментарным и подчинить его принципу рентабельности. Это стесняет свободу творчества. Умственный труд приобретает такие общие с физическим трудом черты, как однообразие, монотонность и нервное напряжение.

Умственный труд еще продолжает сохранять большую специфику. Но если раньше интеллигенция выступала в качестве индивидуального производителя и продавца результатов своего труда, то ныне она превращается в своей основной массе в наемных работников, профессиональная эффективность которых зависит от труда целого коллектива и от материального обеспечения их трудового процесса. Три четверти работников умственного труда во Франции — это лица, живущие на заработную плату [69]. Если добавить к этому появление проблемы занятости у работников интеллектуального труда, то объективные условия революционизирования промежуточных слоев трудящихся не подлежат сомнению.

Работники умственного труда начинают играть возрастающую роль в демократическом движении и социально-экономической борьбе. Ростом антикапиталистических настроений среди работников интеллектуального труда руководят неодинаковые мотивы. Для низших слоев большое значение имеют материальные условия жизни. Это прежде всего относится к таким массовым категориям, как работники системы народного образования и низшие служащие, в том числе государственные. Недовольство других

категорий, в частности научных работников и представителей «свободных профессий», вызывается неспособностью и нежеланием государственно-монополистического капитализма проводить в области науки и культуры такую политику, которая отвечала бы объективным общественным потребностям. Массовое включение интеллигенции в классовую и общедемократическую борьбу, особенно ярким проявлением чего были события мая—июня 1968 года, расширяет фронт антимонополистических выступлений во Франции.

Вместе с тем, хотя материальное положение большинства служащих и интеллигенции все больше и больше становится сравнимым с рабочим классом, они не сливаются с последним. Для этой категории примечательна в целом большая дифференциация. Высокооплачиваемая интеллигенция, в особенности лица, выполняющие управленческие функции, относятся к буржуазным слоям. Будучи социально неоднородной категорией, работники умственного труда занимают особое место в антимонополистическом движении. Среди многих представителей интеллигенции все большую поддержку находят идеи научного социализма, но значительная часть промежуточных слоев еще обнаруживает традиционную приверженность буржуазно-демократическим идеалам, субъективно не готова признать руководящую роль рабочего класса, проявляет склонность к реформизму.

Согласно одной распространенной реформистской концепции, к «классу техников» будто бы перешла роль лидера общества. «Кадры», по определению буржуазного социолога Ж. Дюбуа, образуют «стратегическую категорию» [70]. По мнению буржуазных публицистов Ф. Бона и М.-А. Бюрнье, «класс техников» находится на пути самоутверждения в качестве исторической силы, при условии единения всех входящих в него групп [71].

Технократические концепции стали составной частью буржуазной идеологии. Их суть сводится к утверждению, что научно-технический прогресс попутно решает социальные вопросы и делает якобы ненужной социалистическую революцию. Сторонники этой доктрины заявляют также, что, поскольку роль ученых и инженеров все время возрастает, постольку они-де должны управлять обществом независимо от того, буржуазное оно или социалистическое. Технократы как самые компетентные специалисты объявляются способными решать все проблемы, независимо от отношений между классами и классовой

борьбы. Политика, утверждают адепты технократизма, должна уступить место управлению, руководствующемуся только указаниями науки.

Технократическая идеология призвана ослабить антикапиталистические настроения среди интеллигенции. Как отмечал член Политбюро ЦК ФКП Р. Леруа, «развивая идею, согласно которой знания будто бы заменяют сегодня собой капиталистическую собственность и, следовательно, становятся единственным источником власти, крупная буржуазия демагогически пытается уверить интеллигенцию в том, что на нее возлагается в наши дни решающая роль, и противопоставить ее рабочему классу, что не может не привести к полному ослаблению борьбы интеллигенции против гнета капитализма» [72].

Если техническая интеллигенция и превращается в работников наемного труда, то никогда она не будет готова к роли революционного авангарда. Интеллигенция в целом продолжает сохранять ряд особенностей психологического порядка, политического поведения, идеологии, социального происхождения и места в системе общественного производства. Хотя жизненный уровень большинства работников умственного труда не отличается резко от жизненного уровня промышленного пролетариата, их воззрения выглядят иначе. Далеко не все представители интеллигенции осознают необходимость и заинтересованность в коренной ломке существующей общественной системы. Весь ход исторического развития показывает, что не интеллигенция является главным носителем социалистического идеала и основным борцом за революционные преобразования, а промышленный пролетариат.

Среди инженерно-технических кадров, по наблюдениям французского исследователя Ж.-П. Баши, распространяются четыре политические концепции, определяющие мотивы их поведения: 1) консерватизм, основанный на противопоставлении науки идеологии; 2) позиция «третьей силы» — арбитра в классовом обществе; 3) позиция привилегированного союзника рабочего класса; 4) представление о собственной авангардной роли в классовой борьбе [73].

В основе консервативных позиций определенных групп промежуточных слоев лежат сохранившиеся социально-психологические связи с господствующим классом, относительная замкнутость и индивидуализм, а также сносное материальное положение. Зависимость их профессиональной карьеры от благожелательного отношения работода-

теля способствует развитию беспринципности и конформизма.

Положение рабочего класса и промежуточных слоев трудящихся в целом характеризуется углублением противоречия между их возрастающей ролью как главной движущей силы научно-технической революции и приниженным, подчиненным и угнетенным положением в системе капиталистических производственных отношений. Однако промежуточные слои трудящихся не имеют единого выразителя своих политических устремлений: они представлены как в буржуазных партиях, так и в ФКП, Социалистической партии и Движении левых радикалов. Поведение на выборах «средних кадров» и служащих ближе всего к рабочему классу, хотя и не совпадает с ним полностью. На парламентских выборах 1978 года за левые партии голосовало 58 процентов представителей этих категорий[74].

Рабочий класс Франции в своей борьбе против монополий считается с научно-техническим прогрессом и сложными задачами управления экономикой. Он заинтересован в том, чтобы специалисты по управлению низшего и среднего звена понимали его политические цели. Привлечение на сторону рабочего класса основной массы технической и творческой интеллигенции постоянно находится в поле зрения Французской коммунистической партии.

Крестьянство и традиционные средние слои

Изменение социальной структуры населения Франции особенно четко проявляется в размывании «традиционных» средних слоев (мелкие торговцы и промышленники, ремесленники, мелкие рантье) и крестьянства. Тем не менее и сейчас еще это довольно значительная социальная категория, составляющая около пятой части активного населения.

Сельское хозяйство — вторая после промышленности отрасль национальной экономики Франции — переживает острый социальный кризис, являющийся частью всестороннего кризиса государственно-монополистического капитализма. Он связан с переходом сельского хозяйства от мелкотоварного к крупнокапиталистическому.

Французское крестьянство не представляет собой однородный класс, оно распадается на две категории: мелких хозяев, обреченных на исчезновение как самостоятельные производители, составляющих абсолютное боль-

шинство, и относительно небольшую группу выбивающихся в ряды капиталистических фермеров. Один из пяти крестьян становится предпринимателем, эксплуатирующим наемный труд. Удел остальных — либо покинуть землю, либо стать батраками. Двойная зависимость от крупного капитала (в отношении поставок техники и удобрений и в отношении сбыта продукции), как два жернова, перемалывает семейные фермы, не применяющие постоянно наемный труд и имеющие, как правило, не более 20 га земли.

В 1975 году 20 процентов всех сельских хозяйств имели площадь от 1 до 5 га, 38,5 — от 5 до 20 га, 29,8 — от 20 до 50 га и 11,7 — более 50 га, причем на последнюю категорию приходилось 41,8 процента всех земельных угодий [75]. Тенденция к сокращению мелкого землевладения выразилась в том, что если в 1959 году крестьяне составляли 22 процента активного населения, то в 1976 году — только 10 процентов [76]. В 1980 году в стране насчитывалось 1 миллион 262 тысячи сельских хозяйств [77].

Именно поэтому во Франции, как иногда говорят, «два сельских хозяйства». Одно представлено крупными фермами капиталистического типа, преимущественно в Парижском районе и на северо-восточных равнинах, а другое — мелкими крестьянскими хозяйствами в остальной части Франции.

Основная масса тружеников земли не может воспользоваться в полной мере плодами научно-технического прогресса, ибо она попадает в зависимость от превратностей капиталистического рынка, на котором диктуют свою волю монополии. Так, производители молока получают только 44 процента его продажной цены [78]. Если в 1949 году сельскохозяйственный производитель тратил третью часть своих денежных доходов на приобретение средств производства, то в 1972 году — две трети [79]. Обладание трактором или другой техникой не всегда является показателем благосостояния крестьянских хозяйств, потому что нередко крестьянин влезает в неоплатные долги, а ограниченные размеры его хозяйства не позволяют использовать технику с максимальной отдачей. Так машина превращается в дополнительный фактор обременения и разорения мелкого производителя. Разрыв между доходами крестьян и городского населения увеличивается.

В сельскохозяйственную сферу вторглись такие крупнейшие капиталистические фирмы, как «Юнилевер», «Нестле», «Либи», «Каржиль», «Дюкэн-Пюрина», «Ри-

кар», «Жервэ-Данон», «Олида» и другие. Некоторые из них являются транснациональными компаниями. С помощью системы контрактов монополии навязывают крестьянам закупочные цены и условия сбыта продукции, определяющие размеры поставок, сроки и качество, но не принимающие во внимание рост издержек сельскохозяйственного производства. Цены на сельскохозяйственную продукцию во Франции в 1964—1974 годах выросли на 30 процентов, тогда как издержки производства для крестьян увеличились на 58,3 процента[80]. В результате более половины французских земледельцев имеют чистый доход, не превышающий минимальной заработной платы рабочих и служащих[81].

Ветхое жилище (около половины крестьянских домов построены более ста лет назад), отказ в удовлетворении многих элементарных, в особенности культурных потребностей — удел многих крестьянских семей в восточных районах, в Бретани и на Центральном массиве. Доступ к образованию для них крайне затруднен. 43,2 процента сельской молодежи от 15 до 19 лет не продолжает учебы. 85 процентов детей крестьян не получают высшего образования. «Забытый пролетариат» — так сказал о большинстве французского крестьянства публицист Р. Дюмон[82].

Только за счет непомерно тяжелого труда, лишая себя существенных благ цивилизации, мелкие и средние крестьяне удерживаются в роли «самостоятельных» хозяев. Некоторые районы на Центральном массиве, в Альпах и Пиренеях обречены на прозябание, ибо массовый уход крестьян нарушает сложившееся в них экономическое и социальное равновесие. «Люди уходят, — говорилось на XX съезде ФКП, — а вместе с ними во многих деревнях исчезают школы, магазины, почтовые отделения и даже мэрии. И туристы избегают этих ставших безжизненными мест»[83]. Даже по признанию представителей ведомства по благоустройству территории, районы, составляющие 40 процентов площади страны, находятся под угрозой запустения[84]. В особенно угрожаемом положении находятся департаменты Ланды, Жер, Крёз, Ло, Канталь, Лозер, Авейрон, Арьеж, Мёз, Верхняя Марна, Верхние Альпы и Нижние Альпы.

Аграрная политика Пятой республики отвечала интересам преимущественно крупных фермеров, которые могут обеспечить поставки на внешние рынки. Политика протекционизма хотя и ослабла, но полностью не исчез-

ла, причем стала носить односторонний характер поддержки экспортеров.

Закон о сельскохозяйственной ориентации, принятый 5 августа 1960 года, установил дискриминационный принцип разделения хозяйств на две категории: «жизнеспособные», то есть главным образом капиталистически организованные, и «нежизнеспособные». На основании этого закона правительство получало право устанавливать минимальные размеры хозяйств, которые могли рассчитывать на государственные кредиты. Например, для покупки небольшого трактора при содействии государственного банка «Креди агриколь» требовалось иметь в хозяйстве не менее 19 га земли. Это означало, что из 2,1 миллиона ферм того времени 1,5 миллиона лишались права на государственную поддержку в деле модернизации [85].

На основе закона 1960 года и дополнившего его закона 1962 года были созданы специальные посреднические организации (САФЕР), призванные содействовать укрупнению сельских хозяйств, развитию культивации земель и рационализации производства. Их деятельность носила в целом ограниченный характер. Так, с 1961 по 1971 год лишь 24 тысячи хозяйств увеличили свои размеры, причем основную выгоду извлекли при этом капиталистические фермеры [86].

Трудовое крестьянство испытывает особую тяжесть налогового бремени. Напротив, капиталистическим фермерам предоставляются всякого рода льготы. Правительство отменило, например, 5-процентный налог с 47 тысяч аграриев, в хозяйстве которых занято более двух наемных рабочих [87].

В течение полутора столетий французское крестьянство, за исключением нескольких сельских департаментов, из поколения в поколение по традиции отдающих голоса левым партиям (в частности, департаменты Крёз и Коррез), было оплотом консервативных сил. Мелкобуржуазная, собственническая психология, сильное идеологическое влияние церкви определяли поведение избирателей сельских приходов, боявшихся решительных перемен.

Ныне интересы трудового крестьянства побуждают его вести борьбу за справедливое распределение государственной помощи, за обуздание монополий. Однако, не имея адекватной политической организации, французское крестьянство воздействует на политику главным образом

через свои союзы, в которых зачастую верховодят кулацко-капиталистические элементы, не заинтересованные в отстаивании требований мелкого и среднего крестьянства.

Политическое поведение крестьянства в целом отличается противоречивой двойственностью. С одной стороны, своими локальными манифестациями оно показывает враждебность государственно-монополистическому капитализму, а с другой — по традиции голосует преимущественно за буржуазные партии.

Объединения крестьян весьма многочисленны и достаточно представительны. Это Национальная федерация объединений сельских хозяев (НФОСХ), Национальная конфедерация сельскохозяйственной взаимопомощи, сотрудничества и кредита, Движение в защиту семейных хозяйств, Французская федерация сельского хозяйства и другие. НФОСХ, насчитывающая 700 тысяч членов, была могущественной «группой давления» при Четвертой республике. Ее руководство отражало до 1968 года преимущественно интересы крупных аграриев, требовавших от правительства новых субсидий. После 1968 года состав руководства федерации значительно изменился. Третью часть мест в административном совете получили представители мелких и средних крестьянских хозяйств. НФОСХ выдвигает три главных требования: повышение уровня гарантированных цен, защиты семейных ферм и осуществление других мер против «бегства от земли» [88].

Интересы мелких и средних крестьян лучше выражают Движение в защиту семейных хозяйств, Национальный центр молодых землевладельцев, «Комитет Гере», объединяющий 18 федераций землевладельцев центральной части страны, и Ассоциация мелких и средних производителей пшеницы и кукурузы.

Национальный центр молодых землевладельцев отличается наибольшей динамичностью. Он уделяет особое внимание развитию профессионального образования, изменению сельскохозяйственных структур и внедрению современной агротехники. В то время как НФОСХ предпочитает действовать преимущественно как «группа давления» на парламент, центр стал практиковать с 1960 года прямой диалог с правительственными ведомствами.

Глубокая перестройка, нередко связанная с размыванием, охватила «старые» средние городские слои — мелких торговцев и промышленников, ремесленников и мелких рантье.

Мелкие предприятия, насчитывающие менее 10 наемных работников, составляют во Франции 91 процент всех предприятий (1 миллион 260 тысяч), но на них приходится только 20 процентов оборота и 14 процентов рабочей силы[89].

В ремесленном производстве и в розничной торговле происходит процесс концентрации: число предприятий, применяющих до 5 наемных работников, уменьшается, а использующих от 6 до 9 работников растет[90]. В целом число ремесленников с 1954 по 1975 год сократилось на 177 тысяч, а мелких торговцев — на 250 тысяч[91]. В 1974—1980 годах обанкротилось 96 тысяч мелких и средних предприятий[92].

Ремесленный сектор все больше превращается в придаток монополий. Владелец небольшой мастерской зачастую находится в финансовой зависимости от компании, на которую он работает по контракту, или от фирмы, снабжающей его сырьем, материалами и оборудованием. Это так называемые подсобные предприятия, производящие отдельные детали и узлы для машиностроительной, автомобильной, электротехнической и других отраслей: при выпуске продукции небольшими сериями эти предприятия легче приспосабливаются к требованиям постоянно меняющегося спроса.

Система субподряда достигает во Франции 85 процентов оборота в металлообрабатывающей промышленности, 60 — в автомобильной, 55 процентов — в авиационной промышленности и в производстве электробытовых приборов и т. д.[93]. С помощью этой системы монополии получают возможность сочетать преимущества крупного современного производства с дешевизной рабочей силы на мелких предприятиях, поставляющих им детали и узлы. Нещадная эксплуатация субподрядчиков позволяет снижать себестоимость конечной продукции, сходящей с конвейеров крупных заводов. При кризисных толчках именно мелкие и средние предприятия служат тем буфером, который принимает на себя основной удар и позволяет утесам монополистического капитала сохранять относительную устойчивость.

Государственно-монополистический капитализм распространил свой гнет на средние слои через налоговую систему и путем подчинения себе значительного сектора розничной торговли и обслуживания. Если в 1950 году большие магазины осуществляли 9 процентов розничной торговли, то в 1975 году — около 30 процентов[94].

Традиционные средние слои испытывают на себе несправедливость капиталистической социально-экономической политики. Особенно сильно они ощущают тяжесть торгово-промышленного «налога на добавленную стоимость», составляющего 17,6 процента. Мелкие предприниматели по сравнению с крупными дискриминированы во многих отношениях. В 1975 году средняя ставка краткосрочного и среднесрочного кредита для мелких и средних предприятий достигала 15 процентов, тогда как для крупных предприятий-экспортеров была зачастую ниже 10 процентов, не говоря уже о монополиях, субсидируемых государством [95].

«Старые» средние городские слои стали одной из наиболее текучих социальных категорий. Неустойчивость, нужда и лишения — их постоянные спутники. Так, например, ремесленники в прошлом имели более высокий жизненный уровень по сравнению с рабочим классом. Теперь доходы подавляющего большинства из них не выше, а в ряде случаев ниже заработной платы на крупных предприятиях. По официальным данным, в 1969 году около 65 процентов ремесленников и более 60 процентов торговцев получали в год менее 13 тысяч франков (150 процентов минимальной гарантированной ставки в промышленности), что давало основание относить их к категории с низкими доходами [96]. Трудовой день на мелких предприятиях, как правило, длиннее, чем в среднем по стране (от 47 до 51 часа в строительстве, на транспорте, в розничной торговле продовольствием) [97]. Только 45 процентов торговцев и ремесленников имеют возможность пользоваться средствами социального страхования на случай болезни, ибо это требует уплаты дополнительных взносов [98].

Несмотря на сокращение численности, «старые» средние городские слои продолжают играть важную общественную роль. Испытывая гнет монополий, они не порвали с крупным капиталом, с которым их еще связывают многочисленные экономические и политические узы. Вместе с частью промежуточных слоев трудящихся средние слои образуют социальную опору центристских партий. На консервативные инстинкты средних слоев большое влияние оказывает церковь. Поведение на выборах средних слоев примерно такое же, как и у крестьянства. По данным Института Харриса, 26 процентов торговцев и ремесленников предпочитали голосовать за голлистов, 24 — за Республиканскую партию, 5 — за другие центристские

группировки, 25 — за Социалистическую партию, 10 процентов — за ФКП [99]. На парламентских выборах 1978 года 58 процентов мелких торговцев и ремесленников голосовали за буржуазные партии [100].

Социальная природа средних слоев, таким образом, обусловливает противоречивость, двойственность их политического поведения. Дилемма — выжить или исчезнуть — нередко давала благоприятную почву для шовинизма и антикоммунизма среди этих слоев. С другой стороны, под влиянием борьбы рабочего класса и его партии против власти монополий у части средних слоев растет понимание важности совместных действий с трудящимися.

Важной особенностью социально-профессионального состава населения Франции является высокий удельный вес неактивного населения (43 процента).

Наиболее многочисленной опорой крупной буржуазии во Франции всегда были мелкие рантье — ушедшие от дел предприниматели, чиновники, служащие, живущие стрижкой купонов. В межвоенный период их насчитывалось 8—10 миллионов человек. Пролетаризация средних слоев и развитие инфляции подорвали позиции мелких рантье. В 1970 году в стране насчитывалось немногим более 4 миллионов держателей акций и облигаций, или в 2—2,5 раза меньше, чем до войны [101]. Резкое усиление инфляции с 1973 года, когда в капиталистических странах была окончательно ликвидирована система фиксированных курсов валют, нанесло новый удар по этой социальной категории.

Политические симпатии мелких рантье, пенсионеров, домохозяек и других неактивных слоев (безработных) распределяются примерно поровну между правыми и левыми партиями [102].

Правящие круги буржуазии

Во Франции класс буржуазии, не считая землевладельцев, составляет 9 процентов активного населения [103]. На 900 тысяч семей крупной и средней буржуазии приходится 42 процента стоимости всех акций, 37 процентов государственных облигаций и 30 процентов стоимости недвижимого имущества [104].

Некоторое представление о доходах разных категорий буржуазии дают следующие данные. Высшие слои обра-

зуют 200 тысяч семей, имевших в 1977 году месячный доход более чем в 50 тысяч франков [105]. При разбивке на категории «промышленники», «крупные коммерсанты» и «либеральные профессии» средний годовой доход соответственно составлял в 1976 году 240 тысяч франков, 170 тысяч и 206 тысяч (для сравнения отметим, что у ремесленников он был равен 83 тысячам франков, а у мелких торговцев — 78 тысячам) [106].

Подобно другим странам капитала, во Франции правящий слой буржуазии образуют владельцы и управляющие крупными предприятиями, высшая бюрократия, армейская и церковная верхушка и элита буржуазной интеллигенции. В структуре этого слоя в послевоенный период произошли значительные сдвиги, хотя общая численность буржуазии практически не изменилась. Перемены выразились в том, что число и удельный вес единоличных владельцев предприятий сократились, тогда как доля менеджеров и высших государственных чиновников возросла. По данным Национального института статистики и экономических исследований, акционерные компании сосредоточили в своих руках 60 процентов производственного капитала [107]. В большинстве из них ни одно лицо не владеет более 1,5 процента капитала [108]. От 42 до 47 процентов акций в 1974 году принадлежало не частным лицам, а предприятиям и учреждениям [109]. Распорядители капитала образовали новую влиятельную прослойку. Однако смена владельца предприятия на менеджера зачастую не меняет сути дела, ибо управляющие рекрутируются, как правило, из той же социальной среды крупной и средней буржуазии.

К собственно средней буржуазии следует отнести несколько сотен тысяч средних промышленников и коммерсантов («средними предприятиями» французские экономисты считают имеющих от 20 до 500 наемных работников) [110], «высшие кадры» в государственном аппарате и в промышленности (около 400 тысяч человек [111]). Далее к ней должны быть причислены и многие представители так называемых «либеральных профессий» — архитекторы, врачи, адвокаты, нотариусы, журналисты (около 170 тысяч человек). Хотя по своему материальному положению не все они находятся на одинаковом уровне, приближающемся к уровню средней буржуазии, однако это наиболее политически активная часть буржуазии, среди которой немало идеологов и функционеров правых и центристских партий.

Вопреки утверждениям некоторых буржуазных социологов о «балансе элит», то есть равномерном распределении власти между ними, в действительности такого равновесия нет.

Вершину социальной лестницы занимает финансовая олигархия, причем ее власть значительно возрастает вследствие того, что основные решения переходят из рук дирекции крупнейших торговых и промышленных фирм к финансовым холдинг-компаниям, превращающимся в международных капиталистических спрутов, держащих в своих щупальцах ключевые отрасли производства во многих странах.

В целом господствующий класс остается довольно замкнутым. В 1974 году только 15 процентов представителей правящей верхушки (высшие гражданские и военные чины, крупные предприниматели, менеджеры) вели свое происхождение из слоев со средними и низкими доходами [112].

Для сохранения своего классового господства французская буржуазия использует всю силу государственно-монополистического капитализма.

Формирование общей стратегии французской буржуазии осуществляется не в последнюю очередь через союзы предпринимателей. Это довольно многочисленные организации, объединяющие капиталистов как по отраслям промышленности («вертикальные» союзы — Общий союз хлопчатобумажной промышленности, Союз металлургической и горной промышленности и другие), так и по иным признакам (Ассоциация крупных французских предприятий, Всеобщая конфедерация мелких и средних предприятий, Центр молодых руководителей, региональные объединения). Если некогда задача ряда союзов сводилась к организации ежегодного традиционного банкета, то постепенно цели усложнились.

Одной из важнейших задач союзов предпринимателей является «обработка» правительственных учреждений, в особенности тех, которые занимаются социальной и экономической политикой. Широкой известностью отличалась политическая активность самого крупного союза — Всеобщей конфедерации мелких и средних предприятий, объединяющей 700 тысяч промышленных и торговых предприятий. Руководство этой организации представляет интересы отнюдь не ремесленников и мелких торговцев, а средних предприятий. В период Четвер-

той республики конфедерация занималась отбором кандидатов на выборах, угрожала правительству отказом своих членов уплачивать налоги и призывами к всеобщим забастовкам торговцев.

Координатором деятельности всех союзов выступает Национальный совет французских предпринимателей (НСФП), объединяющий руководителей 1 200 тысяч предприятий. В 1970 году была проведена реформа полномочий НСФП. Если раньше он был местом встречи и органом информации предпринимателей, то теперь его функции существенно расширились. По новому уставу предусмотрено пять основных направлений его деятельности: создавать наилучшую репутацию предпринимателям через все каналы печати, защищать капиталистическую систему, вести переговоры с профсоюзами и правительством, обеспечивать профессиональную стажировку предпринимателей и менеджеров, развивать международные связи с союзами предпринимателей.

Доминирующую роль в Национальном совете французских предпринимателей играет созданная в сентябре 1969 года под руководством председателя Союза металлургической и горной промышленности Ж. Ферри Ассоциация крупных французских предприятий (АГРЕФ). Ее участниками являются «Компани женераль д'электриситэ», «Сен-Гобен-Понт-а-Муссон», «Рон-Пуленк», «Пешине-Южин-Кюльман», «Томсон», «Юзинор» и другие «мастодонты» французской экономики.

Свою основную задачу НСФП видит в том, чтобы противодействовать выступлениям рабочего класса и координировать политику предпринимателей в общенациональном масштабе. Персонал одних штатных сотрудников ареопага капиталистов насчитывает 6,5 тысячи человек. НСФП всегда ратовал за сдерживание роста заработной платы, а также препятствовал развертыванию профсоюзной деятельности на предприятиях. Он всячески противился введению «подвижной шкалы», устанавливающей зависимость между ценами и заработной платой. Чтобы сдерживать классовые выступления рабочих, французские предприниматели повысили роль премий в системе заработной платы, достигающих трети заработка трудящихся. Они ввели премии за «усердие», а иными словами, за неучастие в забастовках. В 1972 году Союз металлургической и горной промышленности учредил специальный фонд солидарности предпринимателей для срыва стачек. В этот фонд делаются регулярные отчис-

ления в размере 0,2 процента от общей суммы выплачиваемой трудящимся заработной платы [113].

Много усилий приложил НСФП для того, чтобы изменить систему социального страхования, созданную в 1945—1946 годах, в период подъема демократического движения. Предприниматели хотят ограничить расходы на социальное страхование, большую часть которых (79,2 процента) [114] несут они сами, и поставить ресурсы страхования под свой контроль. Августовские декреты 1967 года, нанесшие удар по ряду социальных завоеваний рабочего класса, были выдержаны именно в духе требований предпринимателей. С 1967 по 1980 год отчисления трудящихся в фонды социального страхования увеличились на 57 процентов, а предпринимателей — только на 8 процентов [115].

Дирекция по изучению законодательных предположений в составе НСФП, которую с 1947 года возглавляет Э. Обер, не только держит под контролем прохождение всех законопроектов, затрагивающих предпринимателей, но и финансирует избирательную кампанию желательных кандидатов, а также осуществляет наблюдение за деятельностью демократических партий.

Избирательная кампания обходится каждому кандидату в Национальное собрание в 50—60 тысяч франков [116]. Принимая во внимание, что месячное жалование депутата составляет 12 тысяч франков, можно с уверенностью сказать, что не каждый может оплатить даже часть этих расходов.

Прямое вмешательство предпринимателей в политику не ограничивается подбором угодных капиталу членов Национального собрания и сената. Многие парламентарии не имеют специальных знаний в той или иной области экономики, не располагают необходимыми техническим аппаратом и временем для того, чтобы разобраться в тонкостях законопроектов. Вот тут-то и открываются безграничные возможности «обработки» парламента со стороны «групп давления». «Общий союз хлопчатобумажной промышленности, — отмечал американский политолог Г. Эрманн, — предлагал полностью оплатить услуги по секретарским расходам «бедным» депутатам. Различные организации предпринимателей, в том числе служба связи с парламентом НСФП, предлагают депутатам законопроекты, окончательно отработанные в их бюро» [117].

Союзы предпринимателей стали органической частью системы французского государственно-монополистического капитализма. «Объединения предпринимателей, — писал еженедельник ФКП «Франс нувель», — через своих руководителей — будь то члены олигархии или их подручные — представляют один из механизмов, при помощи которых в наше время осуществляется слияние монополий с государством» [118]. Не только НСФП и входящие в него союзы, но и отдельные монополии представляют могущественные «группы давления».

Особое, привилегированное место в государственном аппарате и в политической жизни страны заняла технократия — «специалисты по общим идеям», управляющие почти бесконтрольно сложными звеньями государственного механизма, в котором переплелись государство и монополии. Французский исследователь Ш. Деббаш определяет круг технократии в количестве 1,5 тысячи человек, из которых действительно руководящее положение занимают триста человек [119]. Наряду с менеджерами крупных капиталистических предприятий технократы образуют новую командную прослойку господствующего класса.

По сравнению с технократией традиционный «политический класс» — парламентарии, кандидаты на выборные должности, руководители буржуазных партий, представители местной администрации — стали играть менее видную роль. Технократические элементы заняли руководящее положение в буржуазных партиях. «Администрация, которая некогда довольствовалась тем, что подготавливала решения политической власти, — замечает Ш. Деббаш, — постепенно заменяет собою последнюю» [120].

Нет ничего удивительного в том, что четыре пятых высших кадров государственных служащих являются выходцами из семей крупной буржуазии [121]. Подготовка технократов проходит через две стадии — обучение в системе привилегированных учебных заведений и пребывание в одном из «больших административных корпусов», носящих почти кастовый характер, — Государственном совете, Национальной палате счетов, Генеральной инспекции финансов, министерстве иностранных дел и на должности префекта.

В Пятой республике технократы получили широкий доступ к министерским портфелям, минуя обычный путь прохождения политической карьеры (от муниципального

советника к должности мэра, затем к депутатскому или сенаторскому мандату).

Некоторые французские социологи и политологи (А. Турен, С. Малле, М. Пайе) пытаются представить технократию как новый господствующий класс, не зависящий якобы от капитала. Так, в книге «Левые в нулевой год» М. Пайе утверждал, что современное общество состоит из двух классов: технократии, присваивающей прибавочную стоимость, и рядовых работников промышленности и сельского хозяйства [122]. А. Турен объявил, что одним из главных противоречий общества стало противоречие между управляющими и управляемыми [123].

Эта концепция имеет вполне определенную политическую подоплеку, смысл которой хорошо передали в следующих словах авторы вышедшей во Франции книги о Национальной административной школе («ЭНАрхия»): «Технократия представляет в действительности лишь алиби, которым господствующий класс прикрывает реальность своей власти» [124]. Искажая реальное положение вещей, буржуазные социологи, таким образом, закрывают глаза на то, что подлинным хозяином в западных странах продолжает оставаться финансовая и промышленная олигархия. Технические детали управления она в самом деле передоверила новой элите — технократам и менеджерам, но «главную политику» по-прежнему продолжает делать именно она, и ее господство не только не ослабевает, а еще более возрастает. Нельзя забывать также, что и сама технократия — плоть от плоти крупной и средней буржуазии.

Появление технократического феномена нисколько не свидетельствует об «усовершенствовании» капитализма. Этот феномен лишь подчеркивает паразитическую природу капиталистов-собственников и доказывает, что они абсолютно не нужны для функционирования общественного механизма. Вместе с тем, как справедливо отмечает социолог Ж. Мейно, само развитие технократических тенденций несет с собой серьезную угрозу демократическим идеалам [125].

Финансовая олигархия имеет широкие возможности влиять на политику правительства, действуя через прямые каналы личных контактов с министрами и высшими чиновниками, на «деловых обедах», участвуя в различных комиссиях, подготавливающих правительственные решения. Во Франции давно известна практика, получившая название «пантуфляж» («надевание домашних туфель»),

которая заключается в том, что монополисты устанавливают «семейные» отношения с высшими государственными чиновниками, предоставляя им места в правлениях компаний. Для элиты государственного аппарата административный пост стал лишь прихожей бизнеса. Так, в Генеральной инспекции финансов 25—30 процентов персонала покидает государственную службу и переходит в частный сектор после нескольких лет работы. Эта цифра не включает инспекторов финансов, работающих в других ведомствах [126]. Не менее трети генеральных директоров 500 крупнейших французских компаний — бывшие чиновники [127]. Одновременно широкое развитие получил и другой процесс — переход представителей монополистического капитала на руководящие должности в государственный аппарат. Например, в правительстве Ширака в 1974—1976 годах семь членов ранее были президентами — генеральными директорами или администраторами капиталистических компаний [128].

Классовый разрез французского общества еще недостаточен для создания исчерпывающей характеристики политического поведения различных слоев населения. Буржуазные и реформистские исследователи считают, что в стране сохраняется «слабая политизация населения» [129]. Эта констатация имеет основание только отчасти. В то же время ее можно рассматривать как своеобразное средство идеологического воздействия на средние слои и часть трудящихся, как призыв не принимать активного участия в политической жизни.

Среди новых антагонизмов современного буржуазного общества, как подчеркнуло международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 года, стал антагонизм между интересами подавляющего большинства нации и финансовой олигархией [130]. Ситуация во Франции это подтверждает. С пролетаризацией значительной части средних слоев, с глубокими сдвигами в положении промежуточных слоев трудящихся социальная база французского государственно-монополистического капитализма стала сокращаться.

Возрастающая армия наемного труда — потенциально главная революционная сила. Но на нее воздействуют как революционное, так и реформистское политические течения. Эффективность воздействия каждого из этих двух течений в заданный момент зависит от того, насколько точно оно учитывает настроения и интересы различных категорий трудящихся.

АКТИВИЗАЦИЯ РАБОЧЕГО, ПРОФСОЮЗНОГО И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В 60-х ГОДАХ

В мае 1968 года всей системе французского государственно-монополистического капитализма был нанесен сильнейший удар. Особенности социально-политического кризиса, возникшего тогда в стране в отсутствие экономического спада, могут быть поняты только с учетом многих факторов, вызвавших нарастание рабочего и демократического движения.

Среди них нужно назвать, во-первых, социально-экономические причины (резкое увеличение безработицы, ухудшение системы социального страхования, кризис буржуазного университета, антикрестьянская аграрная политика), во-вторых, усилившееся наступление монополий на демократические права и свободы, нашедшие отражение в конституции 1958 года и в практике возвышения власти президента, в-третьих, консолидацию демократических сил в ходе борьбы за прекращение войны в Алжире, против неофашизма, в защиту интересов трудящихся.

В момент крушения Четвертой республики в мае 1958 года рабочие и демократические силы находились в состоянии глубокого раскола. Рабочий класс проявил известную апатию к защите дискредитированного буржуазными партиями и правыми социалистами парламентского режима Четвертой республики. Действительно, большинство избирателей систематически голосовало за левые партии — коммунистов, социалистов и радикалов,— а находившиеся у власти правительства игнорировали их мнение.

Политические забастовки в поддержку республики в мае 1958 года были разрозненными ввиду того, что ФКХТ, «Форс увриер» и другие профцентры отклонили единство действий с ВКТ[1]. В частности, призыв последней провести забастовку 19 мая, в день пресс-конференции де Голля, не был поддержан другими конфедерациями. В результате из 300 тысяч шахтеров прекратила работу только одна тысяча; на заводах «Рено» из 35-тысячного коллектива в то время бастовала тоже одна тысяча и т. д.[2] Не приняла всеобщий характер и политическая забастовка 27 мая, проведенная по инициативе ВКТ. За день до забастовки «Форс увриер» и ФКХТ опубликовали обращение к трудящимся с призывом отказаться от выступления[3].

Кое-кто из противников Французской коммунистической партии, превратно толкуя историю, хотел бы приписать ей известную долю «вины» за поражение демократии в 1958 году. Отвечая этим недобросовестным критикам, забывшим, в частности, ответственность социалистов за раскол левых сил, М. Торез говорил 4 октября того же года на пленуме ЦК ФКП: «Марксизм учит, что партия может и должна влиять на... взаимоотношения классовых сил и на их эволюцию, просвещая и организуя массы, опирающиеся на собственный опыт, но одна партия не может упразднить эти классовые отношения или повернуть их и заставить развиваться в другом направлении. Забыть это — значит ничего не понять в азбуке марксизма-ленинизма»[4]. Именно потому, что ФКП была изолирована, или, как тогда говорили, находилась в «политическом гетто», происки реакционеров не встретили серьезного сопротивления.

В критический период с 13 по 31 мая 1958 года Политбюро, ЦК и парламентская группа ФКП двадцать раз обращались к другим демократическим силам с призывом защитить республику[5]. Однако социалисты и радикалы не вняли голосу коммунистов.

Поражение демократических сил в 1958 году привело к снижению политической активности масс и к усилению антикоммунистической кампании. На парламентских выборах в ноябре того же года Французская коммунистическая партия потеряла 1 миллион голосов избирателей. Численность партии в первые три года существования Пятой республики сокращалась.

Рабочее, а вместе с ним профсоюзное и демократическое движения в Пятой республике прошли через несколько этапов. В 1958—1962 годы в центре внимания была борьба за мир в Алжире.

Экономическая борьба рабочего класса в конце 50-х — начале 60-х годов носила преимущественно локальный характер, ибо оживление конъюнктуры создавало спрос на рабочие руки и до некоторой степени сдерживало стачки. Валовой национальный продукт с 1959 по 1969 год во Франции ежегодно увеличивался на 5,9 процента, тогда как в период с 1860 по 1939 год он возрастал всего на 1,1 процента[6]. Безработица была относительно незначительной: в 1959 году она охватывала менее 100 тысяч человек, а в 1967 году пособия по безработице, включая репатриантов из Алжира, получали 128,1 тысячи человек, а частично безработных было 46,8 тысячи[7].

Развитие забастовочного движения во Франции в 1958—1967 годах характеризуется следующим образом (в тыс. потерянных рабочих дней) [8]:

1958 год — 1 137,7	1963 год — 5 991,5
1959 год — 1 938,4	1964 год — 2 496,8
1960 год — 1 070,0	1965 год — 979,9
1961 год — 2 600,6	1966 год — 2 523,5
1962 год — 1 901,5	1967 год — 4 203,6

Преобладающей формой забастовочного движения во Франции были кратковременные стачки. Тенденция к сокращению длительности трудового конфликта наблюдалась в течение многих лет. Если с 1900 по 1929 год одна стачка продолжалась в среднем 15 дней, то с 1946 по 1967 год — 3 дня, причем в 1965—1967 годах — один день [9].

Поворотным моментом к активизации социально-экономической борьбы рабочего класса явилась 35-дневная всеобщая забастовка шахтеров, начавшаяся 1 марта 1963 года. Недовольство накапливалось годами. Угольная промышленность приходила в упадок в результате конкуренции относительно дешевой в то время нефти и вследствие политики правительства, которое продавало монополиям уголь национализированной отрасли на 5 процентов ниже его себестоимости. Доля угля в энергобалансе страны неуклонно сокращалась.

По государственному плану число шахтеров в стране предполагалось сократить с 1959 по 1965 год на 23 тысячи человек. Статут горняков, принятый в 1946 году в период участия коммунистов в правительстве, постепенно терял свое значение.

Прелюдией к всеобщей забастовке явилась стачка 2 тысяч шахтеров Деказвилля, решительно заявивших о праве отстаивать свою профессию. Горняки спустились в забои 19 декабря 1961 года и не поднимались на поверхность до 23 февраля 1962 года. Встретив большое понимание и поддержку общественности, шахтеры Деказвилля добились гарантий по их трудоустройству и переквалификации, но предотвратить закрытие шахт им не удалось.

Всеобщая забастовка шахтеров 1963 года была вызвана нежеланием правительства повысить зарплату и улучшить условия труда горняков. Перед началом забастовки президент де Голль подписал декрет о принудительном привлечении к работе, но ни один шахтер не

подчинился. Поэтому стачка приобрела политическое звучание, превратилась одновременно в борьбу, направленную в защиту права на забастовку. Впервые к бастующим рабочим присоединились инженерно-технические работники.

После упорной борьбы горняки добились внушительной победы: если до забастовки правительство соглашалось повысить зарплату только на 5,77 процента, то после стачки увеличило ставки на 12,5 процента, расширило оплачиваемый отпуск до четырех недель, выплатило премии в размере 200 франков и начало переговоры с профсоюзами о будущем угольной промышленности [10].

Эта забастовка, квалифицированная в большинстве комментариев печати как «классовая битва», показала, что крупное движение масс создает новую обстановку, которая облегчает трудящимся развертывание борьбы за свои интересы. Вслед за шахтерами с требованием увеличить продолжительность оплачиваемых отпусков выступили трудящиеся металлургической, автомобильной, машиностроительной и других отраслей. Правительство и предприниматели, напуганные размахом движения, пошли на существенные уступки.

1963 год был рекордным по числу и силе рабочих выступлений во Франции за предшествующее десятилетие. В итоге упорной борьбы трудящимся удалось несколько сократить отставание заработной платы от роста цен. После забастовки шахтеров правительство было вынуждено повысить зарплату в учреждениях и на национализированных предприятиях от 11 до 14 процентов [11]. Более 6 миллионов рабочих и служащих добились увеличения оплачиваемых отпусков до четырех недель [12].

Пойдя на уступки шахтерам в 1963 году, правительство одновременно приняло план так называемой экономической стабилизации. Суть его сводилась к попытке улучшить позиции французских монополий на международных рынках, и прежде всего в «Общем рынке», за счет широких масс. Правительство сократило социальные расходы. Стремясь внушить трудящимся, будто теперь единственной причиной дальнейшего роста дороговизны может стать увеличение потребительского спроса, монополии пытались принудить профсоюзы и крестьянские объединения отказаться от экономических требований. Политика стабилизации ставила перед собой и другую цель — создать определенный уровень безработицы в стране. Это должно было посеять среди трудящихся

страх перед увольнениями, снизить наступательную силу рабочего класса.

Ответом трудящихся на план стабилизации было усиление забастовочной борьбы. 23 октября 1963 года вся сеть железных дорог Франции была парализована. Опустели вокзалы, замерли железнодорожные составы, нарушился обычный ритм работы многих предприятий, где были заняты десятки тысяч людей, живущих в окрестностях Парижа. Впервые за многие годы в забастовке железнодорожников приняли участие инженеры [13]. Кульминационным моментом подъема забастовочного движения была 24-часовая стачка более 2 миллионов трудящихся национализированных предприятий и государственных учреждений, состоявшаяся 6 ноября по призыву ВКТ, ФКХТ и «Форс увриер».

Отход большей части профсоюзов Французской конфедерации христианских трудящихся от прямого подчинения церкви и образование в 1964 году Французской демократической конфедерации труда создали некоторые предпосылки для возникновения зачатка профсоюзного фронта во Франции. 10 ноября 1966 года ВКТ и ФДКТ подписали соглашение об общей платформе выступлений, касающихся увеличения реальной заработной платы, улучшения условий жизни и труда рабочих и служащих, защиты и расширения прав профсоюзов, сокращения непроизводительных расходов государства, гарантии права на труд и реформы налоговой системы.

Соглашение о единстве действий между ВКТ и ФДКТ содействовало появлению нового уровня забастовочного движения — общенациональных выступлений («национальных дней информации и действий»), сопровождаемых забастовками, митингами, демонстрациями, направлением делегаций и петиций. Только в 1966 году такие выступления состоялись 17 и 23 марта, 20 и 22 апреля, 17 мая, 14 июня, 23 ноября и 14 декабря. Они вошли в практику французского рабочего движения. Требования профцентров выходят за рамки отдельных предприятий. Они касаются пенсионного возраста, улучшения условий труда, прекращения инфляции, гарантии занятости.

В 1967 году по требованию предпринимателей правительство повело наступление на систему социального страхования. На весенней парламентской сессии совет министров запросил чрезвычайные полномочия в экономической политике, мотивируя это необходимостью под-

готовить страну к окончательной отмене таможенных тарифов в «Общем рынке».

После того, как сенат дважды отклонял законопроект об особых полномочиях, 22 августа были опубликованы декреты, реформировавшие общий режим социального страхования, который затрагивал 15 миллионов трудящихся. Государство прекратило финансирование социального страхования, а отчисления рабочих и служащих отныне увеличивались с 6 до 6,5 процента от общего фонда заработной платы. Декреты предусматривали также увеличение в полтора раза платы за лечение и отменяли ряд пособий, в частности для молодоженов. Участие представителей трудящихся в административных советах касс социального обеспечения снижалось с $^3/_4$ до половины состава, а участие предпринимателей увеличивалось с $^1/_4$ до половины.

Опубликование декретов было приурочено к периоду массовых летних отпусков, чтобы как-то «амортизировать» волну протестов со стороны трудящихся. Однако наступление крупного капитала натолкнулось на мощное контрнаступление рабочего лагеря. В 50 департаментах в крупных городах были созданы союзы защиты прав трудящихся, в которые вошли представители левых партий, крупнейших профсоюзных объединений и других демократических организаций. С 9 по 16 октября 1967 года по всей Франции прошла неделя действий в защиту социального страхования. Но главным ответом рабочего класса на августовские декреты и на резко увеличившуюся безработицу явилось невиданное до тех пор по силе и продолжительности забастовочное движение в мае—июне 1968 года.

Примечательно, что до 1968 года предприниматели отказывались вести переговоры с профсоюзами в общенациональном масштабе, а в местном плане предпочитали выбирать среди профсоюзов более сговорчивых собеседников [14].

Активным участником классовой борьбы стало французское крестьянство. Резкие границы, отделявшие некогда сельскую, патриархальную Францию от индустриальных районов, перестают быть непреодолимыми. Испытывая гнет крупного капитала, крестьяне все больше начинают интересоваться политикой и проявлять солидарность с другими категориями трудящихся. Вся история Пятой республики наполнена фактами антиправительственных манифестаций крестьян.

Крестьянские волнения не новинка для Франции. И в прошлом то виноградари Юга преграждали дороги тракторами и повозками, протестуя против падения цен на вино, то в зерновых районах Севера фермеры устраивали шумные митинги. Крупное волнение было отмечено в 1957 году[15]. Но никогда еще эти выступления не принимали такого массового характера, как в 1959—1961 годах.

В октябре 1959 года только в одном департаменте Финистер с антиправительственными лозунгами прошли 30 тысяч крестьян. В середине декабря того же года в Бретани, Нормандии и на Юго-Западе были отмечены выступления 120 тысяч крестьян[16]. Крупные манифестации продолжались зимой и весной 1960 года. 11 февраля произошла настоящая стычка крестьян с полицией в Амьене, во время которой 155 человек были ранены[17]. 7 апреля того же года в демонстрациях, организованных союзами земледельцев в 18 городах страны, приняло участие 400 тысяч крестьян[18]. Правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки. Система индексации цен, гарантировавшая в некоторой степени доходы крестьян, была частично восстановлена в марте 1960 года[19].

Летом 1961 года, начавшись в Бретани, по всей стране прокатилась новая мощная волна крестьянских выступлений, которая даже в буржуазной печати получила название «крестьянской войны» («Жакерии»). Труженики полей были возмущены низкими ценами, которые устанавливались оптовыми торговцами и другими посредниками, загребавшими огромные барыши. В Париже, например, розничные цены на картофель в три раза превышали закупочные.

Демонстрации крестьян совершались перед зданиями префектур, иногда они принимали даже форму «прямых действий»: заграждение дорог, остановка поездов, разрушение телеграфных линий и захват помещений местных властей. Так, в городе Морлэ (департамент Финистер) утром 8 июня четыре тысячи крестьян блокировали движение по улицам своими тракторами, захватили супрефектуру и удерживали ее в течение нескольких часов. По всей Франции на многих дорогах, на фасадах домов появились изображения красного треугольника, внутри которого мускулистая рука крестьянина держала трезубые вилы. Надпись под треугольником гласила: «Борьба до победного конца». Инициаторами выступлений были члены Национального союза молодых землевладельцев[20].

11 декабря крестьянские демонстрации, охватившие сотни тысяч человек, прошли во многих департаментах[21].

Под влиянием мощного движения крестьянских масс правительство было вынуждено согласиться на досрочный созыв сессии Национального собрания, которое начало обсуждать аграрную политику. Были приняты некоторые меры по улучшению сбыта продуктов сельского хозяйства, несколько увеличены закупочные цены на молоко и пшеницу. Поскольку, однако, объявленные правительством меры помощи семейным хозяйствам не разрешали основных трудностей крестьян, связанных с проблемами сбыта продукции, низкими закупочными ценами, отсутствием средств для погашения ссуд, манифестации тружеников полей продолжались и в 1962—1963 годах, хотя не в столь широких масштабах. Крестьяне выступали против «скупщиков» земель из числа магнатов капитала, иностранцев и переселенцев из Алжира (последние получали крупные субсидии и долгосрочные займы от правительства).

В 1962 году был издан так называемый дополнительный закон, призванный поощрять «групповое сельское хозяйство» и помогать мелким семейным хозяйствам. Правительство стало предоставлять кредиты на льготных условиях молодым фермерам, особенно осваивающим новые земли в районах гор и других труднодоступных местах.

В сентябре—октябре 1964 года во Франции имели место взрывы недовольства животноводов в 50 департаментах[22].

Во время президентских выборов 1965 года Национальная федерация объединений сельских хозяйств открыто заняла враждебную де Голлю позицию[23]. 19 декабря 1966 года в Морлэ произошло очередное столкновение между крестьянами и полицией. Крестьяне, прибывшие в город, блокировали все движение транспорта. Был организован митинг, на котором ораторы отмечали, что из-за просчетов планирования сотни крестьян этой местности потеряли средства к существованию. Несколько лет назад, поощряемые правительством, они стали птицеводами и начали разводить кур исходя из перспективы, которую якобы открывал перед ними «Общий рынок». Однако вскоре их надежды рассеялись. У птицеводов осталось несколько миллионов штук птицы, которая не находила сбыта. Цена на птицу резко упала, и они вынуждены были продавать ее ниже себестоимости.

Летом и осенью 1967 года возобновились серьезные волнения крестьян в связи с отменой с 1 июля таможенных тарифов внутри стран «Общего рынка» на целый ряд сельскохозяйственных продуктов. 26 июня в Редоне (Западная Франция) в результате стычки крестьянской демонстрации с полицией было ранено 50 человек. 2 октября, в день открытия осенней парламентской сессии, по всей стране прошли демонстрации крестьян. Выступая против аграрной политики правительства, крестьяне требовали повышения закупочных цен, снижения налогов и предоставления фермерам гарантий, обеспечивающих их конкурентоспособность в рамках «Общего рынка». В ряде районов произошли открытые столкновения с полицией, в результате которых насчитывалось 300 раненых[24]. 12 октября крестьянские организации провели новый день борьбы, в котором приняло участие около ста тысяч человек. Во многих департаментах Центра и Юго-Запада фермеры блокировали движение по шоссейным дорогам.

Французский рабочий класс поддержал эти действия. ВКТ опубликовала заявление, в котором выразила готовность поддержать тружеников земли. 6 ноября 1967 года в Нанте в помещении муниципалитета собрались «рабоче-крестьянские Генеральные Штаты». Рабочий класс представляли три профцентра. От преподавателей и студентов присутствовали наблюдатели. Примечательно, что в этом городе еще в июне 1961 года состоялся общий митинг рабочих и крестьянских организаций, поддержавший требования земледельцев[25].

Социально-экономическая борьба рабочего класса и крестьянства в 1958—1967 годах сопровождалась активизацией левых партий и профсоюзов, сумевших постепенно мобилизовать широкие слои народа на защиту демократических прав и свобод, которые оказались ущемленными конституцией и практикой Пятой республики и усилением власти монополий, особенно транснациональных.

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ В МАЕ — ИЮНЕ 1968 ГОДА

Во второй половине 60-х годов во Франции еще сохранялись относительно высокие темпы экономического роста, однако новым фактом стало появление массовой и устойчивой безработицы. В начале 1968 года

в стране не имели работы 420—450 тысяч человек, из них 23 процента составляла молодежь [1]. Особенно большие трудности испытывала молодежь, окончившая школу, но не попавшая официально в ряды безработных. По данным депутата Понсейе, обратившегося 26 февраля с письменным запросом к министру социальных дел, к этой категории относилось 500—600 тысяч человек [2].

Посредством инфляции и интенсификации труда монополии усилили наступление на жизненный уровень трудящихся и средних слоев. Из 15 миллионов рабочих и служащих 3,8 миллиона получали менее 600 франков в месяц, то есть менее признанного в то время профсоюзами минимума зарплаты [3].

Французский рабочий класс стал все яснее сознавать, что научно-техническая революция в условиях капитализма приносит основные выгоды не ему, а крупному капиталу, на его же долю выпадает переносить связанные с нею отрицательные социальные последствия. Безработица, инфляция и растущие налоги стали все больше беспокоить работников умственного труда, которые впервые в своей массе почувствовали классовую солидарность с промышленным пролетариатом.

Росту оппозиционных настроений среди широких слоев способствовали и другие причины. Трудящиеся не забыли, в частности, антидемократические августовские декреты 1967 года. Система образования, основанная на принципе классового отбора, не могла не вызывать протеста.

Детонатором к майским событиям явились студенческие выступления в Париже, начавшиеся 3 мая после того, как ректор временно приостановил занятия в университете, а полиция под предлогом предотвращения стычек между левацки настроенными студентами и молодчиками из фашистской организации «Оксидан» («Запад») оцепила Латинский квартал.

Университет бурлил уже ряд лет. Кризис был связан с переходом от элитарного образования к массовому. Новые потребности капиталистической экономики сделали специалиста с высшим образованием распространенной профессией. Если в 1938/39 учебном году во Франции обучалось 60 тысяч студентов, то в 1967/68 году — 605 тысяч [4]. Социальный состав студенчества в массовом университете стал иным. В большинстве случаев это была уже не «золотая молодежь», а выходцы из рядов мелкой

и средней буржуазии, служащих и частично рабочих (около 10 процентов) и крестьян.

Однако в буржуазном университете немыслимо «уравнение шансов» для всех. У сына рабочего было в 16 раз меньше возможностей попасть в высшую школу, чем у детей из зажиточных слоев. Студенты сталкивались с такими трудностями, что двое из каждых трех не оканчивали университета[5]. 40 процентов студентов были вынуждены зарабатывать себе на жизнь какой-нибудь работой[6]. Только 20 процентов получивших университетский диплом, могли найти себе работу по специальности[7]. Резкое преобладание численности гуманитарных факультетов (на них обучалось 64 процента студентов) не соответствовало потребностям экономики и общества[8].

Массовый университет все больше стал приходить в столкновение с буржуазным обществом. «Все проблемы, которые стоят перед современным обществом, — отмечали французские исследователи М. Шапсаль и М. Мансо, — отныне, кажется, представлены в университете»[9]. Следствием этого стала радикализация студенческой молодежи. Многие студенты не хотели видеть свои идеалы в потребительских интересах и в прислуживании капиталу. Хотя в классовом обществе молодежь не однородна в социальном отношении, однако значительная ее часть живо реагировала на развитие мирового революционного процесса. Большое возмущение молодежи вызывали акты империалистической агрессии, преступления фашизма и расизма, проявления социальной несправедливости капитализма.

Студенческое движение во Франции было представлено множеством организаций, самой крупной из которых являлся Национальный союз студентов Франции (НССФ). Образованный еще в конце прошлого века, НССФ вначале выражал преимущественно корпоративные интересы буржуазной молодежи. Социальные и политические вопросы он обходил стороной. После второй мировой войны союз начинает отражать социальные требования студенчества. Принятая на съезде союза в Гренобле в 1946 году хартия определяла студента как «молодого трудящегося-интеллигента» и требовала для детей рабочих и крестьян права на университетское образование[10]. «Грязная война» в Алжире в 1954—1962 годах побудила НССФ занять активную позицию поддержки национально-освободительного движения.

Новая волна студенческого движения во Франции в 1968 году не была изолированным явлением. В США студенческие волнения начинаются с 1960 года, усилившись во второй половине 60-х годов под влиянием негритянского движения и борьбы за прекращение войны во Вьетнаме. Один из студенческих лидеров Калифорнии в 1968 году выразил настроения студентов следующим образом: «Коротко говоря, мы отвергаем нашу абсурдную систему образования. Мы не хотим бесконечного крушения наших надежд и ужаса быть простым винтиком в машине тяжело больного общества» [11].

Брожение в итальянских университетах наблюдалось с 1966 года. 1 марта 1968 года в Риме, около факультета архитектуры, произошла кровавая стычка полиции со студентами, в результате которой с обеих сторон были сотни раненых. 11 апреля 1968 года покушение на руководителя Федерации студентов-социалистов ФРГ Руди Дучке вызвало широкое негодование и студенческие выступления в Гамбурге и Франкфурте-на-Майне, а также в Западном Берлине в течение пяти дней.

Империалистическая агрессия против Вьетнама во многом способствовала пробуждению политической активности студентов и лицеистов Франции. Уже в 1966 году в стране был создан «Национальный комитет в защиту Вьетнама». Однако в силу своей оторванности от сферы производства и политической незрелости часть демократически настроенной молодежи Франции имела весьма приблизительное, а зачастую искаженное представление о роли рабочего класса. Она попала под влияние гошистских (левацких) группировок — «Движения 22 марта», объединявшего студентов-социологов из Нантерского университета, «Интернационала ситуационистов», созданного студентами литературного факультета Страсбургского университета, «Федерации революционных студентов» (именно она задавала тон в то время в Национальном союзе студентов Франции) и Объединенной социалистической партии (ОСП), представлявшей пеструю смесь сектантских, догматических и троцкистских элементов.

Лидеры ОСП льстили студенчеству, провозглашая его «солью земли» и поддерживая его авантюристические лозунги. Члены этой партии Ж. Соважо и А. Жейсмар вместе со студентом Д. Кон-Бендитом были основными вдохновителями выступлений студентов. Руководители ОСП дезориентировали массы, когда 5 мая, то есть в самом начале событий, утверждали: «Для тех, кто поста-

вил своей целью построить будущее страны... режим уже принадлежит к прошлому»[12].

Студенческие волнения не представляли серьезной угрозы для правительства. Действительную опасность для себя правящие круги усматривали в движении трудящихся масс. Между тем предпосылки такого движения стали создаваться. 6 мая объединение профсоюзов ВКТ Парижского района осудило полицейские жестокости в отношении студентов и заявило о своей солидарности с теми, кто борется за улучшение системы образования и ее демократизацию[13]. 7 мая аналогичную позицию заняло Парижское объединение профсоюзов ФДКТ, а на другой день центральное правление двух крупнейших профцентров поддержало борьбу студентов[14]. ВКТ и ФДКТ организовали движение в защиту занятости в районах Бретани и долины Луары.

Кульминационным моментом студенческих выступлений в Париже была ночь с 10 на 11 мая. Тогда в Латинском квартале было сооружено около 50 баррикад, подожжено 60 и повреждено 128 автомобилей. В стычках с силами порядка было ранено 367 человек[15]. Не исключено, что сооружение баррикад было полицейской провокацией. Как отметила газета «Монд», ни А. Жейсмар, ни Ж. Соважо, руководившие демонстрацией студентов, не давали призыва к строительству баррикад[16]. До сооружения баррикад полиция не спешила с их подавлением, ожидая поворота общественного мнения от сочувствия к осуждению студентов. Напугать обывателя призраком гражданской войны — таков был несложный полицейский расчет. Когда парижские буржуа увидели срубленные деревья и подожженные автомобили, они перестали симпатизировать студентам. Только рабочий класс всецело выступил в их поддержку.

11 мая в столице состоялась 60-тысячная демонстрация студентов и рабочих. На транспарантах были выражены основные требования: освободить арестованных студентов, выдворить полицию из университета и возобновить нормальные занятия. В тот же день по инициативе ВКТ было созвано совещание представителей основных профсоюзных центров, на котором было принято решение провести 13 мая всеобщую забастовку и демонстрации в знак протеста против полицейских репрессий[17]. В этот день состоялась многомиллионная политическая забастовка, сопровождавшаяся демонстрациями. В Париже в колоннах демонстрантов участвовало 800 тысяч

человек, в Лионе — 60 тысяч, в Тулузе, Марселе и Бордо — по 50 тысяч, в Ле-Мане — 30 тысяч, в Нанте, Гренобле и Нанси — по 25 тысяч[18]. «Десять лет — довольно!» (речь шла о правлении де Голля) — таков был главный лозунг[19]. Было отмечено преобладание красных знамен[20].

Выступления рабочего класса придали майским событиям невиданный размах и силу. Как не раз было в прошлом, роль авангарда сыграли трудящиеся крупных промышленных предприятий. 14 мая рабочие государственного авиастроительного завода «Сюд-Авиасьон» близ Нанта объявили бессрочную забастовку с занятием предприятия. Их примеру последовали рабочие завода «Рено» в Клеоне. На другой день ВКТ и ФДКТ провели кратковременные забастовки, демонстрации, митинги и подачу петиций за отмену августовских декретов 1967 года, ухудшавших условия социального страхования для трудящихся[21].

15 мая ВКТ отпечатала в количестве 4 миллионов экземпляров обращение к трудящимся, которое, по словам генерального секретаря конфедерации Ж. Сеги, было «зеленым светом» для развертывания беспрецедентного забастовочного движения[22]. К 25 мая всеобщей стачкой было охвачено 10 миллионов человек[23]. Потерянное рабочее время приблизительно составило 150 миллионов человеко-дней.

Продолжительность забастовок по отраслям промышленности в мае—июне 1968 года выглядела так[24]:

Автомобильная промышленность	28 дней
Первичная обработка металлов	24 дня
Электротехническая промышленность	23 дня
Судостроительная, авиационная, химическая и резиновая промышленность	22 дня
Машиностроение, полиграфическая промышленность, издательства	21 день
Транспорт	19 дней
Угольная промышленность и связь	17 дней
Газовая промышленность, электростанции, горная и металлургическая промышленность, строительство, коммунальное хозяйство и административные службы	16 дней
Строительная, керамическая, стекольная и лесная промышленность, финансовые учреждения	15 дней
Кожевенно-обувная, кондитерская, картонно-бумажная промышленность	14 дней
Нефтяная и швейная промышленность, торговля	13 дней
Пищевая и текстильная промышленность, переработка сельскохозяйственной продукции	12 дней

Отличительной особенностью майских забастовок был их боевой, наступательный дух, выразившийся в занятии предприятий. Так, в департаменте Нор половина промышленных предприятий была занята рабочими[25]. Подобная форма трудового конфликта впервые была применена французскими трудящимися в широких масштабах в период Народного фронта, в июне 1936 года. Она не только оградила рабочих от штрейкбрехеров, но и способствовала воспитанию классового сознания трудящихся. На занятых рабочими предприятиях проходили митинги и диспуты, организовывались семинары и спортивные состязания, артисты давали бесплатные концерты. Возник своеобразный психологический климат трудовой солидарности. Не только рабочие, но и инженеры и служащие предприятий ощутили общность интересов. «Мы все жили в коллективе, — свидетельствует один ответственный инженерно-технический работник фирмы «Томсон», входивший в профсоюз ФДКТ, — и это смешение профессиональных категорий чрезвычайно обогащало нас»[26].

Главные требования французского рабочего класса были определены в заявлении Национального конфедерального комитета ВКТ 17 мая. Они касались отмены декретов, ухудшавших режим социального обеспечения; увеличения заработной платы, сокращения рабочей недели, снижения возраста, дающего право на пенсию; принятия эффективных мер по ликвидации безработицы, обеспечения профсоюзных свобод на предприятиях в законодательном порядке. Инженерно-технические специалисты нередко выдвигали требования участия в управлении[27].

Занятие предприятий бастующими вызвало к жизни новую форму организации — стачечные комитеты, которые в одних случаях назначались профсоюзами, а в других создавались общими собраниями. На многих предприятиях развевались красные флаги и шли дискуссии об управлении промышленностью и обществом в целом.

Бастовали не только промышленные рабочие, но и работники государственных учреждений, почты, телеграфа, банков, радио и телевидения, актеры театров и кино. Такое массовое участие служащих и интеллигенции было новым элементом социальных битв во Франции. 20 мая, впервые за всю историю своего существования, прекратил операции Банк Франции. Для буржуазии это было

самым ужасным предзнаменованием надвигающейся социальной бури. Отчетливо политический характер носила забастовка работников радио и телевидения. Журналисты требовали «свободы информации», то есть права на объективную информацию.

В майских событиях 1968 года ВКТ не была захвачена врасплох. Она проводила проверенную годами борьбы тактику: во-первых, взяла под свою защиту лишь конкретные обязательства, а во-вторых, заявила в коммюнике своего Конфедерального бюро 22 мая, что «ни одно решение не будет ею принято без проведения консультаций на предприятиях» [28].

Что касается ФДКТ, то она, имея соглашение о единстве действий с ВКТ, первоначально соглашалась на сотрудничество только по одному вопросу — защиты и расширения профсоюзных прав на предприятиях. Конфедерация выдвинула левацкий лозунг установления «профсоюзной власти» [29]. При этом своими действиями она не подкрепляла объявленных намерений. Конфедерация не ответила на многочисленные предложения ВКТ провести встречу для того, чтобы достигнуть соглашения между всеми профсоюзными центрами и левыми партиями [30]. Вместе с тем, поддавшись соблазну играть самостоятельную политическую роль, ФДКТ выступила с призывом сформировать «переходное правительство» без участия коммунистов [31]. Эта конфедерация и Национальный союз студентов Франции не поддержали призыв ВКТ о проведении совместной демонстрации рабочих и студентов 29 мая за создание левого правительства [32]. 4 июня того же года руководители ФДКТ направили циркулярное письмо в низовые организации, рекомендуя им на парламентских выборах с первого тура содействовать тому, чтобы в «наилучшем положении оказался левый кандидат-некоммунист» [33].

«Форс уврие» хотя и присоединилась к всеобщему забастовочному движению в мае—июне 1968 года, однако постоянно рекомендовала своим профсоюзам не выходить за рамки экономических требований и препятствовать политизации движения [34]. Генеральный секретарь конфедерации А. Бержерон последним дал согласие на присоединение к всеобщей забастовке и первым призвал к возобновлению работы [35].

Самое мощное в истории Франции по размаху и продолжительности забастовочное движение вынудило правительство и предпринимателей к отступлению.

24 мая президент де Голль выступил с обращением по телевидению, в котором предложил провести референдум по вопросу обновления социальных структур. Его речь, однако, не произвела должного впечатления. ВКТ, в частности, отвергла туманное реформистское обещание об «участии в профессиональной ответственности». В заявлении Конфедерального бюро ВКТ указывалось: «Трудящиеся требуют не референдум об участии, а лучшие условия жизни и труда»[36]. Левацкие элементы во второй половине дня 24 мая снова сделали попытку соорудить баррикады.

26 мая премьер-министр Ж. Помпиду созвал совещание правительства с представителями профсоюзов и предпринимателей. Такие совещания во Франции созывались прежде всего два раза — в 1936 и 1946 годах — в периоды высокой политической активности рабочего класса.

Предприниматели и правительство пошли на частичные уступки. Соглашение, заключенное 27 мая и получившее название «гренельский протокол» (переговоры проходили в здании министерства труда на улице Гренель), предусматривало повышение с 1 июня минимальной почасовой зарплаты с 2,22 франка до 3 франков и ликвидацию зональных различий в заработной плате. Реальная заработная плата трудящихся должна была быть повышена на 7 процентов, а с 1 октября — на 10 процентов. Было достигнуто соглашение о сокращении продолжительности рабочей недели на 1—2 часа до 1970 года, о гарантиях профсоюзных прав на предприятиях, повышении пенсии по старости и уменьшении платы за лечение[37]. Вместе с тем правительство и патронат не согласились удовлетворить главные требования ВКТ об общем повышении зарплаты, отмене августовских декретов 1967 года по социальному страхованию.

Не удовлетворившись частичными уступками правительства, рабочие отклонили «гренельский протокол». Такое решение приняли общие собрания предприятий фирмы «Рено» в Булонь-Бийянкуре, Клеоне и Ле-Мане, рабочие «Ситроен», «Берлие», «Родиасета», «Сюд-Авиасьон», и «СНЕКМА»[38]. Учитывая мнение рабочего класса, ВКТ отказалась подписать «гренельский протокол» и потребовала вести переговоры по отдельным отраслям. Трудящиеся Франции решили продолжать борьбу.

Хотя цели забастовок носили в основном экономический характер, вместе с тем движение выражало стремление к глубоким политическим переменам. По существу,

впервые был отчетливо поставлен вопрос о замене власти монополий. «Требования рабочих, — писала газета «Юманите», — идут дальше чисто экономических требований. Рабочие не только отвергают голлистскую политику — они ставят под вопрос существование строя, который их эксплуатирует и унижает» [39]. Такое же мнение высказывал генеральный секретарь профсоюза ВКТ на заводах «Рено» Э. Албеер. «Я знаю, — говорил он, — что среди значительной части наиболее сознательных трудящихся было мнение, что можно пойти значительно дальше. Они были сильно уверены в возможности изменения власти и установления народного правительства именно потому, что они выдвигали требования, которые по существу ставили под вопрос природу власти» [40].

Как отметил В. Роше на пленуме ЦК ФКП в Шампиньи в декабре 1968 года, «в дни борьбы в мае—июне можно было констатировать, что социалистические идеи овладели новыми слоями трудящихся и интеллигенции, несмотря на то, что и те и другие понимают социализм по-разному» [41]. Хотя для революционной ситуации тогда не созрели все необходимые условия, в частности не было достаточного единства профсоюзов и левых партий, однако элементы кризиса власти были налицо.

С большим основанием генеральный секретарь ВКТ Ж. Сеги указывал, что «рабочий класс зачастую демонстрировал свое призвание сменить буржуазию в качестве господствующего класса» [42]. Именно об этом свидетельствовала высокая организованность и чувство ответственности, проявленные трудящимися в ходе забастовки, когда занятие предприятий сопровождалось поддержанием в полной сохранности оборудования и бесперебойной работой ряда общественных служб.

Крестьяне в своей массе были солидарны с борьбой трудящихся города. Их выступления в этот период были отмечены несколько раз: только в одном из них, 24 мая, участвовало 200 тысяч человек [43]. Такого размаха выступлений труженников земли Франция не знала уже давно. Крестьяне вновь преградили своими тракторами и повозками движение транспорта на многих шоссейных дорогах. Крупные столкновения с силами полиции произошли в департаментах Алье и Верхняя Вьенна. В Нанте рабочие, крестьяне и студенты самочинно переименовали «Королевскую площадь» в «Народную площадь» [44].

Невиданный размах забастовочной борьбы, резкий взрыв протеста против антирабочей социально-экономиче-

ской политики Пятой республики, охватившие широкие слои населения, — все это настоятельно требовало ускорить разработку общей правительственной программы левых. На это обстоятельство обратило внимание 16 мая в своем заявлении Политбюро ЦК ФКП. 17 мая в новом заявлении Политбюро указало на необходимость «предложить альтернативу, открыть широкую перспективу миллионам французов и француженок, которые жаждут перемен и хотят знать, по какому пути они пойдут. Вот почему Коммунистическая партия считает, что надо безотлагательно заключить соглашение между партиями и профсоюзами о прогрессивной социальной программе, которая явилась бы составной частью правительственной программы нового парламентского большинства» [45]. 21 мая газета «Юманите» вышла с призывом к созданию комитетов действий за образование народного правительства демократического союза. В тот же день ВКТ предложила провести встречу представителей Компартии, Федерации демократических и социалистических левых сил и основных профсоюзных центров для разработки совместной программы действий.

События развертывались с такой быстротой, что Компартия и ВКТ, не имея возможности использовать самые мощные средства информации — радио и телевидение, — почти ежедневно публиковали обращения. Некоторые из них носили даже указание часа выхода в свет.

В период с 27 по 30 мая буржуазная печать пыталась создать ложное представление, будто государственная власть распадается. Голлистская газета «Насьон» назвала эти дни «повстанческим кризисом» [46]. «В течение трех дней, — писал Р. Арон, — французы почти физически ощущали отсутствие власти» [47]. Буржуазный журналист Ж. Ферньо высказывает в книге «Смерть одной революции» такое же мнение: «В политическом мире ни для кого, по крайней мере для автора этой книги, не было тайной, что министры... ждали, что их вот-вот прогонят из занимаемых национальных дворцов» [48]. Иллюзии о распаде власти поддались также некоторые левые деятели. Ф. Миттеран, например, заявил на пресс-конференции 28 мая, что «нет больше государства» [49].

Однако для революционной ситуации во Франции в мае 1968 года не хватало некоторых элементов субъективного порядка. Майские события явились неожиданностью как для правящих кругов, так и для левых сил. Инициатива нередко исходила от масс. Отнюдь не по

вине Компартии левые силы не имели общей программы, которую можно было бы немедленно противопоставить государственно-монополистическому капитализму. Из-за маневров социалистов, радикалов и некоторых профсоюзных центров в левом лагере не было единства. В ходе развертывавшегося политического кризиса некоторые левые элементы попытались использовать массовое движение для прихода к власти в случае крушения голлизма «переходного правительства» при фактическом отстранении коммунистов.

Майские события показали непоследовательность руководителей Федерации демократических и социалистических левых сил, отсутствие прочных связей с массовым рабочим и демократическим движением. Лидер социалистов Ги Молле был освистан участниками демонстрации 13 мая в Париже[50]. 27 мая генеральный секретарь ФКП В. Роше предложил руководству Федерации демократических и социалистических левых сил провести немедленную встречу, но последнее уклонилось от переговоров под предлогом необходимости подготовки согласованного решения коллективных членов федерации[51].

Отсутствие совместной левой альтернативы политике государственно-монополистического капитализма, неразработанность лозунгов и программ, способных выразить всю совокупность требований масс (по вопросам образования, социальных реформ, национализации, рабочего контроля и др.), — все это не способствовало развитию народного движения за коренные перемены. Гошисты (левацкие элементы) спекулировали на недовольстве масс, но их выступления вносили дезорганизацию в народное движение.

Усилиями гошистских группировок к 31 мая было создано 460 «комитетов действия», которые в большинстве случаев были центрами политической агитации[52]. Их главная цель состояла в том, чтобы, по выражению одного из вожаков парижских студентов, лидера «Движения 22 марта» Д. Кон-Бендита, «открыть брешь», то есть любой ценой спровоцировать политический кризис, невзирая на последствия[53].

Нельзя отрицать, что в движении студентов было много демократических элементов. Разрушить сложившуюся иерархию, ликвидировать социальный консерватизм капиталистического общества — таков был лейтмотив студенческих афоризмов, появившихся на стенах факультетов Парижского университета в мае 1968 года.

Будучи в своем большинстве выходцами из непролетарских слоев, студенты испытывали влияние разнородных течений лево-экстремистского толка, однако демократическая и антикапиталистическая направленность их основных лозунгов была неоспорима. Протест против ограничения свободы творчества, против отчуждения личности сквозил в таких изречениях: «Дайте свободу выражения!», «Саботируйте индустрию культуры!», «Быть свободным в 1968 году — значит участвовать!», «Революция — это инициатива!» и другие [54].

Студенческое движение, развивавшееся под лозунгами левого экстремизма, приняло преимущественно форму тотальной критики буржуазной культуры, не затрагивая при этом политических и экономических устоев буржуазного общества. Для многих наблюдателей, в том числе из буржуазного лагеря, не оставалась незамеченной классовая незрелость лозунгов студенческой молодежи. Майское движение, писал публицист и крупный предприниматель Ж.-Ж. Серван-Шрейбер, «ставит под вопрос не собственность, которая рассматривается как второстепенная проблема, а в первую очередь власть и авторитет. Оно намеревается захватить не средства производства, а центры управления» [55]. Образование своеобразной студенческой коммуны в Сорбонне и Одеоне после того, как оттуда ушла полиция, было лишь пародией на захват власти.

Самой выразительной надписью, характеризовавшей общий настрой студенческой молодежи, была надпись, сделанная в филиале Парижского университета в Санзье: «Здесь все рождается стихийно!» [56]. Вера в стихийность, переоценка спонтанности массового движения всегда была присуща левому экстремизму.

Претензии левацки настроенной части студенчества на руководящую роль в массовом демократическом движении получили отпор. 17 мая ВКТ и Национальная федерация объединений сельских хозяев отвергли вмешательство студентов. Главный редактор газеты «Юманите» Р. Андриё писал в этой связи: «Рабочий класс достаточно сознателен и не нуждается в опекунах» [57].

27 мая Национальный союз студентов Франции, за спиной которого в то время стояла Объединенная социалистическая партия, и ФДКТ организовали 50-тысячный митинг на парижском стадионе Шарлети. Выступавшие на митинге ораторы бросали обвинения в сторону Компартии и ВКТ за то, что они-де сдерживают револю-

цию[58]. Фактически это была попытка умалить роль авангарда рабочего класса и произвести за его спиной политическую сделку. Присутствие на этом собрании П. Мендес-Франса, кумира буржуазного реформизма, было поистине символичным. За «операцией Шарлети» стояли М. Рокар и Ж. Мартине (Объединенная социалистическая партия), Э. Мэр и М. Гонен (ФДКТ), Р. Коттав («Форс увриер»), студенческий вожак Ж. Соважо и изменивший Компартии и ВКТ А. Баржонэ[59].

28 мая руководство Федерации демократических и социалистических левых сил предложило создать «переходное правительство». Насколько эта идея была далека от опоры на рабочий класс, свидетельствует тот факт, что она получила одобрение П. Мендес-Франса, лидера центристов Ж. Леканюэ и правоцентриста А. Пинэ[60].

Хотя правящие круги и испытывали растущую растерянность, в целом они продолжали контролировать положение. В столице были сосредоточены полицейские силы из 65 департаментов. 17 мая заявили о себе «комитеты гражданского действия» (позже они стали называться «комитетами защиты республики»), созданные под руководством министра внутренних дел Р. Фрэ для расправы с демократами. В конце мая их членам было роздано оружие[61]. В ночь с 29 на 30 мая на подступы к Парижу были стянуты войска численностью более 100 тысяч человек[62].

Очевидный план реакции состоял в том, чтобы спровоцировать левые силы на выступление, а затем обрушить на них репрессии. Военно-полицейский аппарат Пятой республики к этому моменту состоял из 573 тысяч человек, подчиненных военному министерству, 70 тысяч полицейских в префектурах и 13,5 тысячи охранников из «отрядов республиканской безопасности» министерства внутренних дел[63], не считая тайной «параллельной» полиции.

Оценивая создавшуюся ситуацию, В. Роше говорил на пленуме ЦК ФКП, состоявшемся в Нантере 8—9 июля 1968 года: «На деле выбор, который можно было сделать в мае, был такой. Либо действовать так, чтобы забастовка позволила удовлетворить основные требования трудящихся и одновременно продолжать в политическом плане борьбу за необходимые демократические преобразования в рамках закона. Такова была позиция нашей партии. Либо ввязаться сразу в испытание силы, иначе говоря, поднять восстание, прибегнув к вооруженной борьбе с

целью насильственного свержения власти. Такова была авантюристическая позиция некоторых ультралевых групп. Но поскольку силы армии и полиции находились на стороне установленной власти, а огромное большинство народа было абсолютно враждебно настроено в отношении подобной авантюры, было очевидно, что встать на этот путь означало бы попросту повести трудящихся на избиение, обречь на поражение рабочий класс и его авангард — Коммунистическую партию» [64].

Кульминационным моментом майского кризиса явилось внезапное «исчезновение» президента де Голля из Елисейского дворца 29 мая, о котором не был поставлен в известность даже премьер-министр. Хорошо осведомленный журналист Ж.-Р. Турну в книге «Сказанное когда-то» свидетельствует, что де Голль совершил своеобразный маневр, рассчитанный на нагнетание растерянности и страха. По возвращении из поездки на вертолете к главнокомандующему французскими войсками в ФРГ генералу Массю в личной беседе с Ж. Помпиду де Голль поведал о целях предпринятого им шага: «Если вы хотите, чтобы эта страна согласилась с тем, что вы желаете, нужно привести ее в состояние оцепенения и сделать быстрый маневр под прикрытием занавеса» [65].

Получив заверения Массю о полной лояльности его войск правительству, президент выступил 30 мая по радио и телевидению с обращением, в котором объявил, что он распускает Национальное собрание и назначает новые парламентские выборы. Утверждая, будто Франции угрожает диктатура «тоталитарного коммунизма», президент призвал к организации «гражданских действий», иными словами, к активизации правых сил, и недвусмысленно дал понять, что, если создавшаяся ситуация не изменится, он будет вынужден избрать для сохранения режима «иные пути, чем немедленное голосование» [66].

Речь де Голля послужила сигналом для мобилизации сил реакции. На Елисейских полях в тот же день состоялась манифестация правоверных голлистов, «золотой молодежи» и «красных беретов» из парашютных войск, составлявших некогда отборную часть колониальной армии. Вереницы дорогих автомашин забили проезд от площади Согласия до площади Звезды и устроили «концерт» сигнальными гудками. В окрестностях Парижа были замечены передвижения войск.

Делегации ФКП и ФДСЛС провели серию бесед, результатом которых явилось заявление от 1 июня, расши-

ряющее и уточняющее экономическую и социальную часть их соглашения от 24 февраля 1968 года. В этом заявлении ФКП и ФДСЛС выступили за повышение минимальной заработной платы до 600 франков в месяц, за уменьшение продолжительности рабочей недели до 40 часов (как в годы Народного фронта), за проведение борьбы с безработицей. Они выдвинули также требования реформы в области сельского хозяйства, просвещения и жилищного строительства. Левые партии предложили выделить на нужды народного образования четвертую часть государственного бюджета[67]. Однако это не была совместная правительственная программа, что было отмечено в коммюнике Секретариата ЦК ФКП[68]. Коммунистам Ф. Миттеран предлагал всего только одно место в своем правительстве[69].

После 30 мая народное движение постепенно пошло на убыль. Забастовки прекращались. Последними возобновили работу рабочие автомобильных заводов «Рено» (17 июня), «Берлие» (19 июня), «Пежо» (20 июня), «Ситроен» (24 июня) и работники радио и телевидения (27 июня)[70].

Состоявшиеся 23 и 30 июня выборы в Национальное собрание явились в известной мере ответной реакцией буржуазии и средних слоев, напуганных размахом выступлений рабочего класса и студентов. Правящие партии, выступавшие под флагом «Союз в защиту республики», развернули предвыборную кампанию в тонах резкого антикоммунизма.

За несколько дней до начала голосования газета «Пари-жур» проницательно заметила: «5 процентов избирателей, не занимающих определенной позиции, могут решить все»[71]. Так оно и вышло на самом деле. Парламентские выборы дали относительное большинство голлистам (43,65 процента голосов). Напуганные невиданным забастовочным движением, провокациями левацких элементов и шантажом реакционеров, неустойчивые «средние слои» склонились вправо. «Урны дали слово молчаливым, — указывал французский исследователь М. Пароди, — иначе говоря, крестьянским массам, среднему классу — от мелких торговцев до представителей «свободных профессий» — и даже части рабочих и служащих, которые вынужденно следовали за движением»[72]. Де Голлю удалось также заключить союз с крайне правыми силами: перед голосованием были амнистированы последние находившиеся в заключении оасовские главари.

Об остроте политических боев свидетельствовал тот факт, что во втором туре в четырех из каждых пяти избирательных округов соперничество шло всего между двумя кандидатами, тогда как в 1967 году во втором туре дуэль между двумя кандидатами проходила в трех из каждых четырех округов, а в 1962 году — лишь в двух из трех. Однако в результате применения антидемократической мажоритарной системы левые партии, за которые в первом туре было подано 40,74 процента голосов, провели всего 91 депутата из 486[73]. Имело свое значение и то, что избирательным правом не пользовались 2 миллиона молодых людей от 18 до 21 года (7—8 процентов граждан)[74]. Вместе с тем избиратели, обычно голосующие за левых, были, наверное, разочарованы слишком медленным продвижением демократических партий к единству, в частности отсутствием правительственной программы. ФДСЛС потеряла на выборах полмиллиона голосов. Если до этого федерация имела 118 депутатов в Национальном собрании, то теперь только 57[75]. По данным опроса общественного мнения, если бы президентские выборы состоялись в июле того же года, Ф. Миттеран получил бы 23 процента голосов, хотя еще в 1967 году за него выражали готовность голосовать 44 процента опрошенных[76]. Левые потеряли часть голосов крестьянства, недовольного убытками на поставках ранних овощей вследствие всеобщей забастовки работников транспорта[77].

Июньские выборы явились в некотором роде реваншем правых сил за «красный май», показавший правящим кругам мощь рабочего и профсоюзного движения.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МАЙСКИХ СОБЫТИЙ

События мая—июня 1968 года во Франции вошли в летопись выдающихся проявлений международного рабочего движения. Все значение этих событий нельзя сводить только к упорным забастовкам трудящихся и к выступлениям студенчества. Это был симптом глубокого кризиса французского государственно-монополистического капитализма. Тотальная критика капитализма раздавалась в самых широких кругах, что нашло отражение в таком изречении: «Народ взял слово, подобно тому, как в свое время он взял Бастилию»[1]. Проведенный в самый разгар майских событий, 18 мая, опрос об-

щественного мнения показал, что 60 процентов французов хотели бы установления новой формы общества [2].

Будучи первым после Народного фронта резким столкновением французских трудящихся с буржуазным обществом, эти события опровергли измышления буржуазной пропаганды о том, что рабочий класс промышленно развитых стран капитала будто бы утратил свою революционность. Они свидетельствовали о том, что классовая борьба вовлекает в свою орбиту не только промышленный пролетариат. Появляются огромные возможности расширения антимонополистического союза путем включения в него служащих, инженерно-технических работников, преподавателей, студентов, творческой интеллигенции.

«Красный май» 1968 года был взрывом глубокого недовольства трудящихся страны всевластием монополий. В. И. Ленин указывал, что «великое значение всяких кризисов состоит в том, что они скрытое делают явным, отбрасывают условное, поверхностное, мелкое, отметают прочь политический сор, вскрывают истинные пружины действительно происходящей *классовой борьбы*» [3].

Ничего похожего на «красный май» во Франции не происходило с 1936 года. Возникшее народное движение открыло период всестороннего кризиса французского государственно-монополистического капитализма. Это движение показало, что научно-техническая революция не только не снимает, но, напротив, углубляет противоречия капитализма, делает его уязвимым.

Социально-политический кризис мая—июня 1968 года нанес жестокий удар по режиму личной власти президента, рассеял иллюзии относительно «надклассовой» природы голлизма. Майские события показали, что революционно-демократические традиции Парижской Коммуны, Народного фронта, движения Сопротивления, периода борьбы «за новую Францию» в первые послевоенные годы живы среди широких слоев трудящихся.

Каковы же главные итоги майско-июньского движения?

Во-первых, рабочий класс Франции доказал своими действиями, что именно он является главной антимонополистической силой, под руководством которой и другие слои общества могут добиться осуществления своих социально-экономических и политических требований. «Никакие маневры и спекуляции не могут затмить тот основной факт, — отмечал секретарь ВКТ А. Кразюки, —

что в результате забастовки мая—июня 1968 года рабочий класс усилился, его позиции укрепились, его удельный вес стал более значительным»[4].

Во-вторых, фронт классовой борьбы в стране необычайно расширился в результате активного включения новых социальных категорий — работников умственного труда, работающих на производстве женщин и студенческой молодежи.

В-третьих, майские события показали, что французская буржуазия оказалась достаточно маневренной. Она пошла на значительные уступки трудящимся, но одновременно была готова применить насилие.

Один из уроков майских событий состоял в том, что профсоюзы в период острого политического кризиса при условии единства действий могут оказаться решающей силой.

Социальные завоевания «красного мая» были достаточно весомы. Впервые за многие годы (после Народного фронта и 1944—1947 годов, когда коммунисты участвовали в правительстве) рабочий класс добился признания принципа коллективного обсуждения с предпринимателями и правительством условий труда. В итоге многодневных упорных классовых боев трудящихся предприниматели и правительство были вынуждены сделать более серьезные уступки, чем те, которые содержались в «гренельском протоколе». В результате переговоров по отдельным секторам экономики заработная плата была в среднем повышена на 17 процентов с 1 июля 1968 года по 1 июля 1969 года (однако с учетом одновременного роста цен и налогов — реально на 8 процентов[5]). Некоторые категории трудящихся добились сокращения рабочей недели. Выплаты по социальному страхованию были увеличены с 70 до 75 процентов стоимости лечения для работающих и членов их семей и до 80 процентов для инвалидов и пенсионеров[6]. В общем итоге трудящиеся получили более 60 различных преимуществ[7].

Однако не все требования бастовавших были удовлетворены. Остался нерешенным вопрос о «подвижной шкале» заработной платы, о снижении пенсионного возраста и другие. В последующие годы забастовочное движение снова выдвинуло их в повестку дня. Тем не менее майско-июньское движение помогло трудящимся Франции добиться таких уступок от предпринимателей и правительства, на которые они не соглашались на протяжении более двадцати лет.

27 декабря 1968 года вступил в силу новый закон о профсоюзных правах, ставший еще одним завоеванием французского рабочего класса. Его появление было вызвано тем, что хотя законом 1884 года профсоюзы и признавались, но им не разрешалось развертывать свою деятельность на предприятиях: собирать взносы, проводить собрания, расклеивать афиши и объявления, распространять профсоюзную печать. В зависимости от соотношения классовых сил в той или иной отрасли промышленности, районе или на отдельном предприятии капиталисты то допускали, то запрещали, то затрудняли деятельность профсоюзов. Только под напором майских событий правительство было вынуждено согласиться на принятие нового закона, разрешавшего профсоюзную работу на предприятиях.

ВКТ добилась допуска ее представителей в административный совет Национального общества железных дорог[8]. 7 января 1969 года было подписано соглашение между государственным объединением шахт «Шарбонаж де Франс» и профсоюзами, восстанавливавшее деятельность рабочих комитетов на шахтах, ликвидированных в 1948 году. В целом число фабрично-заводских комитетов значительно увеличилось: до мая 1968 года их было 9 тысяч, а после стало 12 тысяч. Помимо организации социальных мероприятий, эти комитеты получили в соответствии с законом от 18 июня 1966 года право совещательного голоса по вопросам профессионального образования, занятости и заработной платы[9].

Нельзя в полной мере оценить историческое значение «красного мая» во Франции, не упомянув о том, как он освещался во французской литературе.

Вызвавшие своеобразный психологический шок у французской буржуазии события мая—июня 1968 года стали темой многочисленных комментариев, очерков и исследований. «Майская литература» насчитывает уже многие сотни томов. Хроника событий сейчас доподлинно известна по каждому дню, хотя не все газеты выходили в те дни. Тем не менее участию рабочего класса в майских событиях посвящено несравнимо меньшее число книг буржуазных авторов, чем студенческому движению. Среди них следует упомянуть работы Ж.-М. Левера, А. Турена, Ф. Бошара и М. Брюзека, коллективный труд П. Дюбуа, Р. Дюлона, К. Дюрана, С. Эрбес-Сежэн и Д. Видаля и специальный номер журнала «Сосиоложи дю травай».

Сложность и противоречивость событий 1968 года дали повод буржуазной общественно-политической мысли вкривь и вкось толковать особенности современного революционного процесса. Буржуазные журналисты Ф. Бошар и М. Брюзек чрезмерно подчеркивают стихийность рабочих выступлений [10]. Аналогичную точку зрения высказывает и журнал «Сосиоложи дю травай» [11]. Пытаясь бросить тень на революционность рабочего класса, А. Турен, С. Малле, А. Горз, Л. Магри и некоторые другие французские авторы объявляют, будто главная роль в выдвижении далеко идущих политических требований в мае—июне 1968 года принадлежала инженерам и техникам [12].

В буржуазной исторической и публицистической литературе нет единой точки зрения на природу майских событий. В особенности ею всячески затушевывается тот факт, что это было одно из самых крупных во Франции антимонополистических движений.

Либеральные и реакционные историки и публицисты объявили события мая—июня 1968 года чем-то вроде массовой «психодрамы». Р. Арон задал такой тон одним из первых. Он попытался развенчать идеи народного движения и взять под защиту буржуазный строй. Эпиграфом для своей книги «Бесподобная революция» он взял слова из записной книжки Прудона, относившиеся к революции 1848 года: «Сделали революцию без идеи. Французская нация — нация комедиантов» [13]. В этой книге он хотел показать, что в выступлениях студентов, за исключением критики отдельных сторон университетской системы, вообще не было ничего конструктивного.

Вслед за Р. Ароном на студентов обрушился и другой видный идеолог французской буржуазии Ж.-Ж. Серван-Шрейбер. «Это восстание, которое имело целью нарушить и, быть может, разрушить порядок, — писал он, — не было гармоничным развитием второй промышленной революции ни в нашей стране, ни в Европе, а скорее наоборот, являло собой процесс медленного упадка и беззаботного отречения» [14]. Либерально-буржуазные публицисты, таким образом, превратили майские события в трагикомедию, призванную ошеломить и напугать «среднего француза».

Для Ж. Блок-Мишеля это была «бесклассовая» революция (что проявилось-де в отсутствии насилия), революция «без системы, без заранее выработанной идеологии» [15]. Для реформистских оценок майских событий примечательно такое определение, данное одним из руково-

дящих деятелей ФДКТ: «революция без непосредственного политического содержания», «культурная революция» (но без аналогии с тем, что происходило в Китае) [16].

Многие буржуазные авторы пытаются изобразить события 1968 года как «кризис цивилизации», обусловленный научно-технической революцией [17], как конфликт между поколениями, преувеличивая при этом значение «студенческой революции» и преуменьшая роль рабочего движения. Министр сельского хозяйства Э. Фор заявлял в майские дни: «Нынешние события являются выражением кризиса, который не является в строгом смысле университетским, экономическим или социальным. Это духовный кризис, причину которого нужно искать в потрясениях, связанных с нашей эпохой» [18].

Наряду с этим многие буржуазные авторы вынуждены были признать экстраординарный, выдающийся характер событий мая—июня 1968 года. «В несколько недель, — констатировал социолог А. Турен, — майское движение попросту смело идеологию интеграции, приверженцы которой считали, что крупные социальные конфликты невозможны... Кончилось время, когда говорили о конце идеологии, об улаживании социальных конфликтов, о замене политики стратегией, а стратегии — переговорами» [19]. А. Турен выдвинул реформистскую версию нового типа классовой борьбы, при которой якобы происходит конфликт между «техно-бюрократами и профессионалами» [20].

В большом количестве книг и брошюр о майских событиях 1968 года, вышедших во Франции, — от консервативно-буржуазных до троцкистских — бросалось обвинение в адрес Французской коммунистической партии или, по крайней мере, делался намек, что, мол, она «могла», но не взяла власть в свои руки. «Трудящиеся и студенты, — писал троцкист А. Глюксман в брошюре под названием «Стратегия революции», — держали власть в своих руках, но не нашли никакой организованной силы, которой можно было бы ее вручить» [21]. Троцкисты Д. Бенсаид и А. Вебер в книге «Май 1968 года — генеральная репетиция» утверждали, что в создавшейся тогда во Франции обстановке «объективно все было возможно» [22]. Нечто подобное говорилось и в период наивысшего подъема Народного фронта в июне 1936 года, когда наблюдался большой размах стачечного движения, но ФКП своевременно указывала, что это авантюризм, что свержение капитализма в стране еще невозможно.

Печать ФКП и работы ее руководящих деятелей помогают воссоздать объективную картину событий мая—июня 1968 года, дать им классовую оценку, правильно определить их причины и движущие силы, показать истинную роль рабочего класса. Первостепенное значение имеют доклады В. Роше на пленумах ЦК ФКП в июле и декабре 1968 года, книги Ж. Сеги «Май 1968 года и ВКТ», Р. Андриё «Коммунисты и революция» и Л. Салини «Май пролетариев».

Свидетельство генерального секретаря ВКТ Ж. Сеги является особенно весомым. Не «левые» крикуны из числа студентов, заявляет он, а именно ВКТ сделала решающий шаг в развертывании народного движения[23]. Ж. Сеги повествует о настроениях французских рабочих в майские дни, об их организованности и сплоченности, что представляло полнейшую противоположность анархии и авантюризму студенческих левацких групп. Он прямо указывает на то, что ВКТ старалась установить единство действий с другими профсоюзными центрами, в первую очередь с ФДКТ, а также со студенческими руководителями.

В последние годы в продолжающей выходить «майской литературе», можно отметить два новых момента. С одной стороны, происходит известная канонизация событий 1968 года как неповторимой неудавшейся революции. Такова книга историка и одного из участников «студенческой коммуны» Ж. Бейнака «Вновь найденный май»[24]. С другой стороны, продолжается кампания клеветы и оплевывания самой идеи революционного движения. Так, в приуроченной к десятой годовщине событий книге буржуазный публицист П. Пуавр д'Арвор, преподнося развитие революционно-демократического процесса в примитивно-карикатурном виде, заявляет: «Во Франции понятие праздника-революции исчезло»[25].

Будучи известным диссонансом в летописи Пятой республики, «майская литература» отнюдь не свидетельствует об отходе буржуазной историографии от традиционных канонов изображения исторического процесса в виде свершений — подлинных или мнимых — выдающихся личностей. Тем не менее события мая—июня 1968 года заставили ряд буржуазных политологов и социологов острее присматриваться к действительности классовой борьбы. «Рабочеведы» Ж. Адам и Ж.-Д. Рейно не без основания отметили в этой связи известную «интеллектуальную близорукость» многих своих коллег, заключаю-

щуюся в том, что ими «настоящее замечается только тогда, когда оно уже прошло»[26].

Майские события 1968 года стали выдающимся явлением в классовой борьбе в Пятой республике. Решающее значение для победы над властью монополий имеет движение самих масс. Майские события были именно таким движением. Их последствия на внутриполитическое развитие Франции трудно переоценить. 22 мая того же года премьер-министр Ж. Помпиду был вынужден признать, что отныне все не может быть таким, как прежде[27]. Если в предшествовавшем десятилетии наблюдалось преимущественное укрепление политической власти монополий, то в 70-е и начале 80-х годов одновременно стало набирать силу рабочее, профсоюзное и демократическое движение.

Народное движение 1968 года поставило ряд важных вопросов, имеющих принципиальное значение для Франции, а именно: характер и формы проявления революционных возможностей трудящихся в индустриально развитой капиталистической стране, оценка взаимоотношений отдельных социальных групп на фоне крутой ломки социальной структуры общества под воздействием научно-технического прогресса и другие.

Майские события 1968 года показали политическую вредность гошизма (левого экстремизма) — идеологического течения, связанного с определенными кругами интеллигенции и молодежи.

Основными чертами теоретических воззрений гошизма является путаница в вопросах о роли рабочего класса в социалистической революции, о классовой природе государства и его функциях, о путях перехода к социализму. Гошизм состоит из пестрого конгломерата идей, в особенности анархистского и троцкистского толка. От анархизма левый экстремизм отличают только новые исторические условия возникновения и тот факт, что он связан не с отсталыми слоями мелкой буржуазии и люмпен-пролетариата, а с новыми общественными слоями, порожденными научно-технической революцией.

Наталкиваясь на отпор со стороны организованного рабочего движения, «левые ультра» ориентировали свою деятельность на деклассированные элементы, на политически неустойчивых представителей молодежи. В литературе, адресованной главным образом молодежи, они заявили, что им нужна революция не позже, чем завтра. Идеологическая мешанина гошистов складывалась из отдельных цитат, выхваченных из произведений К. Маркса

и В. И. Ленина вне конкретно-исторического анализа. Большое влияние на них оказывали идеи А. Камю, Г. Маркузе и Ж.-П. Сартра. Мятежная, не признающая дисциплины, изолированная личность — таков по существу был идеал гошиста, который старался возвысить французский писатель и философ А. Камю. Но это антипод подлинного революционера нашего времени, который должен быть прежде всего организатором масс, а не бунтарем-одиночкой. Журнал «Экспресс» иронически назвал левых экстремистов «детьми Маркса и «Кока-Колы»[28].

Основа гошизма — анархистское нетерпение, пасование перед трудностями классовой борьбы, антипарламентаризм, неумение разобраться в сложности современного революционного процесса. Левые экстремисты сужали понятие революционной практики до «прямых действий» и насилия при любых условиях. В развитых капиталистических странах, по их мнению, силой, способной осуществить социальные преобразования, могут быть лишь «маргинальные группы» (находящиеся где-то на границе классов), особенно из среды интеллигенции и студенчества. Выдвигая в качестве революционного авангарда молодежь, гошисты явно искажали картину действительного соотношения классовых сил в обществе.

На устах всех гошистов находилось магическое слово «контестация» («оспаривание»). В него вкладывался неопределенный смысл, ибо под этим понимаются и забастовки, и отрицание буржуазной культуры, и различные акты индивидуального бунта. На деле, однако, гошизм объявлял своим «врагом номер один» не столько буржуазное общество, сколько партии и профсоюзы рабочего класса. Когда в мае 1968 года главный вопрос состоял в том, сумеют ли рабочий класс и все демократические силы Франции нанести поражение диктатуре монополий, Объединенная социалистическая партия выступила с левацкими лозунгами «рабочая власть», «студенческая власть» и «крестьянская власть»[29]. Если попытаться вникнуть в существо этих требований, то оказывается, что «рабочая власть» сводилась не к социалистическому перевороту, а к установлению рабочего контроля на предприятии в рамках капитализма. Фактически это означало отложить в сторону решающий вопрос о коллективной собственности на средства производства.

Гошизм причинил немалый вред французскому рабочему и демократическому движению. В условиях роста политического сознания трудящихся и обострения со-

циальных конфликтов во Франции образование мелких левацких группировок тормозило развитие единства действий трудящихся против монополистического капитала. В. И. Ленин еще в 1916 году указывал, что «во Франции всегда много вредила анархистская фраза» [30]. Эти слова могли быть с полным основанием отнесены к некоторым студенческим лозунгам 1968 года и к ряду произведений левых экстремистов.

Демагогия «леваков» отнюдь не пугает монополистическую буржуазию, которая ввиду сокращения возможностей социального и политического маневрирования не прочь содействовать пропаганде идей, почерпнутых из арсенала «левого» и правого оппортунизма. «Прогресс идей социализма в мире настолько велик, — отмечал в этой связи В. Роше, — что сегодня мы видим, как агенты капитализма рядятся в псевдо-социалистов, пытаются предстать «революционерами» [31]. Уничтожающей критике подверг гошизм в книге «Анархисты вчера и сегодня» видный деятель французского и международного коммунистического движения Ж. Дюкло. «Анархизм, — указывал он, — представляет индивидуалистическую концепцию жизни, противостоящую как социалистическому, так и капиталистическому государству» [32].

В майских событиях 1968 года режим личной власти президента обнаружил свою уязвимость. Отсутствие политического диалога, исчезновение гибкого амортизационного механизма парламентской системы делало президента лично ответственным за всякий общественный кризис. «Необходимые клапаны безопасности исчезли... — писал французский журналист Ж.-Р. Турну. — На вершине де Голль сосредоточил в своих руках всю власть и всю ответственность: пирамида держится на голове» [33]. Такого же мнения придерживались и профессор социологии Нантерского университета А. Турен, заявивший, что «в эволюции французского общества до весны 1968 года отсутствовали большие социально-политические дебаты», и журналист М. Пайе, констатировавший отсутствие легальных возможностей проявления народной оппозиции [34].

Стремление генерала де Голля найти выход из кризиса путем серии реформ в направлении развития «участия» [35] встретило сопротивление в буржуазных кругах. В октябре—ноябре 1968 года началась вторая волна бегства капиталов за границу. Франция лишилась за полгода 42 процентов своих золото-девизных запасов [36].

Президент избрал референдум 27 апреля 1969 года относительно реформы управления областей и реорганизации сената и Экономического и социального совета в качестве повода для почетной отставки. Будучи заранее уведомлен о возможном отрицательном исходе голосования, президент заготовил заявление об отставке еще накануне. «Буржуазия предала меня», — признался генерал еще до референдума [37].

Шарль де Голль был выдающийся государственный деятель Франции. Многие исследователи его деятельности и концепций отмечают их противоречивость, ибо они нередко выходили за рамки интересов крупной буржуазии. Так, его идеи независимости внешней политики Франции, необходимости дружбы и сотрудничества с Советским Союзом поддерживались рабочим классом и широкими демократическими кругами. В области внутренней политики при всем нарочитом пренебрежении к партийной системе де Голль считался с основными требованиями демократии.

После 1968 года левые силы начали выдвигать новые лозунги, на первый план вышли «качественные» требования. Рабочее движение стало широко применять новые формы борьбы (например, занятие предприятий). В антимонополистическую борьбу включались новые социальные группы.

Французская коммунистическая партия сделала для себя определенные выводы из массового народного движения. Как указывал впоследствии в интервью газете «Унита» генеральный секретарь Ж. Марше, «май 1968 года дал партии пищу для размышлений, помог ей продвинуть теоретические поиски во многих направлениях... Он побудил нас внимательнее относиться к требованиям и стремлениям, которые решительно выдвигались и на которые прежде мы, возможно, недостаточно реагировали» [38].

ДАЛЬНЕЙШЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ МОНОПОЛИЙ НА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА ТРУДЯЩИХСЯ. ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ДАВЛЕНИЕ БУРЖУАЗИИ НА РАБОЧИЙ КЛАСС

Главная стратегическая линия государственно-монополистического капитализма, как указал XXIV съезд и как подтвердили XXV и XXVI съезды КПСС, состоит в стремлении приспособиться к новой обстановке в мире

и не допустить перерастания классовой борьбы трудящихся в массовое революционное движение[1]. Империалистическая буржуазия, в том числе французская, имеет немалый опыт сдерживания выступлений рабочего класса. Применяемые ею тактические приемы отрабатывались многие десятилетия.

«...Буржуазия, — отмечал В. И. Ленин, — во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению... Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.»[2].

Имея большие демократические традиции, Франция не представляет исключения в общей тенденции государственно-монополистического капитализма ограничить, ущемить гражданские и социальные права трудящихся.

В конституции Четвертой республики провозглашалось равенство мужчины и женщины во всех областях общественной жизни; право на труд, на социальное обеспечение, на образование и на пользование благами культуры; право трудящихся на забастовку и на участие в управлении производством, право государства национализировать любую монополию. В конституции Пятой республики упоминание об основных гражданских и социально-экономических правах выглядит менее отчетливо.

После майских событий 1968 года на случай новых серьезных столкновений с рабочим классом правительство Ж. Шабан-Дельмаса добилось принятия 4 мая 1970 года закона, косвенно ограничивавшего право на демонстрации[3]. Под предлогом охраны общественного порядка от действий, связанных с причинением материального ущерба, власти получили право подвергать тюремному заключению участников демонстраций сроком от 1 года до 5 лет. Этот закон ввел во французскую юрисдикцию новое понятие коллективной ответственности, которое может быть использовано для преследования демократических организаций. Профсоюзы и левые партии квалифицировали этот акт как «гнусный закон». В резолюции недоверия, внесенной 14 апреля 1971 года в Национальное собрание социалистами, констатировалось, что «только насильственные действия позволят различным кате-

гориям граждан добиться от государственных властей принятия во внимание их требований»[4].

Вступивший в силу в феврале 1981 года новый антирабочий «закон Пейрефита» позволяет властям наложить запрет на любые манифестации и уличные шествия. Участников забастовок, занявших производственные помещения, они могут привлекать к уголовной ответственности, а бастующих работников железнодорожного транспорта — карать тюремным заключением сроком до двух лет.

Ущемления демократии во Франции весьма многочисленны. Проблема профсоюзных свобод на предприятиях далеко не снята. Коллективные договоры, защищающие права и жизненный уровень трудящихся, подвергаются систематической атаке со стороны предпринимателей. Вынужденные пойти в 1968 году на значительные уступки рабочему классу, предприниматели обрушили лавину репрессий против профсоюзов и неугодных им рабочих активистов. Оплата труда по самой низкой шкале, увольнения профработников ВКТ — такой стала классическая форма репрессий. Только на 283 машиностроительных предприятиях в 1969 — 1971 годах были уволены 304 профсоюзных деятеля и 35 делегатов персонала, не считая многих других случаев нарушения профсоюзных свобод (штрафы, отказ предоставить профсоюзам помещение на предприятиях и т. п.)[5].

14 ноября 1972 года генеральный секретарь ВКТ Ж. Сеги направил министру внутренних дел письмо протеста против полицейских мер в отношении профсоюзных активистов. Комиссариаты полиции ввели незаконную практику требовать от освобожденных профсоюзных работников данные о зарплате, об их профсоюзной и политической деятельности, о занятиях и политической деятельности их близких. С 1974 года по май 1976 года, по данным ВКТ, были зарегистрированы десятки тысяч нарушений профсоюзных свобод на предприятиях[6]. В 1976—1979 годах были уволены более 10 тысяч профсоюзных активистов[7].

Секретарь ВКТ А. Кразюки верно отметил, что «в условиях капитализма предприятия превращены в подлинные феодальные вотчины»[8]. На многих заводах создана частная полиция. Только в Парижском районе она насчитывала 15—20 тысяч человек[9]. Нанятые предпринимателями головорезы терроризируют участников стачек и профсоюзных активистов. Предпринимательским

произволом особенно отличаются такие фирмы, как «Ситроен», «Симка», «Пежо» и «Крезо-Луар» [10]. На заводах «Ситроен» менее 5 процентов рабочих отваживаются вступить в профсоюз.

Формой юридических репрессий против профсоюзов является обращение дирекций предприятий в суд с требованием возмещения убытков, причиненных забастовками. Так, в 1975 году к такой мере прибегала администрация национализированных компаний «Рено» и «Эр Франс».

Предприниматели широко используют агентурные сведения при найме рабочих и служащих. За данные, касающиеся профессиональных качеств, норм поведения, привычек, взглядов, политической и профсоюзной деятельности соискателей рабочего места, предприниматели уплачивают поставщикам информации по определенной таксе. Регистрируемые при этом принадлежность к Компартии или выборная профсоюзная должность, а также активное участие в забастовках нередко служат поводом к отказу в работе [11]. «Профсоюзная свобода на предприятии еще допустима, — заявил председатель Национального совета французских предпринимателей Ф. Сейрак, — но не свобода выражения политических взглядов» [12].

Частью стратегии монополий является своего рода «политический демонтаж» промышленных районов, которые зарекомендовали себя оплотом классовых битв, — «красного пояса» Парижа, Эльзаса, Лотарингии, а также ряда отраслей промышленности. Операции подобного масштаба осуществляют транснациональные компании.

Серьезным нарушением демократических свобод в последнее время стала начавшаяся исподволь по примеру ФРГ подготовка к «запретам на профессии». ВКТ довела до сведения общественности содержание инструкции, направленной 26 февраля 1979 года секретариатом премьер-министра во все министерства, в которой вменялось в обязанность указывать в личных делах государственных служащих «основные черты их общественного поведения», иначе говоря, их политические взгляды и принадлежность к профсоюзам и партиям [13].

В свое время правительство жестоко расправилось с бастовавшими в мае—июне 1968 года журналистами радио и телевидения: 71 человек был уволен, около 30, работавшим по контракту, было отказано в возобновлении

соглашения, 22 человека были переведены на другие участки работы[14]. 6 сентября 1979 года вступил в силу закон, фактически запрещающий забастовку работников радио и телевидения[15].

В области информации наступление монополий на демократию находит свое выражение не только в ужесточении правительственного контроля над радио и телевидением, но и в усилившейся концентрации прессы в руках немногих трестов. Еще в 1968 году во Франции издавались 23 провинциальные газеты, к 1979 году их число сократилось до 16, причем еще 7 грозило исчезновение[16]. Олицетворением монополизации прессы стал М. Эрсан, сосредоточивший в своих руках 12 ежедневных газет, 9 еженедельников, 11 специализированных журналов, агентство печати, рекламное агентство и многие типографии[17].

Буржуазные органы печати во Франции, не будучи формально партийными, проявляют большую заинтересованность в том, чтобы казаться независимыми и объективными. Это достигается с помощью опубликования «пестрой» — не только разнообразной, но и внутренне противоречивой информации. Порой в одном и том же номере газеты высказываются прямо противоположные точки зрения по какому-либо важному, волнующему общественное мнение вопросу. Так поступает, например, газета «Монд». Нередко в адрес правительства со страниц буржуазной прессы раздается критика. Однако в целом пропагандистские акценты расставлены в нужном для буржуазии направлении. Забастовки, как правило, преподносятся с точки зрения тех трудностей и неудобств, которые они создают для населения, положение в социалистических странах и их внешняя политика искажаются.

Ущемления социальных прав трудящихся отчетливо выражены в нынешней системе образования. Позиция правящих кругов состоит в сохранении социального отбора в школе и в университете, в подготовке ограниченного числа специалистов высокой квалификации и в узкой профессионализации основной массы учащихся и студентов. Число студентов университета — выходцев из рабочих семей не только не увеличилось, но, наоборот, уменьшилось с 11 процентов в 1975 году до 9 процентов в 1979 году[18]. Систематически урезываются ассигнования на строительство школ, сокращается число преподавателей, все меньше предоставляется стипендий. Если в 1965 го-

ду 23 процента студентов получали стипендии, то в 1979 году — 14 процентов [19].

В довоенной Франции только одна десятая часть всех детей, окончивших начальную школу, могла завершить среднее образование и только 3—4 процента — высшее [20]. Современная система образования, на первый взгляд, построена на принципе «естественного отбора», выделения «одаренных». Фактически же происходит социальный отбор. В соответствии с «реформой Фуше» (1965 год) — первой коренной реформой образования во Франции после Наполеона — «советы по ориентации» определяют, куда направить молодежь, достигшую 14 лет: либо для приобретения производственной специальности через колледж (причем обучение дробилось по трем направлениям продолжительностью от одного до двух лет), либо для прохождения «продолжительного» цикла подготовки к высшему образованию в лицее. В «делах», которые стали заводиться на подростков, записываются такие характеристики, как «ученик с концептуальным мышлением», «ученик с практическим мышлением» и т. п., которые определяют дальнейшую судьбу учащихся.

Фактически система среднего образования воспроизводит социальную структуру буржуазного общества: примерно двум третям учащихся уготован укороченный цикл образования. Не случайно «реформа Фуше» встретила полное одобрение Национального совета французских предпринимателей.

Методы преподавания некоторых предметов в школе вызывали критику даже в Национальном собрании. Так, депутат А. Росси отмечал в 1970 году, что своеобразный исторический уклон в системе среднего образования «отдает привилегию прошлому до такой степени, что ребенок, а затем взрослый не могут решать жизненно важные вопросы, не прибегая к поискам аргументов минувшей эпохи» [21].

Последняя реформа среднего образования, принятая в 1977 году, — «реформа Аби» — дополнила эту систему некоторыми новшествами. К ним относится сокращение развивающих мышление учеников программ по гуманитарным наукам, из которых изымается изучение произведений многих выдающихся писателей и философов. Только энергичные протесты демократической общественности помешали полному изъятию преподавания философии в лицеях. Газета «Юманите» обратила внимание на сходство целей «реформы Аби» с тезисом версальца Тьера,

цинично утверждавшего, что детей простого народа «нужно обучать читать, писать, считать — остальное излишне»[22]. Одним из следствий «реформы Аби» стало сокращение числа учителей в средней школе.

Обучение в лицеях уже не является бесплатным. Только стоимость приобретаемых ежегодно школьных пособий в лицеях в 1977/78 учебном году составила 858 франков[23]. Плата же за образование в закрытых частных школах, специализирующихся на подготовке абитуриентов к государственным экзаменам на аттестат бакалавра, который дает право на поступление в университет, достигает 10 тысяч франков в год.

Социальный отбор продолжает сохраняться и в университете. В развитии высшего образования Франция уступает другим странам. Здесь на тысячу человек населения приходится 15 студентов, тогда как в США — 45, а в СССР — 190[24]. В век научно-технической революции знаний в объеме средней школы, конечно, недостаточно. Однако монополии с узкоутилитарной точки зрения считают необходимым обучение определенному минимуму профессиональных знаний, но не больше. Французские предприниматели рекрутируют средние и высшие управленческие кадры не из выпускников университета, а из питомцев привилегированных высших учебных заведений (Политехнического института, Училища гражданских инженеров, Высшего коммерческого училища, Парижского педагогического института, Института политических наук и Национальной административной школы). На менее квалифицированную работу им не нужны окончившие полный университетский курс. Генеральный директор Банка Ротшильдов откровенно заявил по этому поводу: «Диплом? Ему не придается большого значения... Нынешние факультеты не в состоянии дать нам законченный человеческий продукт. Для нас важна сообразительность просителя работы и его личная способность быстро усваивать необходимое. Вся проблема в том, чтобы уметь все позабыть и чтобы выучить новое»[25]. В этих словах сквозит и недоверие к выпускникам бурлящего университета и отражение распространенной практики подготовки всецело зависимых от предпринимателей кадров.

«Реформа Фуше» создавала укороченный цикл высшего образования в виде двухгодичных «университетских технологических институтов».

После майских событий 1968 года французские власти пошли на известные уступки общественно-политиче-

ским требованиям молодежи. «Реформа Фора», принятая 7 ноября того же года, предусматривала некоторые изменения в организации университетов: относительную автономию в педагогической, административной и финансовой областях, участие представителей студентов во внутриуниверситетских советах и т. д. Однако университетская реформа не затрагивала многих проблем, волнующих французское студенчество. Университетские власти стремятся растить студентов-индивидуалистов: ими легче манипулировать, их легче заставить зубрить, легче провалить, отсеять, чтобы в конце концов меньше дипломированной молодежи доходило до рынка труда. Ассигнования государства на строительство новых университетских зданий, студенческих общежитий, столовых, спортивных сооружений, на стипендии явно недостаточны. 60 процентов студентов вынуждены где-нибудь подрабатывать на жизнь[26]. Университет по-прежнему остается «фабрикой безработных». Ежегодно от 100 до 150 тысяч выпускников высшей школы пополняют ряды безработных[27]. Период их трудоустройства растягивается на многие месяцы.

В 1973 году были учреждены так называемые «дипломы общего университетского образования». Их обладатели, пройдя двухгодичный курс, лишались возможности продолжения высшего образования и в то же время не приобретали достаточно глубоких профессиональных знаний и навыков. Эта мера отвечала исключительно интересам монополий, требующих ускоренной подготовки квалифицированной рабочей силы. В намерения правительства входит сократить число студентов на 300 тысяч человек[28].

В настоящее время университет, как отмечают французские коммунисты, не обеспечивает в должной мере ни высокую научную культуру своим выпускникам, ни достаточную профессиональную подготовку[29]. Поясняя, что имеется в виду под «общей университетской культурой», коммунисты указывают, что «приобретение или усиление общей культуры не должно рассматриваться как усвоение энциклопедических знаний, что ныне не дает эффекта. Обучение культуре — такой вид обучения, который формирует мышление, который дает одновременно методы и определенную сумму знаний, который стимулирует мысль, инициативу, поиск»[30].

Стратегия монополий в области образования, таким образом, вступает в противоречие с потребностями обще-

ственного прогресса и максимального развития производительных сил.

Пытаясь предотвратить возможные новые выступления студентов, власти разукрупнили большие университетские комплексы (в Париже — на тринадцать отделений, в Марселе и Монпелье — на три, в Нанси и Лионе — на два и т. д.), перевели в ряде мест факультетские помещения за пределы городской черты. В Латинском квартале Парижа каменные мостовые старинных улочек были покрыты асфальтом[31].

В числе декларированных в законодательных актах Франции есть положение о равенстве мужчин и женщин. Однако права работающих на производстве, в учреждениях и в сфере обслуживания женщин все больше привлекают внимание демократической общественности. Эта проблема не менее остро стоит и в других капиталистических странах. В 1975 году международная конференция в Мехико рекомендовала всем правительствам принять 10-летний план развития полноправного участия женщин во всех областях деятельности.

Французская буржуазная пресса распространяет фальшивый тезис о том, что место женщины у домашнего очага, рядом с детьми, что работать на производстве и тем более заниматься политикой не ее дело. Специализированные женские журналы культивируют среди женщин исключительно потребительскую психологию. Вся система буржуазной пропаганды развивает среди женщин чувство личной неполноценности и гражданскую пассивность.

Неравноправие мужчины и женщины настолько глубоко укоренилось в общественной психологии, что даже со школьных учебников в сознании детей вырабатывается образ женщины только как матери — смиренной, зависимой, всецело поглощенной домашними заботами, в то время как образ мужчины наделяется такими качествами, как независимость, инициатива и успех.

Во Франции женщины составляют около 40 процентов лиц наемного труда. Долговременная тенденция показывает, что число занятых по найму женщин возрастает. При этом их труд подвергается двойной дискриминации: и в отношении квалификации и профессионального продвижения, и в отношении оплаты. Женщины составляют только 13 процентов квалифицированных рабочих, только 4 процента инженеров[32]. Хотя закон от 22 декабря 1972 года устанавливает принцип равной оплаты за рав-

ный труд, однако фактически заработная плата французских женщин на 33 процента ниже зарплаты мужчин, имеющих ту же квалификацию[33]. Три четверти трудящихся, получающих минимальную заработную плату, — женщины[34].

Выборные должности, как правило, не относятся к «женским профессиям». Женщины имеют только 4 места из 295 в сенате и 19 из 491 в Национальном собрании[35]. К этому нужно добавить, что 15 женщин-парламентариев принадлежат к фракции коммунистов[36].

«Угнетение женщин, — признает известная французская писательница Симона де Бовуар, — стало фактом, с которым общество настолько свыклось, что даже те из нас, которые его в целом осуждают с позиций абстрактных демократических принципов, неправильно считают, что во многих аспектах положение улучшилось»[37]. Эти строки были написаны в 1975 году, но они в полной мере применимы и к сегодняшнему дню.

Не случайно общие социальные условия во Франции привели к тому, что «демографический взрыв», наблюдавшийся в первые два послевоенных десятилетия, прекратился. Видный французский демограф и экономист А. Сови с тревогой отмечает в своей книге «Трагедия власти», что число родившихся в 1974 году соответствовало уровню обновления поколений, равному 99,6 процента. Правда, правительство приняло с тех пор некоторые меры, чтобы сократить падение рождаемости. Были расширены отпуска по беременности и родам до шести недель, увеличены квартирные пособия многосемейным (за счет сокращения строительства домов с умеренной квартплатой), был отменен квартирный налог и вместе с тем запрещено перераспределение средств социального страхования, предназначенных для семейных пособий, по другим статьям (помощь престарелым и больным)[38]. Однако сокращения массовой безработицы как одного из важных факторов демографического роста осуществить не удалось.

Пятая республика положила начало новому этапу наступления государственно-монополистического капитализма на права местных органов власти. Права коммун и департаментов были завоеваны во время Французской революции конца XVIII века. Покушения на них всегда были связаны с общим подавлением демократии, с поворотом в сторону реакции. С наполеоновских времен стало наблюдаться усиление централизации управления.

Конституция 1958 года ограничила права мэров и председателей генеральных советов департаментов, передав исполнительную власть на местах префектам и супрефектам. Любые «непредвидимые» действия муниципалитетов парализуются. Муниципальный совет собирается на 4 двухнедельные сессии в год. Решения совета, собравшегося вне сессии, не имеют никакой юридической силы. В случае необходимости советы могут быть распущены решением совета министров. Характерно, что муниципалитеты не могут высказывать пожеланий политического характера. В послевоенный период было немало примеров смещения мэров по политическим мотивам. Особенно строгому контролю и дискредитации подвергались коммуны, где мэрами были коммунисты и социалисты и где большинство в муниципальных советах принадлежало левым партиям.

Прерогативы мэров стали настолько мизерными, что во многих случаях им оставалось только представительствовать на официальных церемониях, скреплять акты гражданского состояния и поздравлять новобрачных[39]. Чрезмерная опека центральной власти над местными коллективами приводит, например, к таким анекдотическим случаям: мэр, желающий разрешить взрослому населению использовать в вечернее время гимнастический зал или спортплощадку лицея, может несколько лет ожидать санкцию высшей администрации[40]. Дело доходит до того, что даже названия деревенских улиц приходится согласовывать в Париже. Бюджет местных органов власти во Франции в начале 70-х годов был равен 5,18 процента валового национального продукта. Во многих других развитых капиталистических странах он был значительно выше (16 процентов — в Швеции и Дании, 15,9— в Голландии, 15,2 — в Англии, 12,8 — в США, 12,5 — в ФРГ, 10,1 — в Италии, 7 процентов — в Бельгии)[41]. Лишенные достаточных финансовых средств, мелкие коммуны не могут осуществлять жилищное строительство, решать проблемы образования и обеспечения занятости, развивать культуру.

Французские монополии ведут наступление на местную демократию по двум основным соображениям: с одной стороны, они хотели бы распоряжаться в своих интересах средствами коммун, а с другой — желают подавить демократическую оппозицию, имеющую прочную базу среди 500 тысяч выборных представителей местной администрации.

Формы социальных уступок и идеологического воздействия французской буржуазии на рабочий класс весьма разнообразны. Реформизм — это не только идеология, но и социально-экономическая политика, призванная ослабить натиск трудящихся. Одним из главных факторов, тормозящих развитие революционного процесса во Франции, является то, что еще значительная часть рабочего класса, интеллигенции и средних слоев находится в плену идейных ценностей буржуазии.

Основой идеологического отражения действительности являются классовые интересы. Однако, обусловленная экономическим базисом, идеология обладает известной относительной самостоятельностью. Поэтому содержанию идеологии, как правило, нельзя давать непосредственное экономическое объяснение. Буржуазная идеология сохраняет свое влияние, а в отдельных случаях даже усиливает свои позиции среди трудящихся потому, что общественные отношения при капитализме выступают в извращенном виде.

Буржуазная идеология, с одной стороны, прививает рабочему классу потребительскую психологию, а с другой — ведет ожесточенную пропаганду антикоммунизма и навязывает представление о «непревзойденных ценностях» западной демократии в форме политического и идеологического плюрализма, социального и национального согласия («консенсуса»).

Обладание домом, квартирой, автомобилем и т. п. предметами длительного пользования, которые ранее относились к категории богатства, может породить стремление к неограниченному приобретению материальных благ при умалении духовных, политических, культурных и нравственных ценностей. Потребительская психология создает благоприятную почву для внутреннего примирения с капитализмом, развития реформистских иллюзий, ослабления интереса к политической борьбе. Так, 36,6 процента рабочих имеют квартиры в личной собственности, 66 процентов — автомобиль [42].

В определенной мере развитию потребительской психологии способствует и деятельность реформистских партий и профсоюзов, которые пытаются отвлечь трудящихся от выдвижения революционных целей, изолировать влияние Компартии. Примечательно, что все реформистские профцентры получали от правительства субсидии на подготовку своих кадров (в то же время ВКТ в этих субсидиях отказано) [43].

Социальная доктрина голлизма была известна под формулой «ассоциации труда и капитала». Ее практические результаты до майских событий 1968 года были крайне мизерны. «Борьба классов отошла в прошлое» — таков был многие годы один из главных пропагандистских тезисов голлистов, призывавших различные социальные слои к взаимному согласованию интересов, к подчинению «общему интересу». Государство, по их утверждению, выражает интересы всего общества: нужна только хорошая техника управления, а не политика и идеология.

Народное движение 1968 года наглядно показало буржуазии, как трудно сохранять «социальный мир» обычными рычагами политического и экономического воздействия. Именно поэтому с этого момента начинает усиливаться идеологическое давление буржуазии на рабочий класс по всем каналам под фальшивым лозунгом «участия» или показного приобщения трудящихся к управлению производством. Следует отметить, что еще 26 апреля 1917 года во Франции был принят закон, разрешавший создание акционерных компаний с участием рабочих, однако его действие не было сколько-нибудь заметным [44].

7 января 1959 года был опубликован декрет, разрешавший добровольное участие трудящихся в приобретении акций своих предприятий. Как отмечал французский экономист Ж. Кан, отчисления предпринимателей по линии создания «заинтересованности» рабочих отнюдь не оборачивались для них убытком, ибо эти суммы соответственно уменьшали их отчисления в фонд социального страхования, профессионального обучения и пособий по безработице [45].

В 1966 году Национальное собрание приняло закон о создании на предприятиях так называемых «наблюдательных советов» с участием рабочих, но он практически не выполнялся. 17 августа 1967 года был опубликован декрет об обязательном участии рабочих и служащих в инвестиционных фондах предприятия. Он распространялся на фирмы, имеющие свыше 100 работников. Было принято, однако, ограничение, устанавливавшее, что акции персонала не могут превышать 25 процентов капитала предприятия. Примечательно, что новая мера по усилению «заинтересованности» трудящихся в развитии капиталистической экономики была призвана ослабить их недовольство, связанное с одновременным ухудшением режима социального страхования.

Наиболее законченную форму реформистские идеи «народного капитализма» (пан-капитализма) получили в работах левого голлиста М. Луашо. Суть его предложений сводилась к следующему: все прибыли, превышающие «законную норму», направляются на самофинансирование предприятия. В соответствии с их размерами выпускаются новые акции, распределяемые наполовину среди прежних акционеров и наполовину среди работников предприятия пропорционально размеру их заработка. С учетом существующих темпов возрастания капитала через 26 лет, заявлял М. Луашо, рабочие станут обладателями половины капитала, а через 45 лет — трех четвертей всего капитала[46]. Пан-капитализм в форме создания «заинтересованности» трудящихся путем участия в акционерном капитале предприятий представлялся некоторым голлистам чем-то вроде «мировой социальной революции»[47].

В выступлении по телевидению 24 мая 1968 года де Голль предложил провести референдум, который дал бы правительству полномочия на проведение серии реформ (по перестройке университетской системы, улучшению условий жизни и труда, развитию «участия в профессиональной ответственности», обеспечению работой молодежи, региональному развитию).

В беседе с главным редактором «Фигаро литтерер» М. Друа 7 июня 1968 года генерал де Голль указал, что на основе «участия» возможен «третий путь» между капитализмом и социализмом. Суть этого пути заключалась, по его словам, в том, чтобы «люди взялись сообща за общее дело», внеся в него «либо необходимые капиталы, либо свою способность к руководству и технические знания, либо свой труд». Разъясняя недостаточно определенную формулу де Голля, министр юстиции Р. Капитан заявил в выступлении по радио 17 июня того же года, что, по его мнению, предприятие должно состоять из трех элементов: кооператива трудящихся, общества акционеров и правления, прибыли же должны распределяться поровну между трудящимися и капиталистами.

Генерал де Голль поручил министру М. Шуману подготовить проект реформы относительно «участия». В нем указывалось, что на всех предприятиях, имеющих более 100 работников, должны избираться «комитеты участия» в составе представителей трех категорий — рабочих и служащих; мастеров и техников; инженеров и управляющих кадров. Эти комитеты получали доступ к информа-

ции о деятельности предприятия и могли высказывать свое мнение. В ключевой статье проекта говорилось, что «руководитель предприятия должен обязательно проконсультироваться с комитетом участия по всем решениям, касающимся изменения организации или деятельности предприятия... Комитет должен иметь по крайней мере 15 дней для подготовки мнения относительно намеченных мер. Это мнение передается административному или наблюдательному совету и должно быть объектом мотивированного письменного ответа руководителя предприятия» [48].

По сравнению с существующими рабочими комитетами на предприятиях, компетенция которых осталась весьма неопределенной и скромной, «комитеты участия», таким образом, должны были приобрести незначительные права консультативных органов. Однако и в таком виде реформа по вопросам «участия» встретила сопротивление предпринимателей и была оставлена преемником де Голля — Ж. Помпиду.

Французский рабочий класс в своей массе не испытывал энтузиазма от официального призыва к «участию». Своей забастовочной борьбой он добивался более ощутимых выгод, чем те несколько процентов от акций, навязанных ему в качестве принудительного сбережения. Так, среди многочисленных народных афоризмов майского движения 1968 года был, например, такой: «Я участвую, ты участвуешь, он участвует, мы участвуем, вы участвуете, а они извлекают прибыль» [49].

Народное движение 1968 года знаменовало крах реформистского мифа об «обществе потребления» и «государстве всеобщего благоденствия». Сменивший генерала де Голля на посту президента Ж. Помпиду в своем первом послании сенату 25 июня 1969 года писал: «Наша цивилизация переживает духовный кризис» [50]. Премьер-министр Ж. Шабан-Дельмас в правительственной декларации в Национальном собрании 16 сентября того же года употребил термин «блокированное общество». В качестве альтернативы он выдвинул идею создания «нового общества».

В каталоге предложенных Шабан-Дельмасом реформ значилось увеличение бюджета национального образования, «автономия» радиовещания и телевидения, университетов и национализированных предприятий, реорганизация некоторых ведомств, развитие профессионального образования, сокращение срока воинской повинности, со-

вершенствование телефонной связи, модернизация сельского хозяйства, создание Института промышленного развития, призванного содействовать укрупнению фирм[51].

Ключевой идеей «нового общества» должна была стать, по выражению премьер-министра, «трансформация профессиональных отношений». Иными словами, Ж. Шабан-Дельмас хотел добиться включения рабочего движения в механизм государственно-монополистического капитализма, лишив его свободы классовых действий в обмен на некоторые материальные уступки. В государственном секторе правительство предлагало профсоюзам заключить на несколько лет «контракты прогресса», предусматривающие улучшения условий труда. Трудящимся было обещано, в частности, сокращение рабочей недели и увеличение пенсий и пособий.

Главное в содержании «нового общества» Ж. Шабан-Дельмас усматривал не в изменении структур, а в «перемене нравов».

Создавая видимость сопричастности широких масс к разработке политических решений, развитию «экономической информации» и «социального диалога», правящие круги расширили сеть различных комитетов, комиссий, ассоциаций, клубов и исследовательских групп. Печать, радио и телевидение подробно освещали разработку государственных планов экономического развития. Все это было призвано скорее ошеломить массы сложностью современного управления, чем реально привлечь их к решению вопросов государственной политики. Основные же цели планирования были выдержаны в духе требований монополистического капитала. Сохраненная идея «участия» стала трактоваться преимущественно в аспекте «участия всех экономических агентов в развитии и обладании собственностью», иначе говоря, в плане «народного капитализма».

2 января 1970 года Национальное собрание приняло в общей форме закон об акциях для рабочих. В том же году 3 июня совет министров принял решение передать 25 процентов капитала заводов «Рено» рабочим и служащим. Указанную меру можно рассматривать как частичную денационализацию государственного предприятия. К 31 марта 1972 года соглашения о «заинтересованности» были заключены на 8 414 предприятиях, на которых было занято 3 миллиона человек[52].

«Народный капитализм» во Франции, так же как и в США, ФРГ и других странах, остается, однако, мифом.

В 1975 году во Франции было всего 576 рабочих производственных кооперативов. В этой стране 57 процентов владельцев акций держат в своих руках лишь 19 процентов акционерного капитала[53]. На одного из «акционеров поневоле» из числа трудящихся приходилось в 1974 году в виде дивиденда 30 франков в месяц, то есть мизерная сумма[54]. Право контроля трудящихся над финансовой отчетностью оказалось фиктивным, ибо оно распространялось только на «чистый», иными словами, объявленный правлением компании доход, а обычно «чистая» и реальная прибыль находятся в отношении одного к шести[55].

Правительству Ж. Шабан-Дельмаса не удалось помешать консолидации единства левых сил, заключивших в 1972 году Совместную правительственную программу. «Контракты прогресса», подписанные администрацией национализированных предприятий с рядом реформистских профцентров, не могли остановить классовые выступления трудящихся. Личные разногласия между президентом Помпиду и премьер-министром довершили дискредитацию идеи «нового общества». Французские публицисты М. Басси и А. Кампана считают, что уже с отставкой Ж. Шабан-Дельмаса в середине 1972 года голлизм потерял один из трех своих основных элементов, а именно некоторую социальную направленность (способность подняться выше понятия «левый» и «правый»), в то время как два других — особые президентские полномочия и независимая внешняя политика — еще продолжали сохраняться[56]. Примечательно, что и Ж. Помпиду и В. Жискар д'Эстэн не хотели в отличие от де Голля дать ход идее «участия»[57].

В середине 1974 года правительством был создан комитет, в задачу которого входила подготовка предложений по так называемой «реформе предприятия». В комитет вошли три представителя профцентров (ФДКТ, «Форс увриер» и Всеобщей конфедерации кадров), три предпринимателя, два юриста и два университетских преподавателя. После шести месяцев работы комитет, руководимый мэром города Блуа П. Сюдро, опубликовал довольно объемистый документ, вышедший отдельной книгой. Рекомендации комитета были очень умеренными.

В докладе «комитета Сюдро» были выдвинуты пожелания о признании профсоюзов на предприятии, об обеспечении инспекции труда достаточными средствами, о сокращении работы в ночное время, об усилении роли

комитетов предприятий в решении вопросов профессиональной подготовки, условий труда и т. д.

В докладе «комитета Сюдро» выдвигалась идея создания так называемого «совместного надзора» путем предоставления одной трети мест в административных или наблюдательных советах представителям наемного труда. При этом делалось множество оговорок относительно того, что это новшество будет «факультативным» и будет экспериментироваться только на крупных предприятиях. Что касается структуры власти внутри предприятия, то сама идея какого-либо «участия» всего персонала в управлении производством отклонялась. Примечательно, что председатель Национального совета французских предпринимателей Ф. Сейрак откровенно заявил в этой связи: «Руководители предприятий не имеют ничего против реформ при условии, что они не затронут их власти и их прерогатив» [58].

Все профцентры отметили, что доклад «комитета Сюдро» был предназначен для широкой пропагандистской кампании [59]. Секретарь ВКТ А. Кразюки назвал рекомендации Сюдро повторением «сказок о классовом сотрудничестве... Эта реформа, — по его словам, — представляет типичный прием, с помощью которого правительство пытается создать иллюзию перемен, задержать эволюцию умов в направлении коренных изменений, намеченных Совместной правительственной программой левых сил, и разобщить сами левые силы» [60].

В конце концов, доклад «комитета Сюдро» был предан забвению. Президент В. Жискар д'Эстэн, выступая 13 апреля 1976 года, отказался взять инициативу проведения реформы предприятия в руки правительства, возложив ее осуществление на предпринимателей и профсоюзы [61].

Французская буржуазия не пренебрегает таким старейшим институтом идеологического воздействия на массы, как церковь. Правда, в позиции церкви в последние десятилетия произошла известная эволюция.

Классовая борьба во Франции в большей степени, чем в некоторых других странах, повлияла на поведение епископата. Во время всеобщей забастовки шахтеров в 1963 году церковь призывала верующих оказать помощь семьям рабочих. Архиепископ Марселя провел в своей епархии сбор пожертвований в пользу бастовавших, а епископ Арраса заявил: «Дело горняков — это наше общее дело» [62].

В событиях мая—июня 1968 года французский епископат занял доброжелательную позицию в отношении трудящихся[63]. Парижский архиепископ Марти в интервью французской радиостанции «Европа-1» в сентябре 1968 года заявил: «Церковь не говорит языком антикоммунизма и не хочет делать антикоммунизм своей профессией»[64]. В другом интервью для печати в мае 1971 года Марти указал, что церковь «отказывается быть опорой какой-либо идеологии, будь то идеология правящей власти или оппозиции»[65]. Французский епископат признает в последнее время, что многие католики «думают, что они могут активно участвовать в марксистских организациях»[66].

В политических настроениях французских католиков происходят несомненные сдвиги. Епископская комиссия по вопросам рабочего класса опубликовала в мае 1972 года документ, в котором, в частности, говорилось: «Рабочий мир в своей совокупности стремится к социализму... Несмотря на всю нашу добрую волю, мы далеки от рабочего мира — его языка, культуры, стихийных рефлексов и основных стремлений»[67]. Один из опросов общественного мнения показал, что 70 процентов католиков, соблюдающих религиозные обряды, считают, что нет несовместимости между христианской верой и социализмом[68].

В декларации Постоянного совета французского епископата от 30 июня 1977 года было сказано: «Хотя мы и говорим вместе с коммунистами о теоретической и практической несовместимости между христианской верой и марксизмом, мы согласны попробовать пойти на диалог и сопоставление взглядов»[69].

Однако как церковные круги, так и левые христиане обнаруживают непоследовательность. Признавая необходимость сотрудничества с коммунистами, они в то же время ограничивают его эпизодическими контактами, объявляя совместную борьбу за общие цели «невозможной» ввиду разного понимания средств продвижения к социализму.

Позиция церкви во Франции — разновидность «третьего пути». Проведенные опросы показывают, что среди католиков еще преобладают взгляды консерватизма и антикоммунизма. Только 17 процентов относят себя к крайне левым и левым, тогда как 31 процент к центристам, а 47 процентов к правым[70].

Таким образом, несмотря на развитие процесса обновленчества в католической церкви, диктуемого дилеммой:

или приспособиться к быстро меняющемуся миру, или утратить свое влияние, религиозный догматизм отнюдь не перестал быть идеологическим оплотом капитализма. Традиция продолжает здесь преобладать над стремлением к переменам.

Начиная со второй половины 70-х годов возможности социального маневрирования для французского государственно-монополистического капитализма стали уменьшаться ввиду появления такого нежелательного сочетания, как высокая инфляция и безработица (ранее, согласно теории Кейнса, небольшая инфляция помогала рассасыванию безработицы).

Как отмечалось на XXIII съезде ФКП (май 1979 года), «крупный капитал и связанные с ним силы ведут во Франции и в международном масштабе настоящую идеологическую войну»[71].

Аппарат идеологического воздействия буржуазного государства и монополий необычайно усилился. Примечательно, что руководители сферы пропаганды получают в четыре раза более высокие оклады, чем директора национализированных предприятий, и в два раза более высокие, чем управляющие крупными капиталистическими фирмами[72].

Не полагаясь только на телевидение, радио и «большую прессу», французские предприниматели издавали к концу 1979 года 1 280 бюллетеней, брошюр и буклетов, которые они распространяли среди персонала своих предприятий. Общий годовой тираж этих изданий составлял около 63 миллионов экземпляров[73]. Национальный совет французских предпринимателей образовал ряд специальных организаций, занимающихся вопросами идеологической борьбы и репрессий против рабочего класса. Среди них — «Предприятие и прогресс» (1970 год), «Обмен и прогресс» (1973 год), «Институт предприятия» (1975 год)[74].

Голлистская партия ОПР создала на предприятиях свою организацию под названием «Рабочее и профессиональное действие», главная цель которой состоит в том, чтобы отговаривать рабочих от участия в забастовках. Только на предприятиях Парижа голлисты имеют 70 секций.

Система идеологического воздействия буржуазии дифференцирована. Одни приемы рассчитаны на массовое сознание, другие — на определенные категории населения: интеллигенцию, средние слои, рабочий класс. Для

массового сознания заготавливаются определенные стереотипы — «современное либеральное общество», отличающееся-де высшей степенью свободы и демократизма, «частная инициатива — основа личного успеха и счастья», «никаких экспериментов с переменами» (приход к власти левых сил будто бы вызовет хаос).

Центральное место в системе политических идей в Пятой республике одно время заняла теория «прямой демократии», противопоставленной «представительной», парламентской демократии. Согласно этой теории, в нашу эпоху, когда усложнилось управление экономикой, когда внешняя политика требует оперативных и гибких решений, народ якобы не нуждается больше в «посредниках» в лице партий, парламента и других выборных учреждений; ему достаточно иметь популярного вождя, периодически «советующегося» с массами. «Прямая демократия», по определению французских буржуазных социологов и политологов, предполагает проведение референдумов, избрание президента республики всеобщим прямым голосованием, обращение руководителей государства к народу с помощью радио и телевидения.

Назначение концепции «прямой демократии» состояло в том, чтобы затушевать усилившийся политический и экономический гнет монополий, создать видимость децентрализации и демократизации власти. Не только коммунисты и социалисты, но и некоторые буржуазные теоретики поставили под сомнение научную состоятельность этой концепции. «Если бы власти устроили референдум,— писал не без иронии буржуазный философ и публицист Ж.-Ф. Ревель, — который предлагал бы нам сделать выбор между политикой жертв в пользу создания ядерной ударной силы и политикой строительства жилищ, развития здравоохранения и науки, объяснив нам ясно, почему нужно сделать выбор между тем и другим, тогда можно было бы говорить о прямой демократии» [75].

В период президентства Ж. Помпиду и В. Жискар д'Эстэна о «прямой демократии» стали говорить реже. Если де Голль прибегал к референдумам пять раз, то Ж. Помпиду — только один (в 1972 году, в связи с планами расширения «Общего рынка»), причем этот эксперимент обернулся для правительства полупоражением.

Профессор Парижского университета М. Дюверже объявляет современный капитализм «техно-демократией». Основное содержание этого понятия он усматривает в господствующей роли в обществе крупных организаций —

гигантских фирм, государственных ведомств, массовых партий, ассоциаций, «групп давления», городских общин и т. д. В каждой из этих организаций власть сосредоточена в руках небольшой группы специалистов, образующейся путем кооптации и действующей независимо от основной массы членов. «Образованные таким путем группы, — пишет Дюверже, — устанавливают между собой связи и осуществляют основную власть в обществе под прикрытием формальных процедур» [76].

Французский профессор пытается представить дело таким образом, будто капитал «делит» политическую власть с другими слоями общества. Он объявляет главным держателем политической власти не крупный капитал, а некий «класс посредников», состоящий из государственных служащих, политических деятелей и манипуляторов общественного мнения (писатели, журналисты, преподаватели, священники). М. Дюверже, политический директор газеты «Монд» Ж. Фовэ, политолог Г. Росси-Ланди и другие заявляют, что деление партий на «правые» и «левые» стало, мол, условным и что во Франции традиционно преобладает политический центризм независимо от названий партий, находящихся у власти. Однако Народный фронт 30-х годов, трехпартийная система 1945—1947 годов и победа левых сил на президентских и парламентских выборах 1981 года ясно показали, что во Франции возможны и иные решения.

Идеологи буржуазии постоянно обращаются к антикоммунизму в самой различной форме — от утонченной, «наукообразной» критики до грубого искажения, фальсификации марксизма и практики реального социализма. Французская буржуазия прибегает к антикоммунизму всякий раз, когда она испытывает страх за свою власть. Так было во время майско-июньских событий 1968 года, когда президент де Голль заговорил об угрозе «тоталитарного коммунизма». Так было в период всех избирательных кампаний последнего десятилетия. Бывший генеральный секретарь голлистской партии А. Пейрефит без всяких обиняков заявил в ходе подготовки к парламентским выборам 1973 года: «Антикоммунизм стоит в повестке дня сегодня потому, что коммунизм может стоять в повестке дня завтра» [77].

Буржуазная пропаганда усиленно распространяет афоризм, гласящий, что консервативные по своей природе французы, любящие заявлять о своей приверженности левым взглядам, ибо это модно, голосуют сердцем в первом

туре и кошельком во втором, решающем туре. Это один из распространенных приемов обработки общественного мнения — стремление выбить из сознания масс саму идею перемен.

Антикоммунизм — это не просто критика в адрес компартий и стран социализма. Это стремление создать искаженное представление о политических целях борьбы рабочего класса и его организаций, дискредитировать научный социализм, распространять среди широких слоев населения философию социального отчаяния и безысходности. Антикоммунисты дифференцируют темы своей пропаганды в зависимости от того, на какие социальные слои она направлена. Так, пытаясь вбить клин между рабочими и инженерно-административными кадрами, голлисты внесли в апреле 1980 года на рассмотрение Национального собрания законопроект, предусматривающий включение в административный или наблюдательный совет предприятий одного-двух представителей кадров.

Антикоммунисты пытаются не допустить союза рабочего класса с интеллигенцией. Для этого используется весь арсенал средств массовой информации. Пытаясь помешать радикализации взглядов передовой интеллигенции, Р. Арон еще в 1955 году выступил с книгой под громким названием «Опиум интеллектуалов», в которой поставил задачу очернить само понятие идеологии, и марксистской в особенности. Арон рекомендовал интеллигенции занять позицию пассивного нигилизма. «Невозможность предвидеть будущее, — писал он, — мне представляется настолько же очевидной, как и невозможность поддержания существующего положения» [78]. Не случайно эта книга была переиздана во Франции массовым тиражом вскоре после майских событий 1968 года, когда буржуазии срочно потребовалось охладить «разгоряченные умы».

Преподаваемый в ряде университетов «академический марксизм» имеет целью скорее завести в теоретические дебри, запутать тянущиеся к марксизму массы, возвести непреодолимую стену между общественной наукой и политикой. Как правило, он представляет собой утонченный, наукообразный антикоммунизм.

Примечательно, что антикоммунистическая пропаганда в изобилии исходит от «левых» еженедельников «Экспресс» и «Нувель Обсерватэр», ориентирующихся на интеллигенцию. К числу откровенных антикоммунистов относится, в частности, бывший владелец «Экспресс»

Ж.-Ж. Серван-Шрейбер. Излагая свое кредо лидера партии радикалов, каковым он был, Серван-Шрейбер однажды заявил: «Если мне удастся сыграть роль во французской политике — а в противном случае я уйду в отставку, — то эта роль будет состоять в том, чтобы вырвать левых интеллигентов из-под влияния Французской коммунистической партии» [79]. Редакция журнала «Нувель Обсерватэр» стала пристанищем ренегатов от Компартии — Ж. Мартине, С. Малле, К. С. Кароля, К. Руа, Ф. Фюре, Э. Морена, Ж. Давиньо и других [80].

Антикоммунистическая пропаганда на средние слои основывается главным образом на запугивании их «социализацией» собственности и якобы авторитарными методами диктатуры пролетариата. Между тем ФКП неоднократно заявляла, что не ставит задачу экспроприировать мелкую и среднюю собственность на средства производства. Далеко идущая цель антикоммунизма заключается в том, чтобы изолировать рабочий класс от его союзников, загнать ФКП и ВКТ в политическое гетто.

Поскольку во Франции ведутся широкие дискуссии о путях достижения социализма, буржуазные идеологи активно пытаются вклиниться в эту дискуссию, разумеется, с единственной целью все запутать, увести в сторону, выхолостить само содержание и смысл понятия «социализм». При этом буржуазные теоретики применяют утонченные средства пропаганды, чтобы посеять разногласия в международном рабочем и коммунистическом движении, очернить реальный социализм, создать барьер между революционными силами, и прежде всего между коммунистическими партиями социалистических и капиталистических стран. Они пытаются использовать в своих интересах различия между коммунистами во мнениях, в подходе к той или иной проблеме. «По мере роста влияния компартий задачи, стоящие перед ними, — указывал на XXVI съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — становятся все более сложными и разнообразными. А это порождает иногда неоднозначные оценки, различия в подходах к решению конкретных вопросов классовой борьбы, вызывает дискуссии и между партиями» [81]. Такие различия нередко связаны с неодинаковой тактикой компартий, одни из которых являются правящими, а другие борются за власть, хотя общие стратегические цели коммунистов едины.

Немалую услугу буржуазным политикам и идеологам в деле раскола и духовного подчинения рабочего класса оказывают социал-реформисты. Некоторые из них пыта-

ются выдать за «традицию» профсоюзного движения во Франции «недоверие ко всякой политической власти»[82]. Тем самым они произвольно абсолютируют пережитки анархо-синдикализма, которые хотя и сохранились в ряде реформистских профцентров, но отнюдь не свойственны значительной части рабочего класса. Профсоюзные лидеры из «Форс увриер» прямо-таки соревнуются с буржуазными идеологами по части антикоммунизма.

Идеологическая борьба во Франции показывает, что реформизм во всех его проявлениях не избежал провалов: он не смог устранить социальные конфликты, не был в состоянии подорвать влияние Компартии. Кризис буржуазной идеологии выражается в том, что она не может предотвратить рост антимонополистических настроений среди широких масс, помешать распространению идей научного коммунизма.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА И ТРУДОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА

На борьбу французского рабочего класса за свои права влияют условия его материального положения, духовной жизни, общая политическая обстановка в стране и, наконец, исторические традиции. Хотя буржуазное общество продолжает разобщать трудящихся, в мире усиливаются факторы, ослабляющие в целом позиции капитала. К ним относятся рост сил социализма, международного рабочего, коммунистического и национально-освободительного движения, снижение экономического роста и морально-политический кризис буржуазного общества.

Современное положение рабочего класса Франции, конечно, нельзя сравнить с положением людей труда в XIX веке, описанным в романе Э. Золя «Жерминаль». При возрастающем применении сложного труда сама рабочая сила стала товаром более высокой стоимости, что объясняет рост заработной платы (осуществляющийся, однако, отнюдь не автоматически, а под влиянием классовой борьбы трудящихся, воздействия реально существующего социализма и других факторов). Так, с 1950 по 1975 год реальная недельная заработная плата во Франции увеличилась в 2,6 раза[1]. По среднему жизненному уровню населения Франция занимает второе место в «Общем рын-

ке», уступая ФРГ. Однако условия жизни и труда неодинаковы для разных категорий трудящихся, к тому же их постоянство отнюдь не гарантировано.

Какие социально-экономические факторы влияют на положение французского рабочего класса?

Прежде всего, интенсификация труда. Рабочая неделя во Франции — одна из наиболее продолжительных в Западной Европе. Удаленность места проживания многих трудящихся от работы приводит к тому, что с учетом времени на транспорт они не бывают каждый день дома столько же, сколько и рабочие прошлого века.

Прямым следствием интенсификации труда стал значительный рост травматизма и профессиональных заболеваний. Ежегодно во Франции регистрируется более миллиона несчастных случаев на производстве (в 1978 году — 1,4 миллиона), в том числе 100 тысяч — с тяжелыми последствиями (около 4 тысяч — со смертельным исходом)[2].

С развитием автоматизации и других форм рационализации производства для некоторых категорий ослабла физическая тяжесть труда, но увеличилось нервное напряжение. Только в одном 1973 году во Франции врачами было выписано 13,4 миллиона рецептов на получение успокаивающих лекарств. В 1965—1975 годах смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в стране среди населения в возрасте от 35 до 45 лет увеличилась более чем на 60 процентов[3]. 70 процентов металлургов не доживают до пенсии[4]. Потери времени, связанные с заболеваниями, травмами и другими причинами пропуска работы в 1975 году составили 380 миллионов человеко-дней, или были почти в сто раз большими, чем в результате забастовок[5]. Изнурительные темпы поточных линий на некоторых производствах становятся не под силу рабочим, достигшим 40-летнего возраста, и они либо пополняют ряды безработных, либо лишаются своей квалификации вследствие перехода на другие участки труда.

Франция расходует на медицинское обслуживание населения 3 процента государственного бюджета, тогда как Всемирная организация здравоохранения рекомендует выделять на эти цели не менее 6 процентов[6]. Одно время Франция вместе с Люксембургом делила первое и второе место в регионе «Малой Европы» по величине расходов, связанных с социальным страхованием, а в 1975 году она оказалась уже на восьмом месте[7]. Это значит, что французским трудящимся приходится затрачивать все большую долю заработной платы на лечение. Имеющие

социальную страховку должны уплачивать сами от 5 до 12 процентов стоимости лечения[8].

Вторым фактором, влияющим на социально-экономическое положение трудящихся, стала массовая, хроническая безработица, охватившая около двух миллионов человек. Официальная статистика занижает реальные размеры безработицы на 20 процентов. Особенно сильно страдает от отсутствия вакансий рабочих мест молодежь.

Третьим фактором, ухудшающим благосостояние трудящихся, является инфляция. Если в 1959—1967 годах рост цен во Франции составлял ежегодно в среднем 3,8 процента, то с конца 1972 — начала 1973 года, когда позиции доллара как главной резервной валюты капиталистического мира были впервые серьезно подорваны, что привело к постоянному колебанию курсов валют, инфляция стала носить «галопирующий» характер, превысив 10 процентов (в 1980 году она составила 13,6 процента)[9].

В условиях организованного рабочего движения инфляция вместе с капиталистической «рационализацией» производства стали основными средствами усиления эксплуатации рабочего класса. Основная тяжесть инфляции ложится на плечи трудящихся, мелких и средних предпринимателей и нетрудовые слои, имеющие фиксированные средства существования (пенсии, облигации и сберегательные книжки). Крупный капитал от инфляции выигрывает, ибо монопольные прибыли значительно превосходят темпы обесценения денег.

Если раньше в годы кризиса буржуазия не останавливалась перед снижением заработной платы, то сейчас в условиях развитого рабочего движения она этого сделать не может. Поэтому инфляция стала неизменным средством наступления капитала на жизненный уровень трудящихся.

Буржуазные идеологи пытаются взвалить вину за рост цен преимущественно на рабочий класс, который-де постоянно требует увеличения заработной платы. Так, профессор Парижского университета М. Марцевски считает, что 45 процентов инфляционного роста вызывается «чрезмерным» увеличением зарплаты, 15 процентов — чрезмерными государственными расходами, 8 процентов — ростом цен на импорт и около 21 процента — неоправданными расходами нетрудовых доходов[10].

Однако в действительности повышение заработной платы только в незначительной мере влияет на цену товара. При той же самой производительности труда цена товара

зависит от размера заработной платы, но не прямо пропорционально. Зарплата составляет только часть издержек производства. Ее удельный вес в цене товаров обрабатывающей промышленности капиталистических стран в среднем не превышает 25 процентов [11]. Следовательно, для того, чтобы удержать свои прибыли на прежнем уровне при повышении заработной платы на 10 процентов, капиталисту достаточно увеличить цену товара только на 2,5 процента. Однако рост цен обычно обгоняет рост зарплаты.

Причины инфляции многочисленны, но главная из них — кризис валютно-финансовой системы капиталистического мира, вызванный необузданным стремлением монополий к увеличению прибыли. Инфляция связана с огромными непроизводительными расходами буржуазного государства, в особенности с гонкой вооружений. Она стала почти неуправляемой, ибо эволюция цен в одной стране не может не отразиться на других странах через механизм внешней торговли. При этом особенность инфляции в капиталистическом мире заключается в том, что она ослабляет еще больше страны с менее сильной экономикой и денежной системой.

Еще одним фактором, влияющим на социально-экономическое положение трудящихся, является налоговая система. Через нее государство перераспределяет национальный доход к ущербу для рабочего класса и средних слоев. Помимо прямого подоходного налога, составляющего около 11 процентов зарплаты, трудящиеся выплачивают массу косвенных налогов, заключенных в повышенной цене товаров и услуг. Особенно тяжело давящие на рабочий класс и средние слои косвенные налоги достигают 70 процентов всех поступлений в государственный бюджет [12].

С другой стороны, налоги, уплачиваемые буржуазией, во Франции ниже, чем в ряде других стран. Так, налоги на акционерные компании составляют 10,7 процента бюджетных поступлений (в США — 15,1 процента, в Англии — 17,1 процента [13]), причем их доля имеет тенденцию к сокращению. С 1959 по 1975 год общая сумма прямого подоходного налога возросла в 9,3 раза, а налога на компании — в 5,5 раза [14].

С 1968 по 1974 год французские нефтяные тресты «Элф-Акитэн» и «Компани франсэз де петроль» не уплачивали никакого налога на компании, а финансовые группы «Сюэз», «Париба», «Банк насьональ де Пари» упла-

тили менее 5 процентов от их прибылей, в то время как официальный налог на прибыли компаний составляет 50 процентов [15].

Повышение заработной платы трудящихся даже в тех случаях, когда оно обгоняет рост цен, еще не равнозначно увеличению их покупательной способности, ибо уровень жизни определяется не только соотношением цен и заработной платы. Французским трудящимся редко удается достигнуть стабильных успехов в социальной борьбе, ибо политика предпринимателей и государства состоит в том, что если растет заработная плата, то одновременно начинают увеличиваться цены, налоги, квартплата, стоимость образования и лечения, тарифы на общественном транспорте. Только квартплата со всеми услугами отнимает в среднем 25—30 процентов зарплаты трудящихся, а взносы в кассы социального страхования — 9,2 процента.

Забастовочное движение после некоторого спада в 1969 и 1970 годах, что было естественной «передышкой», последовавшей вслед за беспрецедентными классовыми битвами в мае—июне 1968 года, сохранялось на сравнительно высоком уровне. Ежегодно во Франции происходит около 3,5—4 тысяч забастовок, в которых участвует от 1,5 до 3 миллионов человек [16].

В рассматриваемый период число забастовочных рабочих дней во Франции было следующим (в тысячах) [17]:

1969 год — 2 223	1972 год — 3 755	1975 год — 3 505
1970 год — 1 742	1973 год — 3 914	1976 год — 4 054
1971 год — 4 387	1974 год — 3 800	1977 год — 4 309

В целом уровень забастовочного движения был значительно выше, чем в 50-е и 60-е годы (исключая 1963, 1967 и 1968 годы). Как и раньше, «ударной силой» выступают работники крупных предприятий, поскольку классовая сознательность больших пролетарских коллективов всегда высока. По количеству потерянных рабочих дней на тысячу работающих Франция находится на 4-м месте после Италии, США и Англии [18].

Преобладающей формой забастовочного движения продолжают оставаться кратковременные стачки. Это достаточно эффективное средство борьбы рабочего класса, ибо технология современного производства настолько усложнилась, что малейшее нарушение нормального ритма работы предприятия ведет к катастрофическому падению прибыли. Как указывает французский исследователь

Ж.-Д. Рейно, 10-дневная стачка наносит предпринимателю гораздо меньший ущерб, чем десять продолжительностью в один день [19].

Классовое противоборство во Франции проявляется преимущественно в форме забастовок на отдельных предприятиях. В 70-е годы такие выступления составляли около 90 процентов всех открытых трудовых конфликтов, 5,5 процента охватывали несколько предприятий и 3,3 процента проходили на региональном или национальном уровне [20]. Вместе с тем значение организованных выступлений трудящихся в масштабе всей отрасли, равно как и всеобщих национальных выступлений, как правило, против проводимой правительством социально-экономической политики, неуклонно возрастало.

Широкое распространение получили забастовки, которые проводятся не всем персоналом данного предприятия, а лишь теми, кто занят в ключевых узлах производства. Несмотря на то, что в таких стачках участвует небольшое количество трудящихся, они парализуют деятельность всего предприятия.

Не представляют исключения и долговременные трудовые конфликты. Они, как правило, являются ответом на массовые увольнения или закрытие предприятия. В одном 1971 году состоялось 260 забастовок, продолжавшихся более шести месяцев [21]. В 1973 году большой резонанс получила «стачка наоборот» работников часового завода «Лип» в Безансоне, которому грозило закрытие. Трудящиеся образовали производственный кооператив и наладили сбыт своей продукции. Пролетарская солидарность помогла им выстоять и добиться сохранения предприятия. Два с половиной года длилась стачка типографов газеты «Паризьен либере», закончившаяся в августе 1977 года победой рабочих. Почти два года, по март 1978 года, бастовали машиностроители «Бордо-Сюд». Они также одержали победу, добившись сохранения занятости. Правительство было вынуждено предоставить ассигнования владельцам компании на реконструкцию предприятия.

В отличие от США и ФРГ, где забастовки обычно начинаются после неудачи переговоров профсоюзов с предпринимателями, во Франции стачки, как правило, носят более наступательный характер и предшествуют переговорам [22]. Для рабочих выступлений стали примечательны и такие черты, как отказ от предварительного уведомления о начале забастовки, объявление стачки в ответ на увольнение трудящихся, выдвижение требований о кон-

троле над наймом, увольнениями, условиями труда, классификацией разрядов, организацией труда, установлением смен и т. п.

Для забастовочного движения в 70-е годы примечателен, кроме того, выход за рамки законодательной и административной регламентации (организация пикетов, занятие предприятий и другие формы, препятствующие использованию штрейкбрехеров). Применение таких методов особенно усилилось после 1968 года. Обследование, проведенное в 1971 году, показало, что в каждой второй забастовке имеют место серьезные нарушения норм буржуазной законности[23]. Летом 1978 года около ста предприятий было занято стачечниками.

Трудящиеся национализированного сектора не соблюдают предписание о 5-дневном сроке уведомления о начале забастовки. При переговорах с предпринимателями рабочие не ищут посредников в лице арбитражных комиссий. Вместе с тем стачечники, в особенности работники транспорта и общественных служб, считаются с интересами населения. Реакция общественного мнения — далеко не последнее дело для успеха забастовки. Вот почему железнодорожники, например, не устраивают забастовок в моменты массовых перевозок пассажиров.

Молодые рабочие особенно часто выступают застрельщиками в социальной борьбе, потому что они более подвержены дискриминации и более чувствительны к проявлению несправедливости. Именно молодые рабочие были инициаторами забастовки с занятием предприятия «Сюд-Авиасьон» 14 мая 1968 года, которая дала толчок ко всеобщему забастовочному движению. Молодые рабочие завода «Рено» в Ле-Мане положили начало упорной забастовке на этом предприятии в 1971 году. Это были «специализированные» рабочие, условия труда которых особенно тяжелы, а возможности повышения квалификации крайне незначительны. Чтобы перейти в первый низший разряд квалифицированного рабочего, «специализированному» рабочему необходимо было проработать без перерыва у конвейера 14 лет. В мае 1974 года бастующим авангардом были молодые банковские служащие «Креди лионнэ», а осенью того же года — молодые работники почт, телефона и телеграфа. 4 октября 1975 года по призыву ВКТ и ФДКТ 150 тысяч молодых людей, прибывших в Париж из многих городов, участвовали в демонстрации, требуя права на труд и на приобретение профессии. Как показал социологический опрос, 46 процентов молодых

рабочих приветствовали бы глубокие перемены в обществе [24].

По среднему количеству участвующих в одной забастовке Франция относится к странам с высокой активностью рабочего движения. Неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие обычно бастуют менее продолжительное время, чем квалифицированные. Однако вопреки утверждениям некоторых реформистских теоретиков (например, С. Малле), степень квалификации еще отнюдь не является показателем активности участия в забастовочной борьбе. Новейшее обследование, проведенное на самых передовых в техническом отношении предприятиях Франции социологом К. Баррье, показало, что на боевитость трудящихся влияет прежде всего не уровень квалификации, а принадлежность к прогрессивным профсоюзам, политическая сознательность и отсутствие перспектив изменения социального статуса [25].

Французские буржуазные социологи — «рабочеведы» уже давно пришли к выводу, что в каждом трудовом конфликте присутствует как конкретный повод, так и некоторые общие мотивы, определяющие классовое сознание трудящихся. К числу последних нужно отнести высокий уровень безработицы, рост стоимости жизни, давление налогового пресса и усиление интенсификации труда.

Требования, касающиеся зарплаты, составляют во Франции около половины главных мотивов бастующих [26]. Как правило, в каждой забастовке выдвигается не одно, а несколько, в среднем более трех, требований [27].

На основе выборочного обследования 180 предприятий в 1964 году и 123 предприятий в 1971 году социологами выявлены следующие мотивы забастовок и соотношение этих мотивов (в процентах) [28].

Мотивы забастовок	1964 год	1971 год
Зарплата, квалификация	46	42
Продолжительность рабочей недели	20	14
Защита профсоюзных прав	6	11
Условия труда	8	11
Гарантия занятости	7	8
Заключение трудовых договоров	9	5
Претензии к методам управления	4	9
Всего . . .	100	100

С 1968 года до конца 1972 года французскому рабочему классу удалось добиться повышения и стабилизации покупательной способности, но затем она стала снижаться под влиянием роста цен, безработицы и увеличения налогов [29].

Главные социальные завоевания французского рабочего класса после 1968 года состояли в введении четырехнедельного оплачиваемого отпуска на основе закона от 17 мая 1969 года, в некотором сокращении рабочей недели и в введении «месячной» заработной платы, дающей в отличие от сдельной и аккордно-премиальной систем более десятка социальных преимуществ (гарантия зарплаты в случае болезни, оплата праздничных дней, надбавка за выслугу, дополнительные выплаты к отпуску и т. д.) [30]. До майских событий 1968 года «месячную» зарплату получали только служащие, инженеры и техники. Утвержденный Конституционным советом закон о повсеместном введении «месячной» заработной платы вступил в силу с 1 января 1978 года.

Многим трудящимся удалось добиться введения подвижной шкалы заработной платы, хотя и по заниженному официальному индексу цен [31]. Произошло некоторое сокращение рабочей недели, однако еще для 60 процентов рабочих продолжительность недельного труда превышает 40 часов [32].

Одним из важных требований французского рабочего класса стало снижение пенсионного возраста и увеличение размеров пенсий. Проведенный в 1970 году Французским институтом общественного мнения опрос показал, что 89 процентов трудящихся выдвигали на первое место в своих заботах снижение пенсионного возраста [33].

Во Франции пенсии по старости устанавливались мужчинам по достижении 65 лет, а женщинам — 60 лет в размере 40 процентов среднего базового заработка на протяжении десяти лет работы при условии, что отчисления в кассу социального страхования делались в течение 40 лет. (В случае длительной безработицы последнее требование могло оказаться трудновыполнимым.) ВКТ и ФДКТ совместно выдвинули требования, чтобы пенсия по старости устанавливалась мужчинам в 60 лет, а женщинам в 55 и составляла 75 процентов заработной платы. В поддержку этого требования профсоюзов в мае, ноябре и декабре 1971 года в стране проводились «дни действий», сопровождавшиеся кратковременными забастовками, митингами, собраниями, подачей петиций. Премьер-мини-

стру Ж. Шабан-Дельмасу и председателю Национального совета французских предпринимателей были вручены 2,5 миллиона открыток с подписями трудящихся. 1 декабря в поддержку требований ВКТ и ФДКТ в Париже состоялась 100-тысячная демонстрация, а уже на следующий день под давлением массового движения трудящихся большинство Национального собрания приняло закон о предварительном пособии по старости («реформа Булэна»), предусматривавший предоставление с 1975 года пособий мужчинам в возрасте 60 лет в сокращенном размере. Однако профсоюзы расценили эту уступку как недостаточную. Предварительное пособие по старости теперь составляет 20 процентов зарплаты при условии выплат в фонд социального страхования не менее чем за 15 лет.

Экономический кризис 1974—1975 годов охватил во Франции одновременно все отрасли — энергетику, сырьевые комплексы, производство оборудования и потребительских товаров. Уровень производства за девять месяцев, к маю 1975 года, снизился на 14,8 процента. Число банкротств всех французских компаний возросло в 1975 году на 24,1 процента по сравнению с 1974 годом[34]. Во второй половине 70-х годов французская экономика развивалась замедленными темпами: с середины 1974 до конца 1979 года промышленное производство увеличилось всего на 3 процента[35]. В 1980 году валовой национальный продукт увеличился только на 1 процент[36].

Во второй половине 70-х годов произошло заметное сокращение реальных доходов трудящихся вследствие кризисных явлений в экономике и проводимой правительством Р. Барра «суровой экономии». По данным ВКТ, в 1974—1979 годах покупательная способность рабочих семей уменьшилась на 5—12 процентов[37]. Французский рабочий класс не добился своего давнего требования — отмены зональных ограничений заработной платы, в некоторых случаях весьма значительных (на Корсике зарплата на 30 процентов ниже, чем в среднем во Франции)[38].

Экономический кризис не привел к сокращению забастовочного движения. Стали частыми массовые выступления служащих, инженеров, медицинского персонала, преподавателей, которые раньше редко участвовали в трудовых конфликтах. Так, в 1974 году среди категорий, в наибольшей степени охваченных стачечным движением, на первом месте были конторские работники[39]. Важное значение имел и тот факт, что в социальную борьбу стали включаться рабочие-иммигранты и женщины.

Во второй половине 70-х годов на первое место среди «стратегических мотивов» бастующих выдвинулись требования гарантии рабочих мест и протест против социальной политики правительства.

Хотя после кризиса 1974—1975 годов и наступило некоторое оживление экономики, оно не сопровождалось сокращением безработицы. Ее источниками являются прежде всего некоторые традиционные отрасли промышленности, переживающие структурный кризис, такие, как угольная, металлургическая, машиностроительная, судостроительная, текстильная и обувная. По данным Национального института статистики и экономических исследований, с 1974 по 1979 год в промышленности сократилось 450 тысяч рабочих мест[40]. В 1980 году кризис охватил автомобилестроение, где наблюдалось падение производства на 9 процентов[41].

Только половина безработных получает пособие[42]. Его размеры для делающих взносы в специальный фонд по безработице составляют около 50 процентов зарплаты (вместе с государственным пособием), но только в течение первых трех месяцев, а затем резко сокращаются. Между тем средняя продолжительность поиска работы достигла 11 месяцев. Большинство нашедших новую работу получают более низкую заработную плату[43].

Пытаясь в какой-то мере уменьшить безработицу, власти предприняли осенью 1977 года ряд мер по сокращению числа иностранных рабочих. Французский рабочий класс выступил в защиту своих товарищей по труду, понимая, что изгнание иммигрантов, занятых в основном в строительстве и на разного рода подсобных работах, не решает проблему занятости для тех высококвалифицированных специалистов, которых увольняют с предприятий машиностроительной, судостроительной, металлургической, авиационной и других отраслей промышленности. Еще 19 января 1972 года ВКТ и ФДКТ опубликовали совместное заявление «За новую политику иммиграции», в котором подчеркивалось, что «трудящиеся-иммигранты являются составной частью рабочего класса, а не его конкурентами»[44]. В этом документе обе конфедерации требовали принятия суровых мер в законодательном порядке против любых расистских выпадов. На осенней сессии Национального собрания 1979 года демократические силы заставили правительство отказаться от вынесения на обсуждение законопроекта, ущемляющего права трудящихся-иммигрантов.

Если до середины 70-х годов гарантия занятости составляла менее 10 процентов мотивов забастовок, то в первом квартале 1975 года — уже 30,8 процента[45]. Национальный день борьбы, проведенный 22 февраля 1978 года по инициативе ВКТ, преследовал две цели: привлечь внимание общественности к труженикам тех предприятий, которым грозит закрытие, и разъяснить широким массам, что только глубокие перемены в стране могут решить проблему занятости.

Необычайно острый характер приобрела в июле—сентябре 1980 года забастовка рыбаков Булони, протестовавших против намерения судовладельцев сократить численность экипажей. Их борьба была поддержана товарищами по профессии и Всеобщей конфедерацией труда. Полиция и военно-морские силы применили в отношении бастовавших жестокие репрессии.

Крупнейшим выступлением французских трудящихся в защиту занятости в 1980 году было прибытие в Сент-Этьен 18 октября со всех районов страны 100 тысяч человек, заявивших о своей солидарности с рабочими фирмы «Манюфранс», которым грозило увольнение[46]. Активная борьба металлургов заставила правительство отодвинуть сроки закрытия ряда предприятий и принять решение о создании в Лотарингии к 1983 году нескольких автомобильных заводов[47].

Помимо проблемы занятости, в фокусе классовой борьбы трудящихся Франции лежит протест против инфляции как одного из главных рычагов усиления эксплуатации, применяемого уже не отдельными предпринимателями и монополиями, а государством, выражающим коллективные интересы буржуазии.

Правительственный «план Барра», устанавливающий режим «суровой экономии» за счет трудящихся, вызвал широкое недовольство. По призыву ВКТ, ФДКТ и Федерации национального образования 7 октября 1976 года состоялась крупнейшая после 1968 года всеобщая забастовка, в которой участвовало более 6 миллионов рабочих и служащих. 28 апреля 1977 года 24-часовую забастовку провели 3 миллиона трудящихся государственных учреждений и национализированных предприятий. Кратковременные общенациональные стачки возобновлялись 24 мая и 1 декабря того же года. По результатам одного обследования, проведенного по итогам 516 выступлений трудящихся Франции в июне 1979 года, в 202 случаях борьба велась за сохранение и повышение покупательной способ-

ности, в 116 — за занятость, в 76 — за улучшение условий труда, в 29 — против посягательств на свободы [48].

В первой половине 1980 года под руководством ВКТ было проведено 12 общенациональных «дней действий» и 67 выступлений в масштабе отдельных отраслей промышленности [49].

Грандиозные забастовки и демонстрации состоялись 13 и 23 мая и 5 июня 1980 года в защиту социального страхования и демократической системы здравоохранения (правительство намеревалось проводить политику создания двух систем медицинского обслуживания — одну для богатых, другую для бедных, а также увеличить пенсионный возраст до 70 лет) [50].

Рабочее движение в Пятой республике в 70-е и начале 80-х годов показывает нарастание антимонополистических выступлений. Трудящиеся начинают отдавать себе отчет в том, что им все больше приходится сталкиваться со стратегией транснациональных компаний, находящих поддержку у буржуазного государства. Даже те международные монополии, где преобладает французский капитал, все больше ориентируют развертывание своих предприятий не во Франции, а за рубежом, не считаясь с национальными интересами. От 45 до 70 процентов своего оборота «мастодонты» французского монополистического капитала — «Компани франсэз де петроль (Тоталь)», «Компани женераль д'электриситэ», «Рон-Пуленк», «Пешине-Южин-Кюльман», «Мишлен» — реализуют за границей [51]. Компания «Рон-Пуленк», закрыв пять заводов во Франции, одновременно расширила свое производство в Бразилии. «Сен-Гобен-Понт-а-Муссон» с 1974 года сократила свои капиталовложения в стране на 23 процента, что вызвало увольнение 12 тысяч трудящихся, однако общие прибыли фирмы возросли на 40 процентов [52].

Следствием этого стало снижение темпов роста и свертывание целых отраслей производства. Но не только экономические мотивы руководят такой политикой монополий. Политбюро ФКП отмечало в одном из своих заявлений, что правительство вместе с монополиями «пытается ослабить такие традиционные бастионы рабочего класса, как Север и Восток страны и Парижский район» [53].

Опасаясь национализации и в поисках «спокойных» мест с благоприятным налоговым режимом французские транснациональные компании обосновали свои штаб-квартиры за пределами своей страны. Так, группы «Пешине-Южин-Кюльман» и «Мишлен» разместили свои финансо-

вые холдинги в Швейцарии, «Сен-Гобен-Понт-а-Муссон» и «Сюэз» — в Швейцарии и Панаме, группа «Эмпен-Шнейдер» — в Швейцарии и на Бермудских островах, «Риво» — на Вануату и Каймановых островах, «Патернель компани дю миди» — на Антильских островах и в Панаме [54].

Управляющий крупнейшей финансовой группы «Париба» Ж. де Фушье не скрывал, что стратегия образования транснациональных компаний, помимо прочего, преследует интересы самосохранения финансового капитала. «Интернационализироваться, — говорил он в 1974 году,— значит сделать национализацию во Франции абсурдной психологически и сложной технически... Поэтому максимальная интернационализация стала настоятельной необходимостью» [55].

Правительство Р. Барра нисколько не ущемляло деятельности международных монополий. Суть его экономической стратегии, как отметил теоретический орган ФКП «Кайе дю коммюнисм», состояла в «перестройке французской экономики в соответствии с интересами многонациональных групп» [56].

Социально-экономическая борьба трудовой Франции широко представлена крестьянскими выступлениями.

Многие вопросы сельскохозяйственного производства решаются не французским правительством и парламентом, а органами «Общего рынка». Аграрная политика ЕЭС привела к небывало высоким ценам на продовольствие в городах. В то же время оптовые цены, устанавливаемые монополиями, не учитывают рост издержек производства, связанный с увеличением цен на землю, горючее, минеральные удобрения, необходимые крестьянам машины и т. д. В итоге в выигрыше оказывается не трудовое крестьянство, а монополии-посредники.

Аграрная политика «Общего рынка» сводится к тому, что производителям зерновых, сахарной свеклы, молочных продуктов и говядины гарантируются цены в 2—3 раза выше цен мирового рынка (при этом, однако, значительная часть доходов перепадает монополиям, занимающимся переработкой, хранением и сбытом сельскохозяйственной продукции). Что же касается производителей фруктов, овощей, оливкового масла, вина, то для них рынок сбыта не организован [57]. Неизбежным следствием этого стало систематическое уничтожение «излишков» продуктов. Ежегодно во Франции ликвидируется в среднем бо-

лее 100 тысяч тонн фруктов и овощей, не нашедших потребителей[58].

«Общий рынок» привел, таким образом, к классическому случаю капиталистического перепроизводства, когда производители не находят сбыта своим продуктам, а потребители не могут их купить из-за высоких цен. Вследствие действия «ножниц цен», реальная покупательная способность французских крестьян с 1962 по 1972 год сократилась на 10 процентов[59]. В 1973—1980 годах доходы крестьян упали еще на 20 процентов[60]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ежегодно во Франции исчезает 2,5 процента фермерских хозяйств.

Социальный кризис во французской деревне в определенной степени связан с отсутствием демократической региональной политики в Пятой республике и в других странах ЕЭС.

Фермерские союзы всех стран «Общего рынка», в том числе и французские, повели решительную борьбу против «плана Мансхолта», первый вариант которого (1968 год) предусматривал ликвидировать в течение десяти лет 5 из 10 миллионов крестьянских хозяйств в шести западноевропейских странах[61]. Небывалый взрыв недовольства сельского населения Западной Европы нашел проявление в многочисленных митингах и демонстрациях весной 1971 года. Кульминационным моментом была 100-тысячная демонстрация крестьян, прибывших 28 марта в Брюссель из шести стран ЕЭС. «Нет — плану Мансхолта!», «Сельское хозяйство не будет дойной коровой шестерки!», «Дайте нам возможность жить!» — гласили транспаранты. Газета «Комба» назвала эту манифестацию «первой европейской Жакерией» (крестьянской войной).

В 1974 году во Франции была отмечена новая, небывалая после 1960—1961 годов волна крестьянского движения. В одном этом году крестьянство испытало беспрецедентное сокращение доходов — на 15,9 процента[62]. Продолжавшиеся в течение всего года демонстрации тружеников земли были особенно интенсивны в середине февраля, начале августа и 16 сентября, когда одновременные выступления крестьян впервые охватили все страны «Общего рынка».

Крестьянские манифестации не проходили бесследно. Будучи частью классовой борьбы трудовой Франции, они оказали определенное воздействие на аграрную политику государственно-монополистического капитализма. 24 декабря 1971 года французское правительство было вынуж-

дено ввести 6-процентную пошлину на импорт сельскохозяйственных продуктов из Италии, а также из стран, не входящих в «Общий рынок» [63].

Участие государства в поддержке сельскохозяйственного производства составляет от 10 до 12 процентов бюджета [64]. Однако значительная часть этой помощи направлялась на обеспечение высокого уровня доходов производителям зерновых и сахарной свеклы, то есть в основном капиталистическим фермерам. Последние получают в 10—20 раз больше государственных субсидий в расчете на одно хозяйство, чем семейные фермы [65]. Новый законопроект «о сельскохозяйственной ориентации» 1979 года предусматривал дальнейшее сокращение числа земледельцев до 1 миллиона [66]. Аграрная политика французского правительства и «Общего рынка» не способствует повышению доходов основной массы земледельцев.

На почве антидемократической аграрной политики во французской деревне сохраняется социальная напряженность. В связи с планами включения в «Общий рынок» других стран, являющихся экспортерами сельскохозяйственной продукции, французских крестьян ожидают новые невзгоды. Как писала демократическая печать, 100 тысяч гектаров виноградников, в частности, могут оказаться под угрозой ликвидации. Новые трудности встретят производители фруктов и овощей. Вот почему крестьянские выступления в конце 70-х годов и в 1980 году проходили под знаком протеста против расширения «Общего рынка».

Требования основной массы мелких и средних крестьян предлагают блокирование цен на промышленные товары, необходимые для ведения сельского хозяйства; уменьшение налоговых обложений и обеспечение демократического контроля над кредитами.

При всей массовости отдельных выступлений крестьянское движение во Франции не преодолело известных слабостей. Французские труженики полей никогда не имели подлинного выразителя своих политических взглядов, за исключением коммунистов. Крестьянская партия (до 1965 года она официально называлась Крестьянской партией социального союза, а затем была переименована в Демократическое крестьянское движение) представляет главным образом интересы реакционно настроенных средних и крупных землевладельцев и не имеет массовой избирательной базы. На политическое поведение французского крестьянства значительное влияние еще оказывают буржуазные партии.

Французский исследователь М. Бодигель объясняет политическое поведение крестьянства следующим образом: «Существо политических забот крестьянина связано с его профессиональной деятельностью. Однако, по всей видимости, он приходит в замешательство относительно формы их проявления в национальном масштабе. Ему трудно определить свое отношение к национальным политическим партиям, представление о которых у него часто складывается через образ местных руководителей. Политическая борьба за власть его не захватывает. Он поэтому склонен голосовать по традиции» [67]. Традиция же определяется тем, как голосовали его деды и отцы, как голосует местная «знать».

Буржуазные партии стремятся не допустить союза рабочего класса и крестьянства. Однако крестьянский индивидуализм и консерватизм уже не представляют неизменную величину. Многие труженики земли, особенно из числа молодежи, начинают осознавать потребности глубоких перемен в структуре общества. Как показали опросы, проведенные Французским институтом общественного мнения, если в 1967 году за коммунистов и социалистов голосовали 27 процентов избирателей сельских округов, то на президентских выборах в мае 1974 года 40 процентов крестьян, в основном молодежь, заявили перед вторым туром голосования, что отдадут свои голоса кандидату левых сил Ф. Миттерану [68].

Среди крестьянства Франции, особенно среди молодого поколения, все более укрепляется мнение, что социальный кризис в деревне невозможно преодолеть без глубоких антимонополистических реформ. Значительная часть крестьянства начинает терять веру в капитализм, не будучи еще готовой принять социалистические идеи.

ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ ПРОФСОЮЗОВ

Вскоре после событий 1968 года численность французских профсоюзов заметно выросла: ВКТ — на 600 тысяч членов, ФДКТ — на 300 тысяч, «Форс увриер» — на 200 тысяч и т. д [1]. Если в 1969 году 21,92 процента французских крупных и средних предприятий (с числом работающих более 50) имели одну или несколько профсоюзных организаций, то в 1977 году — более половины. Профсоюзы стали чаще прибегать к голосованию общих собраний бастующих, чтобы быть ближе к настроениям масс [2].

Не только ВКТ, но и другие профцентры стали глубже заниматься вопросами социально-экономической политики государства, такими, как инфляция, занятость, социальное страхование, жилищное строительство, направление капиталовложений, развитие энергетической системы, охрана окружающей среды и другие. Все это существенным образом влияет на методы и формы борьбы французских профсоюзов. Сфера деятельности последних расширяется.

Референдум 1969 года, проведенный де Голлем фактически с целью поднять свой поколебленный майскими событиями авторитет, привел к сплочению профцентров впервые за многие годы по политическому вопросу. С призывом сказать «нет» выступили ВКТ, ФДКТ, «Форс увриер», Федерация национального образования и Национальный профсоюз учителей [3]. Контакты между ВКТ и ФДКТ, прерванные после мая 1968 года ввиду нелояльной позиции руководителей ФДКТ, были вновь возобновлены в конце 1970 года.

Рабочее движение во Франции в 70-е годы обнаружило широкое стремление к профсоюзному единству и к единству левых сил. По данным опроса, проведенного Французским институтом общественного мнения в августе 1971 года, 67 процентов французов высказывалось за слияние профсоюзов в одно объединение [4].

В 1971 году ВКТ и ФДКТ провели три общенациональных кампании — за улучшение пенсионного обеспечения и право выхода на пенсию с 60 лет, в защиту профсоюзных прав и против дискриминации трудящихся-иммигрантов [5].

В одном из документов ФКП отмечалось, что «майские события 1968 года показали необходимость и возрастающую роль профсоюзного движения. Они подтвердили благотворность массового объединения трудящихся в сильных профсоюзах» [6]. Одна из традиций французского рабочего движения состоит в том, что профсоюзы всегда были выразителями не только экономических и профессиональных, но и политических, идеологических и моральных интересов трудящихся, не дублируя при этом партии. В последнее десятилетие политическая роль профсоюзов стала возрастать.

Буржуазные политики и идеологи стремятся «деполитизировать» профсоюзы, отбить у них всякое желание выйти за пределы тред-юнионизма, заставить отказаться даже от стачек. Типичным образцом буржуазных мисти-

фикаций служит, например, утверждение, будто рост заработной платы не зависит от уровня забастовочного движения. Пытаясь вбить клин между профсоюзами и Компартией, буржуазные теоретики протаскивают идею о том, что профсоюзы должны взять в свои руки руководство рабочим классом, свернуть его с пути политической борьбы и всемерно содействовать процветанию капиталистической экономики. Поскольку это не удается, то в последнее время в противовес профсоюзам предприниматели стали создавать на предприятиях так называемые «автономные группы рабочих», которые должны якобы обеспечивать рабочему «право» выражать свое индивидуальное мнение.

Придавая большое значение удовлетворению требований каждой категории трудящихся, ВКТ одновременно не ставила во главу угла узкопрофессиональные цели, отрицающие рабочую солидарность и необходимость политической борьбы.

События мая—июня 1968 года показали, что все более широкие слои населения Франции хотят коренного изменения общества. Французская коммунистическая партия и ВКТ разъясняли трудящимся, что борьба за социалистический путь развития перестает быть отдаленной перспективой, а выдвигается в практическую плоскость. В декабре 1968 года Компартия приняла манифест «За передовую демократию, за социалистическую Францию!».

Основное содержание понятия «передовая демократия», как указывалось в манифесте, составляло проведение прогрессивной социальной политики — национализация крупных банков и ряда монополизированных отраслей производства; демократическое управление государственными предприятиями; демократическая разработка и осуществление плана экономического и социального развития; демократическая реформа налоговой системы; упразднение статей конституции, устанавливающих личную власть президента; введение пропорциональной избирательной системы; гарантия и расширение индивидуальных и коллективных свобод; проведение независимой и миролюбивой внешней политики[7].

ВКТ еще в межвоенный период выдвигала такие требования, как национализация и введение государственного планирования[8]. 36-й съезд конфедерации, состоявшийся в ноябре 1969 года, конкретизировал программу национализации, разработал положение о демократизации управ-

ления государственными предприятиями. ВКТ предложила расширить сферу национализированного сектора путем включения кредитных и финансовых учреждений, деловых и депозитных банков, страховых компаний, металлургической, нефтяной, атомной промышленности, а также монополий, господствующих в электронной, химической, фармацевтической промышленности, в строительстве промышленных предприятий, производстве вооружений, автомобилестроении и торговом флоте [9].

В апреле 1971 года ВКТ опубликовала документ под названием «Темы к размышлению о перспективах социализма для Франции и роли профсоюзов». В нем конфедерация решительно причисляла себя к силам, борющимся за социализм. Появление этого документа было связано с широкой дискуссией в профсоюзном движении, возникшей под влиянием майских событий 1968 года. ВКТ высказала свою точку зрения о роли профсоюзов и особенностях социалистической демократии во Франции, предусматривающих установление политической власти рабочего класса и других слоев трудящихся, различные формы коллективной собственности на средства производства и обмена, гуманное и выгодное для страны и народа решение проблем мелких и средних предприятий, демократическое управление экономикой, демократическое планирование, расширение и реальное гарантирование индивидуальных и коллективных прав [10]. В этом документе ВКТ подтверждала свою готовность содействовать объединению левых сил [11].

ВКТ внесла свой вклад в разработку Совместной правительственной программы левых партий, что нашло отражение в декларации конфедерации и Французской коммунистической партии, принятой 19 мая 1972 года. Отдавая приоритет социально-экономическим требованиям трудящихся, ВКТ подтверждала свою решимость добиваться национализации монополий, демократического планирования, демократического управления предприятиями, проведения прогрессивной налоговой реформы, демократизации образования, гарантии и расширения профсоюзных прав [12].

ФДКТ под влиянием майских событий 1968 года приняла на своем 35-м съезде, состоявшемся в мае 1970 года, концепцию «демократического социализма». Она была определена тремя чертами: «самоуправление в социальной, экономической и политической жизни, общественная собственность на средства производства и обмена (без

уточнения ее объема. — *В. К.*), демократическое планирование»[13].

Для эволюции Французской демократической конфедерации труда была показательна резолюция, принятая на этом съезде, в которой было записано, что «для ФДКТ успех политического действия, способного обеспечить выход из капиталистического общества, может быть только результатом участия всех социалистических сил, включая Французскую коммунистическую партию»[14].

Однако смена руководства ФДКТ с начала сентября 1972 года затормозила позитивные процессы, начавшиеся в конфедерации. Вместо Э. Декана, бывшего одним из главных инициаторов преобразования конфедерации в 1964 году и установления сотрудничества с ВКТ в 1966 году, генеральным секретарем стал Э. Мэр, в прошлом единомышленник завзятого реформиста П. Мендес-Франса[15].

Руководство ФДКТ осложнило осуществление сотрудничества с ВКТ, выставив в качестве условия его достижения договоренность по идеологическим вопросам, хотя стратегия «демократического социализма» была по существу противопоставлена реальному социализму и социалистической перспективе во Франции, за которую боролись ВКТ и Компартия. 14 ноября 1972 года ФДКТ приняла программный документ под названием «За демократический социализм», который развивал ряд идей, высказанных 35-м съездом. В частности, в перечень основных черт «демократического социализма» было включено установление «новых социальных» и «новых международных отношений»[16].

ФДКТ признавала, что политическая власть должна принадлежать рабочему классу в союзе с другими прогрессивными силами. Наряду с этим природа социализма в представлении руководителей ФДКТ была недостаточно ясна. В одном из заявлений ФДКТ в 1972 году содержалась такая многозначительная оговорка, вскрывавшая реформистскую природу конфедерации: «Антикапитализм (приверженность которому на словах ФДКТ постоянно выдвигала. — *В. К.*) не порождает обязательно социализм»[17].

Руководители ФДКТ считали, что предварительным условием создания «социалистического демократического общества, основанного на принципе самоуправления», должна быть перестройка психологии, что было проявлением идеалистических иллюзий[18]. ФДКТ старалась совместить политические идеалы рабочего класса с буржуаз-

ной демократией, предлагала выдать компенсацию владельцам национализируемых предприятий государственными облигациями [19].

ВКТ считала ошибочной попытку ФДКТ перескакивать через этапы в выдвижении социалистических целей. В то время как ФДКТ отрицала любой переходный период в построении социализма, отказывалась от общей программы действий и вместе с тем фактически брала на себя функции политической партии, ВКТ полагала, что для построения социализма во Франции нужен определенный этап борьбы против всевластия монополий, а для этого необходим союз всех левых сил, имеющий единую платформу действий. Что касается ФДКТ, то она заняла уклончивую позицию в отношении важнейшего политического документа 1972 года — Совместной правительственной программы левых партий. В резолюции руководства конфедерации обходилась стороной оценка Совместной программы по существу и одновременно в левацком духе высказывались сомнения о возможностях левого правительства, «если на него не будут распространены давление и контроль со стороны мощных выступлений трудящихся» [20]. Более того, ФДКТ отказалась участвовать в комитетах поддержки программы [21]. Не заняла никакой политической позиции в парламентских выборах 1973 года и «Форс уврнер».

На 36-м съезде ФДКТ, состоявшемся в начале июня 1973 года в Нанте, единство действий с ВКТ было подтверждено. Вместе с тем Э. Мэр в отчетном докладе, делая упор на «самоуправленческом социализме», развязал в недружественном тоне полемику с Компартией и ВКТ. В этой связи генеральный секретарь ВКТ Ж. Сеги справедливо обращал внимание на то, что ФДКТ не давала ответа на такой ключевой вопрос: как и с помощью каких сил можно добиться освобождения от власти крупного капитала и чем ее заменить?

Таким образом, реформистская сущность ФДКТ отчетливо проявилась в начале 70-х годов, несмотря на обильную «социалистическую» фразеологию. Определенное влияние здесь оказывал и социально-профессиональный состав членов этого профцентра: на 50 процентов он был представлен техниками и инженерами. Сам генеральный секретарь ФДКТ Э. Мэр был по профессии техником химической промышленности.

Некоторый сдвиг в сторону профсоюзного единства наметился в 1974 году, когда на президентских выборах

ВКТ, ФДКТ и Федерация национального образования поддержали единого левого кандидата Ф. Миттерана.

ВКТ наметила реальную программу борьбы против экономического кризиса 1974—1975 годов и против пагубных последствий хозяйничанья транснациональных компаний. Эта программа была принята общенациональной конференцией комитетов на предприятиях, состоявшейся в феврале 1975 года в парижском пригороде Нантер. Она состояла в следующем: «национализация всего финансово-кредитного дела и ключевых секторов промышленности, в том числе немедленная национализация основных финансовых групп; демократическое управление национализированными предприятиями под контролем и при самом широком участии трудящихся; демократическое планирование, соединяющее задачу развития страны с удовлетворением социально-экономических требований современной эпохи» [22].

ВКТ требует заключения таких международных коллективных договоров с транснациональными компаниями, которые бы гарантировали социальные завоевания трудящихся и предусматривали создание с участием национальных профсоюзов представительных органов, которые были бы наделены правом требовать информацию о социальной политике, состоянии дел и планах транснациональных компаний.

Всеобщая конфедерация труда выступает за совместные действия профсоюзов всех стран «Общего рынка» в борьбе за удовлетворение их социально-экономических требований, касающихся гарантии и повышения покупательной способности, обеспечения занятости, сокращения рабочей недели, продления оплачиваемых отпусков, улучшения условий труда, расширения профсоюзных свобод, искоренения дискриминации в оплате труда женщин и молодежи, усовершенствования системы социального страхования, а также профессионального обучения.

Платформа общих требований ВКТ и ФДКТ, принятая в 1976 году, включала гарантию покупательной способности трудящихся, защиту занятости, установление пенсий в 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин, улучшение условий труда, защиту и расширение профсоюзных свобод [23]. Новое соглашение, заключенное 17 сентября 1979 года, предусматривало приоритет требований, касающихся низких ставок зарплаты, сокращение продолжительности рабочей недели, защиту и расширение профсоюзных

прав[24]. Примечательно, что на уровне предприятий требования профсоюзов ВКТ и ФДКТ мало чем отличались друг от друга[25]. ФДКТ выступала за установление эффективного налога на капитал[26].

В общенациональной забастовке против правительственного плана «суровой экономии» 24 мая 1977 года впервые за многие годы приняли участие все крупные профцентры страны — ВКТ, ФДКТ, «Форс увриер», Федерация национального образования, Всеобщая конфедерация кадров и ФКХТ.

После того как левым силам не удалось одержать победу на парламентских выборах 1978 года, ФДКТ, ссылаясь на «отсутствие политических перспектив», перешла к «новой стратегии». Центр тяжести ее борьбы переместился на отдельные предприятия и на отдельные отрасли. По существу ФДКТ отказалась от выступлений в общенациональном масштабе и не поддержала ряд важных инициатив ВКТ (как, например, проведение дня действий против безработицы 21 декабря 1978 года и выступление в поддержку металлургов 23 марта 1979 года).

На 38-м съезде ФДКТ, проходившем в Бресте 8—12 мая 1979 года, речь шла о том, чтобы «придать больший вес профсоюзным проблемам, меньший—политическим»[27].

В отчетном докладе генеральный секретарь конфедерации Э. Мэр придал забвению тезис о «разрыве с капитализмом», которого еще недавно придерживалось руководство конфедерации. В новой стратегии он предложил сделать упор на переговоры с предпринимателями и правительством. Лишь в качестве отдаленной перспективы он указал на «самоуправляющийся социализм»[28]. Вместе с тем Э. Мэр заявил, что ФДКТ не отказывается от единства действий с ВКТ, возложив вину за охлаждение отношений на последнюю, хотя в действительности изменилась не ВКТ, а сама ФДКТ.

«Новая ориентация» ФДКТ не нашла единодушного одобрения делегатов съезда. Отчетный доклад Э. Мэра был утвержден всего лишь 57 процентами голосов. Две трети делегатов, бравших слово, резко критиковали те или иные аспекты деятельности ФДКТ. Большинством голосов был отвергнут тезис руководства о необходимости сокращения зарплаты при уменьшении рабочей недели.

В последней эволюции ФДКТ, как отметили французские коммунисты, «противоречиво проявляется, с одной стороны, желание подавляющего большинства трудящихся и активистов продвигаться вперед на классовой основе, а

с другой, сильная восприимчивость к давлению, оказываемому на эту организацию, с целью увода ее назад, к концепции и практике классового сотрудничества»[29].

Требование «самоуправления» стало исчезать из лексикона руководителей конфедерации, зато идеи развития западноевропейской «интеграции» получают все более благожелательный отклик с их стороны.

Усилия ФДКТ направлены к тому, чтобы создать вокруг нее единый реформистский профсоюзный фронт. «Эта новая стратегия, — указывал Национальный конфедеральный комитет ВКТ, — находит свое выражение в фактическом признании экономических и социальных целей правительства и предпринимателей. Под флагом «реализма» руководители ФДКТ разделяют идею о фатальности кризиса, которая приводит их к поддержке политики мелких уступок рабочему классу, к отказу от выдвижения насущных требований и к саботажу борьбы»[30].

В январе 1978 года ФДКТ заявила о своем выходе из Всемирной конфедерации труда, объединяющей католические профсоюзы. ФДКТ стала членом Европейской конфедерации профсоюзов, в которую входят преимущественно профсоюзы социал-демократической ориентации.

ФДКТ не преодолела анархо-синдикалистских представлений о том, что социальная борьба должна всегда иметь приоритет над политической. Она искусственно отделяет и противопоставляет политическую и экономическую борьбу рабочего класса. Еще В. И. Ленин указывал, что «революционный синдикализм» (анархо-синдикализм) есть «ревизионизм слева»[31].

Ослабление связи с церковью отнюдь не привело к полному исчезновению влияния клерикальной идеологии внутри ФДКТ. И поныне, по словам французского публициста М. Шифра, в этой конфедерации «моральная оценка часто превалирует над прочими соображениями как тактического, так и стратегического порядка»[32]. Проявлением этого является оппозиция ФДКТ «всяким формам принуждения»[33].

Руководство «Форс увриер», занимая догматические и сектантские позиции, отвергает любые попытки сближения с левыми политическими партиями и другими демократическими силами. Оно упорно повторяет, что будет тщательно следить за тем, чтобы в профсоюзы не проникали лозунги, зародившиеся в политических партиях. Хотя «Форс увриер» не отвергает Амьенскую хартию ВКТ 1906 года, подтверждавшую антикапиталистическую

ориентацию конфедерации, на практике она проводит политику «классового сотрудничества».

На 14-м съезде «Форс увриер», состоявшемся в июне 1980 года в Бордо, генеральный секретарь конфедерации А. Бержерон сделал упор на то, что кризис капиталистической экономики носит мировой характер и поэтому-де не следует выдвигать большие требования. Основным достижением конфедерации делегаты съезда считали ее стремление держаться в стороне от забастовок[34]. Конфедерация отказалась от ранее выдвигавшегося ею лозунга создания «самоуправления», и в частности цеховых советов[35]. Печатный орган этого профцентра «Форс увриер Эбдо» ведет самую разнузданную антикоммунистическую и антисоветскую пропаганду.

«Форс увриер» входит в Европейскую конфедерацию профсоюзов и в Международную конфедерацию свободных профсоюзов, а один из ее активистов, П. Ламбер, является лидером международной троцкистской организации.

Лидеры «Форс увриер» выступают ярыми противниками наметившихся в последнее время тенденций к развитию европейского профсоюзного сотрудничества между профцентрами различной политической ориентации. В вопросах внешней политики конфедерация является ревностной поборницей западноевропейской интеграции и усиления наднациональной власти органов «Общего рынка»[36].

Руководители Федерации национального образования и Всеобщей конфедерации кадров, проводящие политику классового сотрудничества, до 1981 года откровенно поддерживали цели правящих кругов[37]. Что касается ФКХТ, то, продолжая руководствоваться социальной доктриной церкви, она является единственным профцентром Франции, официально отвергающим всякую революционную перспективу[38].

Примечательно, что в международный клуб политических и деловых кругов США, Западной Европы и Японии, созданный в 1973 году под названием «Трехсторонняя комиссия» Д. Рокфеллером, входят некоторые социал-демократы и профсоюзные деятели[39].

Кризисные явления в экономике ставят рабочее движение и профсоюзы в нелегкое положение. Если реформистские профцентры склонны признавать фатальность экономического кризиса, то ВКТ занимает иную позицию. Секретарь ВКТ А. Кразюки заявил в этой связи: «Мы

не согласимся с тем, что Францию превращают в промышленную пустыню, в страну туризма для тех, кому наша экономика приносится в жертву. Мы будем защищать каждый завод, каждую отрасль промышленности, каждый район»[40].

40-й съезд ВКТ, состоявшийся в Гренобле 26 ноября — 2 декабря 1978 года, подверг всестороннему обсуждению меры, которые необходимо противопоставить политике монополий. В центре внимания съезда было совершенствование профсоюзной работы. Обсуждение проекта главного документа съезда на предприятиях и в профсоюзной печати продолжалось более трех месяцев.

Генеральный секретарь конфедерации Ж. Сеги в своем докладе на съезде дал глубокий анализ проблем активизации деятельности профсоюзов и единства действий рабочего класса. Он отметил ряд факторов, сдерживающих дальнейший рост рядов ВКТ, — разочарование трудящихся поражением левых сил на парламентских выборах в марте 1978 года, увеличение безработицы, усиление репрессий против профсоюзных активистов, поддержку консервативными силами реформизма в рабочем классе.

Съезд одобрил Ориентационный документ и Программу действий, в которых намечены конкретные задачи борьбы различных отрядов трудящихся. ВКТ рекомендует бороться за сокращение рабочей недели как за реальное средство уменьшения безработицы, требует повысить заработную плату с учетом роста стоимости жизни, увеличить пенсии и пособия, расширить права профсоюзов на предприятиях и улучшить условия труда рабочих.

В своих решениях съезд подтвердил верность конфедерации принципам классовой борьбы и концепции массовой организации трудящихся. Съезд призвал активизировать профсоюзную деятельность среди трудящихся-женщин, молодежи, иммигрантов, техников, инженеров и служащих. В обращении к ФДКТ, «Форс увриер» и Федерации национального образования ВКТ предложила образовать Национальный комитет единства действий[41].

Альтернативу экономической политике монополий решительно поддерживает Компартия. В заявлении Политбюро ФКП, опубликованном 23 июля 1980 года, прямо указывалось, что «возможна другая политика, основанная на защите занятости, на расширении внутреннего

рынка прежде всего благодаря повышению покупательной способности трудящихся, на смягчении различных форм неравенства, на укреплении национального производственного аппарата, на развитии международного сотрудничества. Для этой политики необходим решительный прогресс демократии во всех областях, а также важные структурные преобразования, в частности национализация монополистических групп» [42].

Известная слабость рабочего движения в современной Франции состоит в том, что еще значительная часть трудящихся остается вне классовых организаций, а реформизм и пережитки анархо-синдикализма тормозят борьбу людей труда. Как указывает генеральный секретарь ВКТ Ж. Сеги в предисловии к книге А. Кразюки «Профсоюзы и классовая борьба», «будущее профсоюзного движения зависит от эволюции классового сознания трудящихся, которая постепенно устранит препятствия к его объединению» [43].

ПРОФСОЮЗЫ И АНТИМОНОПОЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В 1968 году рабочее движение во Франции сомкнулось с демократическим и дало ему огромный толчок. На протяжении 70-х годов в стране ощущался тот удар огромной силы, который нанес государственно-монополистическому капитализму социально-политический кризис 1968 года. Классовая борьба трудящихся показывала нарастание антимонополистического движения. Всеобщие забастовки стали почти неотъемлемой частью национальной жизни.

Секретарь ВКТ А. Кразюки в интервью корреспондентам газеты «Труд» отметил, что «политическое положение во Франции во многом зависит от уровня развития классовой борьбы. Мы, — продолжал он, — безусловно, можем добиваться успехов, которые ограничивают негативные последствия политики реакционных сил» [1].

Никогда в послевоенной Франции не наблюдалось такой поляризации классовых и политических сил, как в 70-е годы. Все избирательные кампании проходили в обстановке четкого размежевания двух лагерей. ФКП, Социалистическая партия и Движение левых радикалов, выступавшие в едином блоке до осени 1977 года, неуклонно укрепляли свои позиции.

Парламентские выборы 1978 года показали, что в результате разобщенности левые силы не смогли добиться победы, однако идея единства демократических партий продолжала жить среди широких масс избирателей. Показателем этих стремлений явились результаты президентских выборов 1981 года, закрепленные последующими внеочередными выборами в Национальное собрание Франции.

Это было выражение широкого народного стремления к глубоким демократическим переменам. Даже в правящих кругах признавали, что «французы стремятся к обществу, которое было бы более справедливым, более равноправным и более свободным, они подтвердили, что хотели бы видеть в этом отношении перемены» [2].

Извлекая уроки из народного движения мая—июня 1968 года, XX съезд ФКП указал, что кризис французского государственно-монополистического капитализма «охватывает все стороны национальной жизни. Кризис ставит под сомнение не тот или иной аспект в функционировании нынешней экономической и социальной системы, а саму систему, то есть господство ничтожной кучки финансовых групп над Францией» [3]. Коммунисты подчеркивают при этом, что проблемы защиты и развития демократии стали основным полем классовой борьбы.

Особое место в стратегии и тактике ФКП занял вопрос о классовых союзах и союзниках рабочего класса. Развитие государственно-монополистического капитализма выдвинуло перед рабочим классом, Компартией и профсоюзами настоятельную необходимость заключения широких классовых союзов — более широких, чем на предыдущих этапах борьбы против буржуазии. Первостепенную важность в современных условиях приобретает блок рабочего класса как с промежуточными слоями трудящихся (служащими, инженерами, техниками, научными работниками, студентами), так и со средними слоями (крестьянами, ремесленниками, мелкими торговцами и промышленниками).

Современная стратегия рабочего и профсоюзного движения не исходит из формулы «класс против класса», которая бытовала в 20-х и начале 30-х годов, когда считалось, что социалистическая революция может быть осуществлена только в результате вооруженного восстания, а переходные этапы отвергались. Ныне большинство компартий западноевропейских стран рассматривают революцию не как единовременный акт, а как процесс,

который начинается с ограничения и ликвидации всевластия монополий.

Наряду с требованиями гарантии занятости и повышения покупательной способности, национализации крупнейших монополий и установления рабочего контроля на производстве программы компартий и профсоюзов западноевропейских стран включают и такие общедемократические требования, как борьба за мир, за разоружение, за проведение независимой внешней политики, отвечающей национальным интересам, отпор неофашизму и расизму, справедливое налогообложение, демократизация средств массовой информации, культуры и образования. Именно общедемократические требования позволяют привлечь на сторону рабочего класса крестьянство, средние городские слои и многих представителей интеллигенции.

Во Французской коммунистической партии, так же как и в ряде других компартий промышленно развитых капиталистических стран, идет теоретическая дискуссия, касающаяся этапов и методов перехода к социализму. Существо этого вопроса, отмечает профессор В. В. Загладин, состоит в следующем: «Два этапа — демократический, антимонополистический, а затем социалистический — или один этап, этап перехода к социализму, на протяжении которого решаются и демократические и социалистические задачи? Ответ на этот вопрос не прост, а главное, видимо, всегда исторически конкретен: ситуация каждой страны может предложить то или иное решение» [4].

ФКП усилила, с одной стороны, внимание к разработке теоретических вопросов, касающихся этапов и методов перехода к социализму («передовая демократия», «социализм цветов Франции», стратегия «самоуправления»), а с другой — пошла на заключение в 1972 году компромиссной Совместной правительственной программы с социалистами и левыми радикалами, которая в случае ее осуществления могла бы означать значительное продвижение вперед в деле демократизации общественной жизни.

Спектр демократических требований в антимонополистическом движении во Франции широк и разнообразен. Сюда входят борьба против авторитарных методов правительства, защита политических и социальных прав трудящихся, национализация крупнейших монополий, демократизация образования, устранение дискриминации женщин, защита окружающей среды и другие.

Опираясь на анализ мнений трудящихся, осуществленный в результате общенациональной кампании митинговдебатов, ФКП приняла 9 октября 1971 года Программу демократического правительства народного единства. В ней выдвигались конкретные предложения по национализации банков и ключевых секторов промышленности; улучшению условий жизни трудящихся (повышение зарплаты, пенсий, введение 40-часовой рабочей недели, увеличение социальных расходов государства); развитию народного образования; демократизации органов местного управления; оказанию государственной помощи трудовому крестьянству, мелким и средним предприятиям; принятию демократического плана. Эта программа была важным этапом к разработке Совместной правительственной программы левых партий в 1972 году.

Совместная правительственная программа 1972 года, в формировании которой деятельно участвовали профсоюзы, была несомненным вызовом политике французского государственно-монополистического капитализма. В отличие от всех соглашений, которые до тех пор коммунисты заключали с социалистами, эта программа носила наиболее развернутую форму обязательств, охватывающих все сферы политики Франции. Основное значение программы состояло в том, что она предлагала целый комплекс реформ, цель которых — глубокое преобразование экономических, социальных и политических структур общества. В этой программе левые партии предлагали национализировать банки, финансовые и страховые общества и девять крупнейших промышленных монополий, демократизировать государственный строй, проводить политику национальной независимости и международного сотрудничества.

Программа отдавала приоритет социальным преобразованиям. В ней предусматривалось существенное увеличение зарплаты и пособий, ликвидация всяких форм дискриминации в оплате труда, введение «подвижной шкалы» зарплаты, учитывающей рост цен, 40-часовая рабочая неделя, рассасывание безработицы, разработка нового трудового кодекса [5]. Левые партии и профсоюзы выступали за новую, демократическую политику в области просвещения. Они требовали, в частности, выделения четвертой части государственного бюджета на нужды народного образования.

Программа предусматривала проведение широких мероприятий в поддержку крестьян и средних городских

слоев. Образование левого правительства, которое национализировало бы банки, кредитные учреждения и крупнейшие промышленные монополии, создало бы общие благоприятные условия для нового направления аграрной политики. Программа поставила задачу улучшить условия производства на семейных фермах, не применяющих наемный труд, путем предоставления кредитов на модернизацию, а также с помощью гарантирования цен и организации сбыта мяса, молока, овощей, фруктов и вина. Она предусматривала оказание всесторонней помощи кооперативам. Левые партии и профсоюзы требовали положить конец земельным спекулянтам, гарантировать определенный уровень доходов крестьян в районах с неблагоприятными условиями развития, улучшить систему общего и агрономического образования в деревне, включить сельские местности в планы регионального развития [6].

В целях демократизации государственных институтов левые партии предлагали ввести пропорциональную избирательную систему, снизить избирательный возраст до 18 лет. Коммуны, департаменты и экономические районы должны были получить больше прав. Особое внимание уделялось обеспечению права граждан на объективную информацию. Главные средства массовой информации — радио и телевидение — должны были распределять на справедливой основе время вещания, требуемое партиями, профсоюзами и другими общественными организациями.

Совместная правительственная программа ФКП, Социалистической партии и Движения левых радикалов, изданная коммунистами отдельной книгой тиражом в 10 миллионов экземпляров, вызвала энтузиазм среди широких слоев народа. Борьба за ограничение всевластия монополий стала все больше выдвигаться в центр классовой борьбы. Опрос, проведенный в начале 1976 года Французским институтом общественного мнения, показал, что относительное или даже абсолютное большинство французов высказывались за национализацию ведущих отраслей промышленности и финансовых учреждений [7].

ВКТ не только поддержала Совместную правительственную программу, но и в дальнейшем решительно настаивала на сохранении ее передовых социальных требований, которые социалисты и левые радикалы хотели урезать. Развивая эту часть Совместной программы, конфедерация опубликовала в июне 1977 года собственную

программу под названием «Решения и предложения ВКТ».

Совместная правительственная программа ФКП и Социалистической партии 1972 года носила компромиссный характер по ряду важнейших положений внутренней и внешней политики. Определяя условия соглашения о Совместной правительственной программе левых сил, генеральный секретарь ФКП Ж. Марше отметил на XX съезде ФКП в декабре 1972 года: «Мы всегда говорили, что для реального осуществления политических перемен нужно учитывать одновременно два соображения: с одной стороны, во Франции невозможна никакая политика социального прогресса, демократии и мира без участия коммунистов, а с другой стороны, демократическое возрождение нашей страны не может быть делом только одной партии, даже если речь идет о нашей партии» [8].

Основным принципом союза левых сил Компартия считала равноправие всех организаций, объединенных соглашением. Однако эффективной координации тактики повседневной политической борьбы между левыми партиями достигнуто не было. Осенью 1977 года союз левых зашел в тупик.

Борьба за коренные демократические преобразования во Франции неотделима от создания широкого антимонополистического союза при руководящей роли рабочего класса. Это хорошо понимают коммунисты. Добившись несомненных успехов в работе среди масс, Компартия особое внимание уделяет опоре на рабочий класс. Если в 1961 году ФКП имела 3 800 организаций на предприятиях, то к началу 1978 года — около 10 тысяч (из общего числа 25 тысяч первичных организаций) [9]. Компартия поддерживает самые тесные связи с профсоюзами, входящими во Всеобщую конфедерацию труда, в полной мере учитывая специфику их деятельности и задач. ФКП принимает во внимание неодинаковое положение отдельных отрядов трудящихся: с одной стороны, неквалифицированных рабочих, «специализированных» рабочих, иммигрантов, трудящихся на производстве женщин и молодежи, подвергающихся дискриминации и более интенсивной эксплуатации, а с другой — квалифицированных рабочих и высокооплачиваемых слоев интеллигенции.

XXIII съезд ФКП, проходивший в мае 1979 года, определил ориентиры для рабочего, профсоюзного и демократического движения в создавшихся условиях. Был сделан известный поворот в сторону усиления массовой

борьбы. В этой связи среди новых целей были названы, в частности, стратегия «самоуправления» и «единства снизу». Центр тяжести деятельности партии был перенесен на предприятия [10].

Рабочее и профсоюзное движение Франции выдвинуло стратегию «самоуправления» в качестве одного из главных средств борьбы против произвола монополистического капитала. Такое требование провозглашалось административно-техническими «кадрами» еще в период майско-июньских событий 1968 года.

Реформисты, чтобы завоевать доверие масс, стремившихся к глубоким переменам, подхватили этот лозунг. Не без влияния левых доктринеров из Объединенной социалистической партии ФДКТ в мае 1968 года сделала требование «самоуправления» своим. Более отчетливо это требование прозвучало на съезде ФДКТ в Исси-ле-Мулино в мае 1970 года. Под «самоуправлением» эта конфедерация понимала право трудящихся и их представителей принимать важнейшие решения, касающиеся общей политики предприятия в рамках директив плана, а также право назначать и контролировать деятельность администрации предприятия [11].

Между тем стратегия «самоуправления» носила не только теоретический характер, но и отражала новые требования и новые формы борьбы, родившиеся в забастовочном движении во Франции в 70-е годы, в частности в результате получивших большой резонанс стачек на предприятиях «Жуэн франсэ» и «Лип».

ВКТ опубликовала свои предложения относительно «самоуправления» в октябре 1973 года. Их суть сводилась к тому, что демократическое управление промышленными предприятиями нельзя отрывать от демократического планирования и установления политической власти трудящихся. Конфедерация предложила, в частности, значительно расширить права рабочих комитетов на предприятиях. Согласие последних должно быть обязательно в отношении принятия таких важных решений, как капиталовложения и структурная перестройка предприятия [12].

Разъясняя смысл новой позиции ВКТ, ее генеральный секретарь Ж. Сеги заявил: «Если под словом «самоуправление» понимать осуществление стремлений трудящихся к свободе, демократии, инициативе и ответственности в управлении своими предприятиями, в жизни страны в

реальных условиях, позволяющих это, то ВКТ разделя эту идею и полностью поддерживает ее цели» [13].

«Самоуправление» как требование Компартии впервые появилось в документе под названием «Свобода направляет наши шаги», адресованном профсоюзам осенью 1977 года. К этому времени в демократическом движении Франции достаточно четко выдвинулись также региональные проблемы, а с другой стороны, стало ясно, что социалисты, отказавшись от Совместной правительственной программы, в том числе забросили и ее требование создания рабочих цеховых советов и избрания директоров национализированных предприятий [14].

ФКП предусматривает развитие «самоуправления» как в территориальном, так и в производственном плане. Большое значение коммунисты придают сохранению и расширению прав профсоюзов, а также коммун, департаментов и областей. Они требуют, чтобы всякое решение о массовых увольнениях трудящихся и закрытии предприятий принималось только с ведома муниципального совета, чтобы департаменты и области получили материальные возможности развивать производительные силы, связи между городом и деревней и лучше использовать естественные ресурсы, чтобы население могло добиваться осуществления своих требований через «советы граждан» и «советы потребителей» [15].

В производственной сфере коммунисты предлагают создать «цеховые советы» и «советы отделов учреждений», расширить компетенцию профсоюзов, существующих фабрично-заводских комитетов, найти формы инициатив трудящихся на уровне производственных объединений и отраслей промышленности и даже высших эшелонов государственной власти [16]. ФКП указывает, что «самоуправление» — это не избирательный лозунг и не самоочевидный агитационный призыв. Коммунисты подчеркивают, что в массах «имеется потенциальное стремление к самоуправлению, но чтобы его осуществить, нужно проделать громадную политическую работу» [17].

Стратегию на «самоуправление» генеральный секретарь ФКП Ж. Марше относит к традициям Парижской Коммуны [18]. Она позволяет Компартии и профсоюзам поставить вопрос о воссоздании союза левых сил: отныне этот вопрос не будет упираться только в диалог коммунистов и социалистов, а будет связан с политическим присутствием масс на всех решающих уровнях.

Развивая задачи, выдвинутые XXIII съездом, пленум

ЦК ФКП, состоявшийся в Иври 27—28 мая 1980 года, наметил следующие направления политики партии:

— бороться за сокращение социального неравенства;

— добиваться нового экономического подъема;

— обеспечить приоритет в развитии для национальной экономики (а не для международных трестов);

— защищать и добиваться расширения государственного сектора;

— бороться за новые демократические права, в особенности на предприятиях [19].

Основные направления классовой борьбы во Франции в 70-е и в начале 80-х годов концентрировались, таким образом, вокруг социально-экономических и политических требований трудящихся. Важное место в этой борьбе занимает также проблема учащейся молодежи и положения женщин в обществе.

Требуя равенства прав в области образования, рабочий класс покушается на привилегию господствующего класса. Демократическая реформа образования тесно связана с проблемой занятости и социальной справедливости.

Предложения Компартии и профсоюзов в отношении реформы образования сводятся к трем основным моментам: демократизация системы образования, выделение на ее потребности достаточных ассигнований, светский характер образования.

ФКП и ВКТ ведут большую работу среди молодого поколения, необычайно остро реагирующего на несправедливость капиталистического общества. Компартия призывает молодежь преодолевать разобщенность, развивать единство действий. Самой крупной молодежной организацией во Франции является Движение коммунистической молодежи, объединяющее 110 тысяч юношей и девушек. Оно состоит из двух организаций — Союза студентов-коммунистов и Союза коммунистической молодежи. Большую работу проводит Конфедеральный молодежный центр ВКТ, существующий с 1969 года.

Молодежное движение во Франции превращается в составную часть рабочего, профсоюзного и демократического движения. В основе подъема молодежного движения лежит обострение классовых противоречий, бедственное положение миллионов трудящихся, громадные расходы на гонку вооружений, жилищный кризис, отсутствие возможности для многих детей трудящихся получить образование и т. д.

Особое внимание ФКП уделяет студенческой молоде-

жи, которая является источником пополнения рядов интеллигенции. Коммунисты считают, что университет не должен замыкаться в себе, отрываться от общества. Они указывают, что борьба студентов должна вливаться в общую борьбу трудящихся масс [20].

Национальный союз студентов Франции (НССФ) не является классовым профсоюзом в отличие от профессиональных организаций рабочих. Однако, за исключением привилегированного меньшинства, основная масса студентов — выходцы из классов и слоев, интересы которых противоположны интересам монополий. Это и предопределило боевой характер действий и требований НССФ, борющегося за улучшение условий жизни студенческой молодежи, за высокое качество высшего образования. Примечательно, что влияние гошизма (левого экстремизма) среди студенческой молодежи во Франции в 70-е годы заметно пошло на убыль. Многие студенты, находившиеся в 1968 году под влиянием маоизма, анархизма и троцкизма, вступили в Компартию [21]. По мнению французских исследователей, опирающихся на опросы общественного мнения, лишь 4 процента французской молодежи проявляют симпатии к гошизму [22]. Левацкие союзы студентов насчитывают менее 10 тысяч членов [23]. Экстремистские группы перестали быть выразителями стихийного протеста молодежи, превратились в орудие провокаций против рабочего класса и его организаций.

Гошисты борются не столько против капиталистической системы, как против Коммунистической партии и профсоюзов. Одна из их организаций — «Новое народное сопротивление» — например, открыто объявляла, что ее главная мишень — Компартия и Всеобщая конфедерация труда [24]. Профессор Парижского университета М. Дюверже, вероятно, был недалек от истины, утверждая, что полицейские агенты составляют 10 процентов численности гошистских организаций [25].

Ведя принципиальную идеологическую борьбу с гошизмом, французские коммунисты критикуют взгляды на молодежь как на «новый авангард», «новую революционную силу». Майские события 1968 года убедительно свидетельствовали, что без рабочего класса студенческая молодежь ничего сделать не может.

В 1971 году произошло обновление руководства НССФ, в котором ранее верховодили левацкие элементы. Главной силой движения за обновление был Союз студентов-коммунистов. Отвергнув как корпоратизм, так и

левый экстремизм, большинство студентов выступило за то, чтобы их самый боевой профсоюз сочетал политические требования с каждодневной борьбой за жизненные права и интересы учащейся молодежи. Лозунг Союза студентов-коммунистов гласит: «Студенты нуждаются в революции, а революция — в студентах» [26]. Нынешнее руководство НССФ выступает за отказ от анархистских лозунгов, за сотрудничество с массовыми организациями трудящихся, и прежде всего с ВКТ. Союз насчитывает 37 тысяч членов [27].

Политика буржуазного государства и монополий, направленная на производство неполноценных массовых профессий интеллигенции, не могла не стать источником широкого недовольства учащейся молодежи. 21 и 22 марта 1973 года по всей стране состоялись самые крупные после 1968 года демонстрации молодежи, протестовавшей против введения «дипломов общего (сокращенного. — *В. К.)* университетского образования» и против уменьшения отсрочки от призыва на военную службу («закона Дебре»). В них приняло участие 200 тысяч человек [28]. В марте 1974 года были отмечены выступления учащихся лицеев и технических колледжей.

В 1976 году во Франции наблюдался самый мощный подъем студенческого движения после 1968 года. Объектом требований были гарантия права на труд будущих специалистов и отмена правительственного проекта реформы высшего образования, отвечавшего интересам монополий. (Он предусматривал сокращение срока образования с четырех до трех лет и ликвидацию эквивалентности дипломов различных университетов.) 18 марта в Париже состоялась 30-тысячная демонстрация. 15 апреля в тридцати крупнейших городах страны студенты не вышли на занятия. В столице в тот же день прошла внушительная манифестация 50 тысяч студентов, преподавателей и лицеистов. Наконец, 23 октября во Франции состоялись многочисленные выступления под лозунгом «Молодежь хочет жить и работать!». Отныне подобные манифестации стали нередким явлением. 13 октября 1978 года на улицах Парижа состоялась вновь демонстрация 80 тысяч студентов, преподавателей и лицеистов [29].

Самой примечательной чертой молодежного движения было то, что оно не имело ничего общего с бунтарством мая—июня 1968 года. Состоявшийся 25—28 апреля 1980 года в Реймсе съезд НССФ высказался за то, чтобы «студент 80-х» был нацеленным на знания, а также кол-

лективистом. Чтобы заставить уважать свой студенческий статус, свой будущий диплом, указал съезд, он должен ориентироваться не на школярский бунт, а на прочный союз с рабочим классом. ФКП и профсоюзы решительно поддерживают борьбу студентов, преподавателей и ученых за увеличение средств на нужды университетов и исследовательских центров, в защиту и за расширение демократических свобод.

Проблемы учащейся и студенческой молодежи во Франции становятся неотъемлемой частью демократических движений и социально-экономической борьбы трудящихся. Передовая часть французской молодежи, и прежде всего студентов, отвергает мнимый конфликт между поколениями, используемый буржуазией в целях раскола демократических сил. Бунт молодого поколения не «против отцов», а против моральных, культурных и социальных устоев капиталистического общества стал поистине знамением времени не только во Франции, но и во многих других странах Запада.

Борьбу за демократизацию и совершенствование преподавания в школе и университете ФКП и профсоюзы рассматривают в тесной связи с задачей установления союза рабочего класса с работниками умственного труда[30]. Стремление находиться «над схваткой», примечательное для позиции интеллигенции в классовых битвах в прошлые времена, уже не является всеобщим и непреложным. Большая часть интеллигенции заинтересована в союзе с рабочим классом.

Забастовочное движение распространилось на учителей. Только в марте 1981 года около 300 тысяч учителей провели общенациональную забастовку с требованием увеличения заработной платы и пенсионных пособий. Работники системы образования протестуют также против сокращения государственных ассигнований на нужды средней школы, что приводит к закрытию многих классов и нехватке преподавателей.

Компартия и ВКТ ведут большую работу в защиту экономических, социальных и политических прав женщин. Как заметила известная писательница С. де Бовуар, для французских женщин стал примечательным «решительный протест против угнетения»[31]. С 1969 года активизировалось Движение за освобождение женщин. Среди прав, за которые упорнее всего борются женщины, — право на труд. Свыше половины безработных во Франции — женщины. Нередки случаи, когда беременных женщин

увольняют с работы [32]. Как никогда раньше, женщины отстаивают теперь право на труд с большой сознательностью, волей и энергией. На одном из собраний, организованном Компартией и профсоюзами для изучения положения «специализированных» рабочих, одной женщине был задан вопрос: «Мадам, скажите одним словом, что бы вы хотели?». Последовавший ответ был поистине криком сердца: «Жить!» [33].

В последнее время женщинам во Франции все больше удается пробивать завесу молчания буржуазной прессы вокруг их борьбы. Влиятельная газета «Монд» отныне выделяет одну полосу для освещения проблем женщин. Учитывая, что женщины составляют 52 процента избирателей, буржуазные круги создают видимость, что и они хотят как-то поднять их социальную роль. В июле 1974 года был учрежден государственный секретариат по вопросам положения женщин. Однако это ведомство не имеет персонала, не говоря уже о достаточных бюджетных средствах [34].

Проведенные по инициативе Компартии и профсоюзов во многих городах в ноябре 1978 года массовые демонстрации женщин были самыми значительными за последние 30 лет [35]. Примечательно, что женщины составляют более трети членов ФКП (250 тысяч). Всеобщая конфедерация труда издает для женщин, занятых на производстве, журнал «Антуанетта», в котором освещаются условия труда и положение женщин, развиваются призывы к участию женщин в различных формах общественной деятельности. В начале 1979 года коммунисты внесли в Национальное собрание законопроект, требующий устранения из школьных учебников всякого дискриминационного упоминания различий пола [36].

Особенностью борьбы женщин во Франции и в других капиталистических странах, как было отмечено в Отчетном докладе ЦК на XXIII съезде ФКП, является то, что она не сводится просто к требованию фактического равенства прав с мужчинами, а затрагивает всю совокупность производственных отношений капитализма, ставит целью преодоление отчуждения личности людей труда, как женщин, так и мужчин [37]. «Освобождение женщины, — заявила делегатка съезда Э. Юло, — связано с освобождением рабочего класса, оно требует изменений в экономической, политической и социальной структуре общества, оно предполагает борьбу идей и преобразование социальных и человеческих отношений» [38].

Таким образом, движение за политические, социальные и экономические права женщин стало важной составной частью классовой борьбы трудящихся Франции.

Народные массы Франции испытывают потребность в возрождении на новой основе антимонополистического союза всех демократических сил. В этих условиях выдвижение кандидатуры Ж. Марше на президентских выборах 1981 года, как указала Компартия, позволяло провести политические дебаты по таким важным проблемам, как занятость, социальная справедливость, участие рабочего класса в руководстве государством, и другим [39]. Перед вторым туром голосования ФКП призвала своих избирателей отдать голоса Ф. Миттерану.

Французская коммунистическая партия и Всеобщая конфедерация труда считают своей главной целью глубокое преобразование общества, проведение таких демократических реформ, которые позволят вывести страну из кризиса и создать условия для построения социализма. Политика ФКП и ВКТ основывается на трех основных принципах: демократический сдвиг немыслим без глубоких реформ, ограничивающих всевластие крупного капитала; союз народных, и в особенности левых сил должен исходить из вышеуказанной цели; наконец, перемены невозможны без участия коммунистов в правительстве [40]. Для достижения этих целей особую важность приобретает блок рабочего класса не только с традиционным союзником — крестьянством, но и с интеллигенцией и со средними слоями города, активизация профсоюзного движения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше время — эпоха коренных социальных перемен [1], преобладающей чертой которого стало движение к социальному прогрессу. Непрерывно усиливается воздействие стран социализма на ход мирового развития, неудержимо растет влияние идей марксизма-ленинизма. Жизнь неумолимо показала, что в рамках капиталистического строя не существует решения важнейших социальных проблем. Людям труда капитализм приносит безработицу, дороговизну, ограничение гражданских свобод. Своей неудержимой погоней за максимальной прибылью капитализм обрекает на безрассудное растрачивание огромных материальных и человеческих ресурсов. Государственно-монополистическое регулирование экономики не может предотвратить кризисы.

К началу 80-х годов капиталистический мир вступил в полосу очередного циклического спада, сопровождаемого валютно-финансовыми неурядицами, энергетическим и сырьевым кризисом, массовой безработицей, растущим у людей ощущением неуверенности в завтрашнем дне. Трудности, переживаемые капитализмом, как указывалось в итоговом документе Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы, являются «результатом дальнейшего углубления общего кризиса капиталистической системы, охватывающего все сферы жизни капиталистического общества — экономическую, социальную, моральную и политическую» [2].

Среди элементов, характеризующих обстановку в странах капитализма, товарищ Л. И. Брежнев назвал на XXVI съезде КПСС такие: «Сузилась сфера империалистического господства в мире, обострились внутренние противоречия в странах капитала и соперничество между ними. Резко возросла агрессивность политики империализма — и прежде всего американского» [3].

Капитализм старается приспособиться к условиям обостряющейся классовой борьбы путем изыскивания новых форм эксплуатации — через рационализацию про-

изводства, инфляцию, налоговую систему, интернационализацию капиталистического накопления. Подобная картина наблюдается и во Франции.

Французский буржуазный еженедельник «Перспектив» заявлял, что после парламентских выборов 1978 года Франция якобы «вышла из состояния своей самой длительной психо-драмы» [4]. Броское слово «психо-драма» было пущено в оборот Р. Ароном в связи с майскими событиями 1968 года. Буржуазный журнал таким образом как бы подводил черту под развитием страны за последовавшие десять лет.

Но современная Франция далеко не является той «умиротворенной демократией», какой ее хотели бы видеть некоторые буржуазные публицисты и политические деятели. Рабочий класс этой страны имеет славные боевые традиции. Он не остается пассивным наблюдателем продолжающейся инфляции, роста безработицы.

После событий мая—июня 1968 года в стране значительно расширились рамки антимонополистического движения. В нем участвует отныне не только рабочий класс, но и значительная часть крестьянства, интеллигенции, служащих и «старых» городских средних слоев.

Президентские и досрочные парламентские выборы 1981 года завершили определенный этап развития рабочего и демократического движения в Пятой республике, началом которого были события 1968 года. Трудящиеся связывают избрание Ф. Миттерана президентом страны и образование левого президентского и парламентского большинства с проведением ожидаемых социально-экономических и демократических реформ.

Фактором, ослабляющим позиции рабочих и демократических сил во Франции, еще продолжает оставаться недостаточно высокий уровень охвата трудящихся профсоюзами и единства рабочих выступлений. Восстановление единства ВКТ в период Народного фронта в 30-е годы было важным элементом, дополняющим политическое сотрудничество коммунистов, социалистов и радикалов. Единство действий ВКТ и ФДКТ сегодня еще осуществляется в ограниченных размерах и не распространяется на другие профцентры.

Экономический спад, наблюдаемый во Франции с 1980 года, ставит рабочее движение и профсоюзы в нелегкое положение. Если реформистские профсоюзы умеряют требования, предлагают трудящимся согласиться с «режимом экономии», то не сходящая с классовых пози-

ций ВКТ требует: усилить государственное регулирование экономики в интересах трудящихся; национализировать крупнейшие монополии, в первую очередь транснациональные; сократить рабочую неделю, что могло бы реально увеличить занятость; не допускать снижения покупательной способности трудящихся, ибо это ведет к дальнейшему сокращению внутреннего рынка.

Во Франции все более отчетливо меняется расстановка классовых сил. Антимонополистическое движение, направленное не только против национальных, но и международных трестов, продолжает развиваться. Классовая борьба затрагивает область политики, экономические интересы трудящихся все теснее увязываются с их социальными и политическими требованиями. Антинациональная политика транснациональных компаний вызывает широкое недовольство. Возможности социального маневрирования монополий в условиях сокращающихся темпов экономического роста, высокой инфляции и безработицы сузились. Поэтому с полным основанием можно говорить о возрастающей социально-политической неустойчивости французского государственно-монополистического капитализма.

В этой книге прослежен процесс нарастания антимонополистического движения в Пятой республике в последнее десятилетие. Это важное явление в общественной жизни Франции связано с действием не временных, конъюнктурных факторов, а со всесторонним кризисом государственно-монополистического капитализма.

В результате президентских и досрочных парламентских выборов 1981 года во Франции впервые за всю историю Пятой республики сложилось левое большинство. В него входят Социалистическая партия, ФКП, ведущие профцентры, небольшие левые политические группировки (Движение левых радикалов и Движение демократов), а также ряд массовых общественных организаций. Платформа Ф. Миттерана — «110 предложений для Франции» — предусматривает осуществление важных социально-экономических преобразований (повышение минимальной заработной платы, пенсий, семейных пособий, сокращение рабочей недели, смягчение безработицы, расширение государственного сектора в экономике). Вместе с тем Ф. Миттеран неоднократно заявлял, что не ставит целью «смену общества», что его программа не выходит за рамки существующей социально-политической системы.

В борьбе за мир, демократию и социальный прогресс, как указала Берлинская конференция коммунистических

и рабочих партий 1976 года, открываются новые возможности для объединения всех трудящихся независимо от политических и религиозных взглядов, для создания антимонополистической коалиции с участием всех демократических сил. Актуальным для Франции остается и призыв международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года о необходимости союза между работниками физического и умственного труда[5].

В сложных условиях классовой борьбы ФКП и Всеобщая конфедерация труда твердо придерживаются курса на защиту жизненных интересов трудящихся, на борьбу за демократические перемены, за сплочение рабочих и демократических сил, за мир и социализм.

Французский рабочий класс всегда высоко нес знамя пролетарского интернационализма и дружбы с советским народом, которую он рассматривал как важнейший фактор независимости своей страны. Компартия и ВКТ долгое время в одиночку боролись за развитие сотрудничества с Советским Союзом. Так, в самый обостренный период «холодной войны», не обращая внимания на вопли и заклинания приверженцев «американской партии» (впоследствии их стали называть сторонниками «атлантизма»), коммунисты решительно заявили 30 сентября 1948 года: «Французский народ никогда не будет вести войну против Советского Союза!».

Для ФКП и ВКТ солидарность со странами социализма, с международным коммунистическим, рабочим и национально-освободительным движением является непреложным фактом. Французские коммунисты выступают за то, чтобы политика дружбы с СССР не рассматривалась как временное явление, как конъюнктурное мероприятие. «Франко-советская дружба, к которой мы стремимся, — подчеркивала газета «Юманите», — не случайна, она не должна зависеть от политической судьбы одного деятеля или от прочности режима»[6].

В заявлении Секретариата ЦК ФКП по случаю 50-летия установления дипломатических отношений между двумя странами указывалось, что «сотрудничество с Советским Союзом отвечает нуждам трудящихся, французского народа, самой страны. Оно дает Франции возможность не замыкаться в блоке империалистических стран, переживающих кризис, разнообразить свой обмен, обеспечив ему прочный фундамент и основывая его на взаимном интересе, а также эффективно содействовать организации мира и безопасности»[7].

Солидарность советских и французских трудящихся служит важнейшим фактором, определяющим отношения между СССР и Францией. Пройдя через этап первых политических контактов в 1964—1966 годах, через этап многостороннего сотрудничества, советско-французские отношения стали принимать долгосрочный и стабильный характер. В отношении Советского Союза внешняя политика Пятой республики продолжает следовать тройственной формуле генерала де Голля: «разрядка—согласие — сотрудничество» [8].

В истории перехода от «холодной войны» к разрядке в международных отношениях в Европе советско-французские отношения внесли особенно ощутимый вклад. Франция была первой крупной западноевропейской страной, которая откликнулась на призывы Советского Союза к развитию мирного сосуществования. Благодаря ей советская дипломатия уже многие годы ведет плодотворный диалог с Западом.

Отношение Советского Союза к Франции стабильно и последовательно и не носит конъюнктурного характера. Оно обусловлено стремлением советского народа обеспечить торжество принципов мирного сосуществования, заложенных В. И. Лениным и закрепленных в Конституции СССР. «Мы бережем крепнущие дружбу и сотрудничество между советским и французским народами, это их очень ценное, совместное достояние», — подчеркивал товарищ Л. И. Брежнев [9].

XXIII съезд ФКП ясно указал, что международная солидарность является одной из главных целей борьбы партии. Французские коммунисты решительно осудили китайскую агрессию против Вьетнама, встали на защиту правого дела революций в Иране и Афганистане. Партийная делегация ФКП под руководством генерального секретаря Ж. Марше, посетившая Советский Союз в январе 1980 года, подтвердила общность взглядов с КПСС в оценке международного положения и в необходимости «бороться еще активнее, чтобы заставить империализм уважать принципы международных отношений» [10]. По инициативе ФКП и Польской объединенной рабочей партии 28—29 апреля 1980 года в Париже была проведена встреча коммунистических и рабочих партий Европы за мир и разоружение.

ВКТ в связи с президентскими выборами 1981 года во Франции подтвердила свою приверженность «подлинной политике мира, разоружения, сотрудничества и мир-

ного сосуществования во всем мире»[11]. В этом заявлении, опубликованном 5 декабря 1980 года, ВКТ осудила также размещение новых американских ракет среднего радиуса действия в Западной Европе.

Всеобщую конфедерацию труда Франции связывают давние узы дружбы и сотрудничества с ВЦСПС. Ежегодно осуществляется обмен делегациями. Строя свои взаимоотношения с ВКТ, ВЦСПС исходит из того, что конфедерация последовательно отстаивает классовые интересы трудящихся Франции.

Рабочий класс Франции не одинок в своем подходе к международным проблемам. Требование продолжать разрядку и остановить гонку вооружений стало не только классовым, но и общедемократическим требованием, разделяемым широкими слоями населения. Рабочий класс и прогрессивные профсоюзы Франции прочно стоят на интернационалистских позициях.

ФКП и Социалистическая партия считают, что на международной арене Франция, сохраняя верность своим союзам, будет выступать за мир и последовательное разоружение с целью одновременного роспуска военных блоков, содействовать обеспечению равновесия в Европе и в мире и безопасности каждой страны.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] «Правда», 1980, 29 декабря.

[2] «Правда», 1981, 12 мая.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 32 (Здесь и далее 5-е изд.).

[4] « L'Humanité », 27.I.1976.

[5] Seiler D.-L. Partis et familles politiques. P., 1980, p. 283.

[6] Portelli H. Le socialisme français tel qu'il est. P., 1980, p. 124.

[7] «Правда», 1981, 16 июня.

[8] См.: Очерки рабочего движения во Франции (1917—1967). М., 1968; Дилигенский Г. Г. Рабочий класс на капиталистическом предприятии. М., 1969; История Франции (в 3-х томах). Т. 3. М., 1973; Трудовая Франция против власти монополий (Майско-июньские события 1968 года и дальнейшее развитие классовой борьбы). М., 1973.

[9] См.: Арсеньев Э. А. Франция: проблемы и политика (Очерки о социально-политической жизни). М., 1978; Ирмуханов Б. Б. Франция: профсоюзы и проблемы единства (1958—1978 гг.). Алма-Ата, 1979; Каргалова М. В. Франция: профсоюзы и научно-техническая революция. М., 1975; Рупец В. Г. Христианское профсоюзное движение Франции в годы V Республики (1958—1978). М., 1980.

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 25.

[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 491—494.

[12] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 78—79.

[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 25.

[14] Rochet W. L'avenir du Parti communiste français. P., 1969; Marchais G. Le défi démocratique. P., 1973. Idem. La politque du Parti communiste français. P., 1974; Idem. Parlons franchement. P., 1977 ; Idem. L'espoir au présent. P., 1980.

[15] Le capitalisme monopoliste d'Etat, t. 1-2, P., 1971; Blume D. et divers. Histoire du réformisme en France depuis 1920. t. 1-2. P., 1976.

[16] Claude H. Les multinationales et l'impérialisme. P., 1978.

[17] Erbès-Segin S. Démocratie dans les syndicats. P., 1971.

[18] Branciard M. Société française et luttes de classes. t. III (1967-1977). Lyon, 1977.

Некоторые особенности французского государственно-монополистического капитализма

[1] La réforme de l'entreprise. P., 1975, p. 19.

[2] Развитые капиталистические страны (Социально-экономический справочник). М., 1979, с. 233.

[3] Bellon B. Le pouvoir financier et l'industrie en France. P., 1980, p. 14.

[4] Branciard M. Société française et luttes de classes. t. III. Lyon, 1977, p. 145.

[5] « Economie et politique », 1972, n. 7-8, p. 120.

[6] Bellon B. Op. cit., p. 192.

[7] Ibid., p. 17.

[8] Ibid., p. 19.

[9] Allard P. et divers. Dictionnaire des groupes industriels et financiers en France. P., 1978, p. 35-36.

[10] Ibid., p. 93-94.

[11] Claude H. Les multinationales et l'impérialisme. P., 1978, p. 35.

[12] L'impérialisme français. P., 1978, p. 33.

[13] « Revue des deux mondes », 1978, n 2, p. 307.

[14] 78, si la gauche l'emportait. P., 1977, p. 59.

[15] « L'Humanité », 15.VI.1979.

[16] J. O. Débats. Le Sénat. 25.IV.1972, p. 174.

[17] J. O. Débats L'Assemblée Nationale. 24.V.1973, p. 1541.

[18] «L'Humanité », 28.X.1976.

[19] « Cahiers du communisme », 1980, n 7-8, p. 20.

[20] Birnbaum P. et divers. La classe dirigeante française. P., 1978, p. 188.

[21] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 172.

[22] L'année politique 1961. P., 1962, p. 649 ; « L'Humanité », 13.IV.1966.

[23] Chapsal J. La vie politique en France depuis 1940. P., 1969, p. 379.

[24] Bellon B. Le pouvoir financier et l'industrie en France. P., 1980, p. 21.

[25] Rouanet A. et P. Les trois derniers chagrins du général de Gaulle. P., 1980, p. 337.

[26] L'année politique 1967. P., 1968, p. 10.

[27] Duverger M. La V-e République. P., 1959, p. 48.

[28] François L. Les institutions politiques et administratives de la France. P., 1976, p. 18-19.

[29] L'année politique 1959. P., 1960, p. XX.

Об особенностях конституционного механизма Пятой республики см.: Крутоголов М. А. Государственный строй Франции по конституции 1958 года. М., 1960; Крутоголов М. А. Президент Французской Республики (Правовое положение). М., 1980.

[1] См.: Дилигенский Г. Г. Рабочий на капиталистическом предприятии. М., 1969; Трудовая Франция против власти монополий. М., 1973.

[2] « Le Peuple », 1-15.XII.1976, p. 16 ; Le renouveau socialiste et l'unité de la gauche (1958-1976). P., 1976, p. 12.

[3] « Le Peuple », 1-15.VIII.1930, p. 80.

[4] Quin C. Classes sociales et union du peuple de France. P., 1976, p. 184, 35 ; « L'Humanité », 2.XI.1976.

[5] Charzat M., Toutain G. Le CERES, un combat pour le socialisme. P., 1975, p. 166.

[6] Juquin P. Liberté. P., 1975, p. 72.

[7] « L'Humanite », 15.I.1980.

[8] Touraine A. Pour la sociologie. P., 1974, p. 153-154.

[9] Touraine A. Lettres à une étudiante. P., 1974, p. 184-185.

[10] « L'Humanité », 5. II. 1970.

[11] CFDT. 38-e congrès. Brest. 8-12 mai 1979. Présentation du rapport général par E. Maire, p. 3.

[12] « L'Humanité », 7.VI.1978.

[13] « Le Monde », 23.III.1973.

[14] Frémontier J. La fortéresse ouvrière : Renault. P., 1971, p. 84-85.

[15] « L'Humanité », 14.I.1978.

[16] « Vie ouvrière », 16.IV.1980, p. 4-5.

[17] « L'Humanité », 17.III.1980.

[18] «Мировая экономика и международные отношения», 1979, № 6, с. 39.

[19] Васильчук Ю. А. Научно-техническая революция и рабочий класс при капитализме. М., 1980, с. 122.

[20] Barrier C. Le combat ouvrier dans une entreprise de pointe. P., 1975, p. 9.

[21] Mallet S. La nouvelle classe ouvrière. P., 1963, p. 58 ; Belleville P. Une nouvelle classe ouvrière. P., 1963.

[22] Mallet S. Op. cit., p. 40-41.

[23] Barrier C. Op. cit., p. 7.

[24] Andrieux A., Lignon J. L'ouvrier d'aujourd'hui. P., 1966, p. 151.

[25] Ibid., p. 203.

[26] Gavi Ph. Les ouvriers (Du tiercé à la révolution). P., 1970, p. 8, 10.

[27] « Le Nouvel Observateur », 29.III.1971.

[28] Duverger M. Janus (Les deux faces de l'Occident). P., 1972, p. 41.

[29] Problèmes de la révolution socialiste en France. P., 1972, p. 216.

[30] Delmarle J. Classes et luttes de classe. P., 1973, p. 204-205.

[31] Bon F., Burnier M.-A. La classe ouvrière et la révolution. P., 1971, p. 47.

[32] « L'Humanité », 21.X.1977.

[33] «L'Humanité », 20.V.1980.

[34] Bredin J.-D. Les Français au pouvoir ? P., 1977, p. 187.

[35] « L'Humanité », 22.V.1980.

[36] «Правда», 1981, 9 марта.

[37] « L'Humanité », 3.X.1979.

[38] « Syndicalisme », 17.IV.1980, p. 13.

[39] « Le Monde :, 9.I.1973.

[40] Rioux L. Clefs pour le syndicalisme. P., 1972, p. 17.

[41] « Le Peuple », 20.IX. — 15.X.1978, p. 43.

[42] Bauchard Ph. Les syndicats en quête d'une révolution. P., 1972, p. 112-113.

[43] « Le Monde », 16.X.1973.

[44] Descamps E. Militer. P., 1971, p. 104.

[45] « Revue politique et parlementaire », 1972, n 1, p. 16.

[46] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 130.

[47] Bauchard Ph. Les syndicats en quête d'une révolution. P., 1972, p. 176

[48] Williams Ph., Harrison M. Politics and Society in the Gaulle's Republic. L., 1971, p. 152.

[49] « Le Monde », 16.X.1973 ; « Sociologie du travail », avril-juin 1971, p. 205.

[50] Bergounioux A. Force ouvrière. P., 1975, p. 159.

[51] Lefranc G. Le mouvement syndical. P., 1969, p. 191.

[52] Ibid., p. 18.

[53] Bauchard Ph. Les syndicats en quête d'une révolution. P., 1972, p. 24.

[54] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 433, 435.

[55] « Le Peuple », 1-31.VII.1975, p. 13.

[56] Le CERES par lui-même. P., 1973, p. 114.

[57] Le capitalisme monopoliste d'Etat. t. 1, P., 1971, p. 196.

[58] « Cahiers du communisme », 1977, n 10, p. 22.

[59] « L'Humanité », 3.V.1980.

[60] « L'Humanité », 10.V.1979.

[61] «L'Humanité », 11.VI.1976 ; « L'Humanité ». 4.IV.1979.

[62] « Le Peuple », 1-15.V.1976, p. 16.

[63] « Le Monde », 10.VII.1979.

[64] Quin C. Classes et union du peuple de France. P., 1976, p. 157.

[65] Bachy J.-P. Les cadres en France. P., 1971, p. 92-93.

[66] Branciard M. Société française et luttes de classes. t. III. Lyon, 1977, p. 204.

[67] Bauchard Ph. Les syndicats en quête d'une révolution. P., 1972 p. 190.

[68] Willener A., Cajdos C., Benguigui G. Les cadres en mouvement. P., 1969, p. 44.

[69] « Economie et politique », 1968, n. 11-12, p. 30.

[70] Dubois J. Les cadres enjeu politique. P., 1971, p. 11.

[71] Bon F., Burnier M.-A. La classe ouvrière et révolution. P., 1969, p. 241.

[72] « Cahiers du communisme », 1970, n 12, p. 95.

[73] Bachy J. P. Les cadres en France. P., 1971, p. 112-114.

[74] « Le Nouvel Observateur », 23—30.IV.1978, p. 59.

[75] Bernard Y. La France vers le socialisme. P., 1977, p. 75.

[76] Les comptes de l'agriculture française. Supplément aux « Cahiers français », 1978, n 187.

[77] « L'Humanité », 13.XII.1980.

[78] « L'Humanité », 21.XII.1974.

[79] Clavaud F. et divers. Quelle agriculture pour la France ? P., 1974, p. 48.

[80] « L'Humanité », 25.X.1974.

[81] « L'Humanité », 16.X.1978.

[82] « La Terre », 28.III.1974.

[83] XX съезд Французской коммунистической партии. М., 1973, с. 11.

[84] « L'Humanité », 2.V.1979.

[85] « La Terre », 19-25.V.1960 ; « La Terre », 2-8.VI.1960.

[86] J. O. Débats. L'Assemblée Nationale. 3.V.1973, p. 1032.

[87] « L'Humanité », 23.X.1964.

[88] Delorme H., Tavernier J. Les paysans français et l'Europe. P., 1969, p. 15.

[89] Bellon B. Le pouvoir financier et l'industrie en France . P., 1980, p. 16.

[90] Chatain J., Gaudon R. Petites et moyennes entreprises : l'heure du choix. P., 1975, p. 91.

[91] Charzat M., Toutain G. Le CERES, un combat pour le socialisme. P., 1975, p. 160.

[92] « L'Humanité », 1.XII.1980.

[93] Quin C. Classes sociales et union du peuple de France. P., 1976, p. 124-125.

[94] Ibid., p. 120-121.

[95] Ibid., p. 122.

[96] J. O. Débats. L'Assemblée Nationale, 2.XII.1969, p. 4473.

[97] Chatain J., Gaudon R. Op. cit., p. 125.

[98] J. O. Débats. L'Assemblée Nationale. 2.XII.1969, p. 4466.

[99] « L'Express », 2-9.I.1978, p. 23.

[100] « Le Nouvel Observateur », 23—30.IV.1978, p. 59.

[101] « Perspectives », 3.X.1970.

[102] Alfonsi Ph. et Pesnot P. Vivre á gauche. P., 1975, p. 297.

[103] « H'Lumanité », 1.X.1977.

[104] « L'Humanité », 28.X.1976.

[105] « L'Humanité », 5.IX.1977.

[106] « F. O. Hebdo », 18.I.1978, p. 6.

[107] « L'Humanité », 3.X.1979.

[108] « Revue politique et parlementaire », 1972, n 10, p. 32.

[109] Bellon B. Le pouvoir financier et l'industrie en France. P., 1980, p. 163.

[110] Ibid., p. 16.

[111] « Les cahiers français », 1972, n 154-155, p. 24.

[112] Birnbaum P. et divers. La classe dirigeante française. P., 1978, p. 104.

[113] Branciard M. Société française et luttes de classes. t. III. Lyon, 1977, p. 196.

[114] « CNPF », 1979, n 2, p. 3.

[115] « L'Humanité », 7.II.1980.

[116] Campana A. L'argent secret. P., 1976, p. 30.

[117] Ehrmann H. La politique du patronat français. P., 1959, p. 202.

[118] « France nouvelle », 27.I. — 2.II. 1965, p. 12.

[119] Debbasch Ch. La France de Pompidou. P., 1974, p. 73.

[120] Ibid., p. 72.

[121] Goguel F., Grosser A. La politique en France. P., 1964, p. 73.

[122] Paillet M. Gauche, année zéro. P., 1964, p. 66.

[123] Touraine A. Le mouvement de mai ou le communisme utopique. P., 1968, p. 11.

[124] « L'Humanite », 9.XII.1967.

[125] Meynaud J. La technocratie. P., 1964, p. 69.

[126] Bon F., Burnier M.-A. Les nouveaux intellectuels. P., 1971, p. 164.

[127] «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 10, с. 124.

[128] Cardoze M. et Lagadec J. 49% : naissance d'une majorité. P., 1974, p. 53.

[129] Bernard Y. La France vers le socialisme. P., 1977, p. 97.

[130] См.: Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 298.

Активизация рабочего, профсоюзного и демократического движения в 60-х годах

[1] Frachon B. Au rythme des jours. t. II, P., 1968, p. 230.

[2] « Le Populaire », 4.XI.1959.

[3] Le Bourre R. Le syndicalisme dans la V-e République. P., 1959, p. 28.

[4] Histoire du Parti communiste français. P., 1964, p. 661.

[5] « Cahiers du communisme », 1958, n 6, p. 908.

[6] Le renouveau socialiste et l'unité de la gauche (1958-1976). P., 1976, p. 11.

[7] Annuaire statistique de la France. Résultats de 1969. P., 1970-1971, p. 69 ; Gorce P.-M. de la, Moschetto B. La Cinquième République. P., 1979, p. 6.

[8] Shorter E., Tilly Ch. Strikes in France. 1930-1968. L., 1974, p. 311.

[9] Reynaud J.-D. Les syndicats en France. t. I. P., 1975, p. 159.

[10] Bauchard Ph., Bruzek M. Le syndicalisme à l'épreuve. P., 1968, p. 49, 51.

[11] « L'Humanité », 3.XII.1964.

[12] « L'Humanité », 31.I.1964.

[13] « L'Humanité », 24.X.1963.

[14] Branciard M. Société française et luttes de classes. t. III (1967-1977). Lyon, 1977, p. 6

[15] Ardagh J. The New France. L., 1970, p. 114.

[16] « La Terre », 10-16.XII. 1959 ; «La Terre », 17-23.XII.1959.

[17] Viansson-Ponté P. Histoire de la république gaullienne. t. I. P., 1970, p. 272.

[18] « La Terre », 14-20.IV.1960.

[19] « Revue française de science politique », vol. XII, n 3, septembre 1962, p. 574.

[20] Ardagh J. Op. cit., p. 119.

[21] « La Terre », 14-20.XII.1961.

[22] « La Terre », 9.X — 4.XI.1964.

[23] « Revue française de science politique », vol. XVI, n. 1, fevrier 1966, p. 206.

[24] « La Nation », 5.X.1967.

[25] Faure M. Les paysans dans la société française. P., 1968, p. 134-135.

Народное движение в мае — июне 1968 года

[1] Binoche J. Changer de cap. P., 1978, p. 9—10.

[2] J. O. L'Assemlee Nationale. 2.III.1968, p. 586.

[3] См.: Сегн Ж. Май 1968 года и ВКТ. М., 1975, с. 109.

[4] J. O. Débats. L'Assemblée Nationale. 8.V.1968, p. 1609.

[5] XX съезд Французской коммунистической партии. М., 1973, с. 15.

[6] J. O. Débats. Le Sénat. 7.XI.1968, p. 1006.

[7] J. O. Débats. Le Sénat. 28.V.1968, p. 322.

[8] J. O. Débats. L'Assemblée Nationale. 12.XI.1969, p. 3595.

[9] Chapsal M., Monceaux M. Les professeurs pour quoi faire? P., 1970, p. 9.

[10] Joyeux M. L'anarchie et la révolte de la jeunesse. P., 1970, p. 107.

[11] Branciard M. Société française et luttes de classes. t. III. Lyon, 1977, p. 42.

[12] Salini L. Mai des prolétaires. P., 1968, p. 16.

[13] « Le Peuple », 15.V — 30.VI.1968, p. 16.

[14] Rioux L., Backmann R. L'explosion de mai. P., 1968, p. 230.

[15] L'année politique 1968. P., 1969, p. 163.

[16] « Le Monde », 12.V.1968.

[17] « Le Peuple », 15.V — 30.VI.1968, p. 16.

[18] Ibid., p. 18..

[19] « L'Humanité », 15.V.1968.

[20] Poperen J. L'unité de la gauche. P., 1975, p. 117.

[21] Rioux L. Backmann R. L'explosion de mai. P., 1968, p. 253.

[22] Сеги Ж. Май 1968 года и ВКТ, с. 25—26.

[23] « Le Peuple », 15.V.-30.VI.1968, p. 30-56.

[24] « Revue française de science politique », vol. XX, n 1, fevrier 1970, p. 118.

[25] Dubois P. et divers. Grèves revendicatives ou grèves politiques? P., 1971, p. 361.

[26] Ibid., p. 44.

[27] « Sociologie du travail », 1970, n 3, p. 255-256.

[28] Сеги Ж. Май 1968 года и ВКТ, с. 48.

[29] « Syndicalisme », 10.VI.1969.

[30] « Economie et politique », 1969, n 7, p. 29.

[31] Donnadieu G. Demain les cadres. P., 1970, p. 117.

[32] « Le Peuple », 15.V-30.VI.1968, p. 72.

[33] Ibid., p. 129.

[34] Bergeron A. Confédération Force Ouvrière. P., 1971, p. 46-47.

[35] Bauchard Ph. Les syndicats en quête d'une révolution. P., 1972, p. 173-174.

[36] Rouanet A. et P. Les trois derniers chagrins du général de Gaulle. P., 1980, p. 271.

[37] L'année politique 1968. P., 1969, p. 166-167.

[38] Ibid., p. 43.

[39] «L'Humanité », 28.V.1968.

[40] Vincent J.-M. Les mensonges de l'Etat. P., 1979, p. 35.

[41] « Humanite », 7.XII.1968.

[42] Seguy G. Le « mai » de la CGT. P., 1972, p. 202.

[43] L'année politique 1968. P., 1969, p. 42.

[44] Reflections on the Revolution in France : 1968. L., 1970, p. 96.

[45] « L'Humanité », 18.V.1968.

[46] « La Nation », 11.VI.1968.

[47] Aron R. La révolution introuvable. P., 1968, p. 36.

[48] Ferniot J. Mort d'une révolution. P., 1968, p. 186.

[49] Guidoni P. Histoire du nouveau parti socialiste. P., 1973, p. 28.

[50] Ferniot J. Mort d'une révolution. P., 1968, p. 63.

[51] Ibid., p. 112.

[52] Rioux L., Backmann R. L'explosion de mai. P., 1968, p. 350.

[53] Morin E. et divers. Mai 1968 : la brèche. P., 1968, p. 45.

[54] Boideffre P. de. Lettre ouverte aux hommes de la gauche. P., 1969, p. 87 ; Genève P. Histoire secrète de l'insurrection de mai. P., 1968, p. 276 ; Journal mural 1968 (Sorbonne, Odéon, Nanterre, etc.). P., 1968, p. 27, 93.

[55] Servan-Schreiber J.-J. Le réveil de la France. P., 1968, p. 44.

[56] Journal mural 1968. . . , p. 44.

[57] « L'Humanite », 18.V.1968.

[58] Andrieu R. Les communistes et la révolution. P., 1968, p. 90.

[59] Evin K. Michel Rocard ou l'art du possible. P., 1979, p. 84.

[60] « Humanité », 7.III.1978.

[61] Reflections on the Revolution in France : 1968. L., 1970, p. 99.

[62] « Cahiers du communisme », 1968, n 6-7, p. 10.

[63] Conte A. Sans de Gaulle. P., 1970, p. 197.

[64] « L'Humanité », 10.VII.1968.

[65] « L'Humanité », 10.XI.1971.

[66] Gaulle Ch. de. Discours et messages. t. V. P., 1970, p. 292-293.

[67] « Economie et politique », 1968, n 5-6, p. 1-7.

[68] « L'Humanité », 3.VI.1968.

[69] Brown B. Protest in Paris. Morristown, 1974, p. 182.

[70] Branciard M. Société française et luttes de classes. t. III. Lyon. 1977, p. 88.

[71] « Paris-jour », 20.VI.1968.

[72] Parodi M. L'économie française de 1945 à 1970. P., 1971, p. 291.

[73] Branciard M. Op. cit., p. 94.

[74] Burnier M.-A. et divers. La chute du général. P., 1969, p. 107.

[75] Lefranc G. Le mouvement syndical. P., 1969, p. 248.

[76] Fernioł J. Mort d'une révolution. P., 1968, p. 232.

[77] Lefranc G. Op. cit., p. 247.

Историческое значение майских событий

[1] Aron R. L'opium des intellectuels. P., 1968, p. 8.

[2] Reflections on the Revolution in France. L., 1970, p. 85.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 324—325.

[4] Krasucki H. Syndicats et luttes de classes. P., 1969, p. 123-124.

[5] Bilan social de l'année 1968. P., 1969, p. 36-37.

[6] « Le Peuple », 15.V — 30.VI.1968, p. 125.

[7] Bilan social de l'année 1968. P., 1969. p. 12.

[8] Kahn J. La participation. P., 1969, p. 105.

[9] Reynaud J.-D. Les syndicats en France. t. I. P., 1975, p. 240-241.

[10] Bauchard Ph., Bruzek M. Le syndicalisme à l'épreuve. P., 1968, p. 69.

[11] « Sociologie du travail », 1970, n 3, p. 309.

[12] Dubois P. et divers. Grèves revendicatives ou grèves politiques ? P., 1971, p. 14, 158.

[13] Aron R. La révolution introuvable. P., 1968.

[14] Servan-Schreiber J.-J. Le réveil de la France. P. 1968, p. 27-28.

[15] Bloch-Michel J. Une révolution du XX-e siècle. P., 1968, p. 10.

[16] CFDT. Orientation syndicale et fonction du syndicalisme. (16-e congrès national de la Fédération nationale des salariés de la construction et du bois. Angers, 14, 15, 16 mars 1969). p. 9.

[17] Baudelot C. et divers. La petite bourgeoisie en France. P., 1974, p. 71.

[18] Tournoux R. Le mois de mai du général. P., 1969, p. 121.

[19] Touraine A. Le mouvement de mai ou le communisme utopique. P., 1968, p. 279.

[20] Ibid., p. 26.

[21] Glucksmann A. Stratégie de la révolution. P., 1968, p. 17.

[22] Bensaïd D., Weber H. Mai 1968 : une répétition générale. P., 1968, p. 177.

[23] См.: Сеги Ж. Май 1968 года и ВКТ. М., 1975, с. 26—27.

[24] Baynac J. Mai retouré. P., 1978.

[25] Poivre d'Arvor P. Mai 68 — mai 78. P., 1978, p. 123.

[26] Adam G, Reynaud J.-D. Conflits du travail et changement social. P., 1978, p. 238.

[27] См.: Сеги Ж. Май 1968 года и ВКТ, с. 119.

[28] Rioux L., Backmann R. L'explosion de mai, P., 1968, p. 35.

[29] « ITC Actualités », I. I. 1970, p. 6.

[30] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 238.

[31] Rochet W. L'avenir du Parti communiste français. P., 1969, p. 85-86.

[32] Duclos J. Anarchistes d'hier et d'aujourd'hui. P., 1968, p. 7.

[33] Tournoux J.-R. Le mois de mai du général. P., 1969, p. 158.

[34] Touraine A. La société post-industrielle, P., 1969, p. 309 ; Paillet M. Table rase. P., 1968, p. 90.

[35] Подробнее об этом пойдет речь ниже.

[36] Rouanet A. et P. Les trois derniers chagrins du général de Gaulle. P., 1980, p. 392.

[37] Vallon L. L'anti de Gaulle. P., 1969, p. 59-60.

[38] « L'Humanité », 23.I.1978.

Дальнейшее наступление монополий на демократические и социально-экономические права трудящихся. Идеологическое давление буржуазии на рабочий класс

[1] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 14—15.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 67.

[3] L'année politique 1970. P., 1971, p. 45.

[4] « L'Humanité », 15.IV. 1971.

[5] « L'Humanité », 2.VII 1971.

[6] J. O. Débats. L'Assemblée Nationale. 12.V. 1976, p. 2873.

[7] « L'Humanité », 22.III. 1980.

[8] «Труд», 1978, 23 ноября.

[9] « L'Humanité », 12.VI.1975.

[10] J. O. Débats. L'Assemblée Nationale. 12.V.1976, p. 2848, 2854.

[11] « L'Humanite », 10.IV.1972.

[12] « Revue politique et parlementaire », 1962, N 4, p. 6.

[13] « L'Humanité », 11.IV.1979.

[14] Branciard M. Société française et luttes de classes. t. III. Lyon, 1977; p. 114.

[15] « L'Humanité », 7.IX.1979.

[16] « L'Humanité », 6.IV.1979.

[17] Branciard M. Op. cit., p. 228.

[18] « L'Humanité », 30.X.1979.

[19] « Vie ouvrière », 5-11.III.1979, p. 20.

[20] Sauvy A. La tragédie du pouvoir. P., 1978, p. 151.

[21] J. O. Débats. L'Assemblée Nationale. 14.IV.1970, p. 1012.

[22] « L'Humanité », 11.V.1977.

[23] «L'Humanité », 3.XI.1977.

[24] Marchais G. Parlons franchement. P., 1977, p. 111-112.

[25] « Le Nouvel Observateur », 16-22.VI.1975, p. 45.

[26] Duffour M. et divers. L'Université (De la crise au changement). P., 1978, p. 25.

[27] « L'Humanité », 13.II.1978.

[28] « Vie ouvrière », 5-11.III.1979, p. 20.

[29] Duffour M. et divers. Op. cit., p. 15.

[30] Ibid., p. 148.

[31] Poivre d'Arvor P. Mai 68-mai 78. P., 1978, p. 57.

[32] CFDT. 38-e congrès. Brest. 8-12 mai 1979. Présentation du rapport général par E. Maire, p. 12.

[33] « Le Peuple », 1-31.VII.1980, p. 9.

[34] « Le Peuple », 15-31.XII.1977, p. 22.

[35] « CNPF », 1978, N 11, p. 10.

[36] « L'Humanité », 13.IX.1978.

[37] Les femmes s'entêtent. P., 1975, p. 12.

[38] Sauvy A. La tragédie du pouvoir. P., 1978, p. 21-22.

[39] « L'Humanité », 25.II.1970.

[40] Servan-Schreiber J.-J. Le pouvoir régional. P., 1971, p. 31.

[41] J. O. Débats. Le Sénat, 15.VI.1971, p. 895.

[42] Verret M. L'espace ouvrier (L'ouvrier français). P., 1979, p. 58. « Esprit », 1979, N 7-8, p. 157.

[43] Rouanet A. et P. Les trois derniers chagrins du général de Gaulle. P., 1980, p. 255.

[44] J. O. Débats. L'Assemblée Nationale. 16.XII. 1969, p. 4948.

[45] Kahn J. La participation. P., 1969, p. 64.

[46] Loichot M. La réforme pancapitaliste. P., 1966, p. 23-24.

[47] Charlot J. Le phénomène gaulliste. P., 1970, p. 107.

[48] Rouanet A. et P. Les trois derniers chagrins du général de Gaulle. P., 1980, p. 474.

[49] « Azione sociale », 24.V.1970.

[50] J. O. Débats. Le Sénat. 25.VI.1969, p. 312.

[51] J. O. Débats. L'Assemblée Nationale. 16.IX.1969, p. 2252-2254.

[52] Participation. Supplément au Bulletin mensuel des statistiques du travail. 1973, N 9, p. 10.

[53] Annuaire statistique de la France. Résultats de 1975. P., 1977, p. 747.

[54] « Economie et politique », 1974, N hors série, avril, p. 46 ; « L'Humanité », 2.IV.1974.

[55] Kahn J. La participation. P., 1969, p. 89.

[56] Bassi M., Campana A. Le grand tournoi. P., 1974, p. 8-9.

[57] Rouanet A. et P. Les trois derniers chagrins du général de Gaulle. P., 1980, p. 216.

[58] « Option », octobre 1974, N 90, p. 35.

[59] « Syndicalisme », 13.II.1975, p. 13.

[60] « Le Peuple », 1-31.III.1975, p. 30.

[61] Desvignes M. Demain, la participation. P., 1977, p. 88.

[62] «Проблемы мира и социализма», 1963, № 5, с. 52.

[63] « Cahiers du communisme », 1969, N 2, p. 68-69.

[64] « Le Monde », 20.IX.1968.

[65] « L'Humanité », 29.V.1971.

[66] « L'Humanité », 8.VII.1977.

[67] « Le Monde », 5.V.192.

[68] XX съезд Французской коммунистической партии. М., 1973, с. 67.

[69] Ancel A. Dialogue en vérité. P., 1979, p. 191.

[70] Ibid., p. 205.

[71] « L'Humanité », 10.V.1979.

[72] Debray R. Le pouvoir intellectuel en France. P., 1979, p. 209.

[73] « L'Humanité », 27.III.1980.

[74] « L'Humanité-Dimanche », 26.III.1980.

[75] Revel J.-F. En France (La fin de l'opposition). P., 1965, p. 26.

[76] Duverger M. Janus (Les deux faces de l'Occident). P., 1972, p. 250.

[77] « L'Humanité », 20.XII.1972.

[78] Aron R. L'opium des intellectuels. P., 1968, p. 266.

[79] « L'Humanité », 23.VI.1972.

[80] Daniel J. L'ère des ruptures. P., 1979, p. 174.

[81] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1981, с. 16.

[82] Martinet G. Sept syndicalismes. P., 1979, p. 160.

Социально-экономическая борьба рабочего класса и трудового крестьянства

[1] Васильчук Ю. А. Научно-техническая революция и рабочий класс при капитализме. М., 1980, с. 125.

[2] « L'Humanité », 28.III.1980.

[3] J. O. Débats L'Assemblée Nationale, 14.IV.1975, p. 1798.

[4] « L'Humanité », 28.III.1980.

[5] Sauvy A. La tragédie du pouvoir. P., 1978, p. 91.

[6] « L Peuple », 16.II.1972, p. 15.

[7] « Le Peuple », 15.XII.1976, p. 14.

[8] « L'Humanité », 2.V.1980.

[9] « Cahiers du communisme », 1979, N 10, p. 14 ; « L'Humanité », 24.I.1981.

[10] Marczewski J. Vaincre l'inflation et le chômage. P., 1978, p. 131.

[11] « L'Humanité », 13.IV.1971.

[12] J. O. Débats. L'Assemblee Nationale. 10.IV.1973, p. 767.

[13] « Le Peuple », 15-30.XI. 1977, p. 13.

[14] Bellon B. Le pouvoir financier et l'industrie en France. P., 1980, p. 160.

[15] Ibid., p. 165.

[16] Забастовочная борьба трудящихся. Конец XIX в. — 70-е годы XX в. (Статистика). М., 1980, с. 322.

[17] Adam G., Reynaud J.-D. Conflits du travail et changement social. P., 1978, p. 19 ; « L'Humanite », 10.I.1978.

[18] Adam G., Reynaud J.-D. Op. cit., p. 20.

[19] Reynaud J.-D. Les syndicats en France. t. 1. P., 1975, p. 159.

[20] Международное рабочее движение (Справочник). М., 1980, с. 394.

[21] Branciard M. Société française et luttes de classes. t. III. Lyon, 1977, p. 195.

[22] Maire E., Julliard J. La CFDT d'aujourd'hui. P., 1975, p. 95-96.

[23] Durand C., Dubois P. La grève. P., 1975, p. 222.

[24] Les jeunes ouvriers. P., CGT, 1974, p. 16.

[25] Barrier C. Le combat ouvrier dans une entreprise de pointe. P., 1975, p. 74, 79.

[26] Durand C., Dubois P. La grève. P., 1975, p. 23.

[27] Ibid., p. 21.

[28] Branciard M. Société française et luttes de classes. t. III. Lyon, 1977, p. 186.

[29] См.: Развитые капиталистические страны (Социально-экономический справочник). М., 1979, с. 242.

[30] Le bilan social de l'année 1968. P., 1969, p. 340-342.

[31] « Le Peuple », 15-30.IV.1975, p. 24.

[32] « Le Peuple », 15-30.VI.1977, p. 20.

[33] J. O. Débats. L'Assemblée Nationale. 10.IV.1970, p. 952.

[34] См.: Развитые капиталистические страны (Социально-экономический справочник). М., 1979, с. 233—234.

[35] « Vie ouvrière », 31.III-6.IV. 1980, p. 16.

[36] « L'Humanité », 23.XII.1980.

[37] « L'Humanité », 20.V.1980.

[38] J. O. Débats. L'Assemblée Nationale. 3.IV.1975, p. 1252.

[39] « Bulletin mensuel des statistiques du travail », 1975, N 4, p. 67.

[40] « L'Humanité », 23.XII.1980.

[41] « L'Humanité », 27.XII.1980.

[42] « F. O. Hebdo », 25.VI.1980, p. 7.

[43] « L'Humanité », 4.VI.1980.

[44] « L'Humanite », 20.I.1972.

[45] Branciard M. Société française et luttes de classes. t. III. Lyon, 1977, p. 224.

[46] « L'Humanité », 20.X.1980.

[47] Международное рабочее движение (Справочник), с. 395.

[48] «Всемирное профсоюзное движение», 1979, № 9, с. 22.

[49] «Труд», 1980, 6 августа.

[50] « L'Humanité », 7.V 1980.

[51] L'impérialisme français aujourd'hui. P., 1977, p. 20-22.

[52] « L'Humanité », 3.IX.1979.

[53] « L'Humanité », 23.VII.1980.

[54] Claude H. Les multinationales et l'impérialisme. P., 1978, p. 116.

[55] « Unité », 28.IV.1978.

[56] « Cahiers du communisme », 1980, N 7-8, p. 16.

[57] « The Financial times », 13.VI.1978.

[58] Andrieu R. Du bonheur et rien d'autre. P., 1975, p. 302.

[59] J. O. Débats. L'Assemblée Nationale. 13.V.1975, p. 2561.

[60] « L'Humanité », 13.XII.1980.

[61] L'Univers politique des paysans dans la France contemporaine. P., 1972, p. 593.

[62] « L'Humanité », 24.I.1975.

[63] L'année politique 1971. P., 1972, p. 237.

[64] Changer la vie. Programme de gouvernement du Parti socialiste, P., 1972, p. 81.

[65] Quin C., Herzog Ph. Ce que coûte le capitalisme à la France. P., 1973, p. 29.

[66] « L'Humanité », 3.V.1979.

[67] L'Univers politique des paysans dans la France contemporaine. P., 1972, p. 112.

[68] Laurens A. et Pfister T. Les nouveaux communistes. P., 1973, p. 183 ; « Cahiers du communisme », N 6, 1974, p. 7.

Возрастание роли профсоюзов

[1] Parodi M. L'économie et la société française de 1945 à 1970. P., 1971, p. 293.

[2] « Le Monde », 6.XI.1973.

[3] Poperen J. L'unité de la gauche. P., 1975, p. 219.

[4] « L'Humanité », 31.VIII. 1971.

[5] « Le Monde », 8.IX.1971.

[6] « L'Humanité », 29.III.1979.

[7] Manifeste du Parti communiste français. Pour une démocratie avancée, pour une France socialiste ! P., 1969, p. 32-36.

[8] « Le Figaro », 6.VI.1972.

[9] « Le Peuple », 16.X-15.XII. 1969, p. 40.

[10] « Le Peuple », 16-30.IV.1971, p. 14-15.

[11] Ibid., p. 16.

[12] « L'Humanité », 24.V.1972.

[13] « Syndicalisme », 1.VI.1972, p. 17.

[14] « F. O. Hebdo », 6.VI.1973, p. 16.

[15] « Le Nouvel Observateur », 6.XII.1971, p. 71.

[16] Maire E. Pour un socialisme démocratique contibution de la CEDT. P., 1971, p. 46-49.

[17] « Le Monde », 16.IX.1972.

[18] « Le Monde », 28.IX.1972.

[19] Bauchard Ph. Les syndicats en quête d'une révolution. P., 1972, p. 149.

[20] « Syndicalisme », 1972, N 58, p. 12.

[21] « Le Monde », 16.IX.1972.

[22] « Le Peuple », 1-15.III. 1975, p. 17.

[23] « Le Peuple », 15-30.IV.1976, p. 4.

[24] « Syndicalisme », 31.I.1980, p. 3.

[25] Durand C., Dubois P. La grève. P., 1975, p. 30-31.

[26] « L'Humanité », 9.XII.1977.

[27] « L'Humanité », 14.V.1979.

[28] CEDT. 38-e congrès. Brest 8-12 mai 1979. Présentation du rapport général par E. Maire, p. 6.

[29] « L'Humanité », 29.III.1979.

[30] « L'Humanité », 21.VI.1980.

[31] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 25.

[32] Chifres M. La CFDT des militants. P., 1972, p. 18.

[33] Gault F. Les nouveaux syndicalistes. P., 1978, p. 13.

[34] «L'Humanité », 21.VI.1980.

[35] « Syndicalisme », 10.VII.1980, p. 12.

[36] Bouvard M. Labor Movement in the Common Market Countries. N. Y., 1973, p. 34.

[37] « Le Peuple », 1-31.VI.1980, p. 6.

[38] « Le Figaro », 14.XII.1972.

[39] Débatisse D. et divers. Europe : la France en jeu. P., 1979, p. 61.

[40] « L'Humanité », 30.VII.1980.

[41] « L'Humanité », 2.XII.1978.

[42] « L'Humanité », 23.VII.1980.

[43] Krasucki H. Syndicats et lutte de classe. Préface de G. Seguy. P., 1969, p. 12.

Профсоюзы и антимонополистическое движение

[1] «Труд», 1978, 23 ноября.

[2] « L'Humanité », 24.III.1977

[3] XX съезд Французской коммунистической партии. М., 1973, с. 36.

[4] «Коммунист», 1978, № 11, с. 72.

[5] Programme de gouvernement du Parti communiste et du Parti socialiste. P., 1972, p. 53-59.

[6] Ibid., p. 124-127.

[7] « L'Humanite », 9.I.1976.

[8] XX съезд Французской коммунистической партии, с. 61.

[9] « Cahiers du communisme », 1978, N 2-3, p. 147.

[10] « L'Humanite », 29.V.1980.

[11] Bauchard Ph. Les syndicats en quête d'une révolution. P., 1972, p. 161.

[12] « Le Peuple ». 16-31.X.1973, p. 22.

[13] « Echos », 11.X.1973.

[14] Damette F., Scheibling J. Pour une statégie autogestionnaire. P., 1979, p. 18-19.

[15] « L'Humanité », 21.V.1980.

[16] Damette F., Scheibling J. Op. cit., p. 126-127.

[17] Ibid., p. 71.

[18] « L'Humanité », 21.V.1980.

[19] « L'Humanité », 28.V.1980.

[20] « Clarté », 1971, N 30, p. 3.

[21] Andrieu R. Du bonheur et rien d'autre. P., 1976, p. 282.

[22] Dansette R. Mai 1968. P., 1971, p. 24.

[23] Les étudiants et la politique. P., 1973, p. 183.

[24] «Правда», 1972, 31 марта.

[25] « L'Humanité », 14.III.1972.

[26] « Clarté ». 1971, N 30, p. 11.

[27] « Vie ouvrière », 12-18.II.1979. p. 16.

[28] L'année politique 1973. P., 1974, p. 33.

[29] « L'Humanité », 14.X.1978.

[30] Duffour M. et divers. L'université (de la crise au changement), P., 1978, p. 21.

[31] Les femmes s'entêtent. P., 1975, p. 11.

[32] « L'Humanité », 2.IV.1979.

[33] Marchais G. Parlons franchement, P., 1977, p. 13.

[34] « L'Humanité », 4.XII.1978.

[35] « L'Humanité », 27.XI.1978.

[36] « L'Humanité », 2.I.1979.

[37] XXIII-e congrès du Parti communiste français. « Cahiers du communisme », 1979, N 6-7, p. 74.

[38] Ibid., p. 160.

[39] « L'Humanité », 7.XI.1980.

[40] « L'Humanité », 9.X.1978.

Заключение

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 27.

[2] За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе (К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. 29—30 июня 1976 г.). М., 1976, с. 28—29.

[3] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 4.

[4] «Perspectives », 13.IV.1978, p. 3.

[5] Документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 25.

[6] « L'Humanité », 3.XI.1965.

[7] « L'Humanité », 29.X.1974.

[8] Citations du président de Gaulle. P., 1968, p. 70.

[9] Брежнев Л. И. Ленинским курсом (Речи и статьи). Т. 6. М., 1978, с. 119—120.

[10] «Правда», 1980, 12 января.

[11] « L'Humanité », 5.XII.1980.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Некоторые особенности французского государственно-монополистического капитализма 11
Сдвиги в социальной структуре французского общества . 18
Активизация рабочего, профсоюзного и демократического движения в 60-х годах 52
Народное движение в мае — июне 1968 года . . 60
Историческое значение майских событий 76
Дальнейшее наступление монополий на демократические и социально-экономические права трудящихся. Идеологическое давление буржуазии на рабочий класс . . . 86
Социально-экономическая борьба рабочего класса и трудового крестьянства 110
Возрастание роли профсоюзов 126
Профсоюзы и антимонополистическое движение . . . 137
Заключение 151
Сноски и примечания 157

Коломийцев В. Ф.

К 61 Рабочий класс и профсоюзы Франции в борьбе против монополий (1968—1981 годы). — М.: Профиздат, 1981. — 176 с.

70 к.

Монография воссоздает широкую картину общественной жизни во Франции в период 1968—1981 годов. В книге показана расстановка классовых сил в стране, раскрыты характерные черты рабочего, профсоюзного и демократического движения, освещены стратегия и тактика ФКП и крупнейших профсоюзных объединений — ВКТ и ФДКТ в борьбе против монополистического капитала.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей, студентов, пропагандистов, на широкий круг читателей, интересующихся проблемами международного рабочего и профсоюзного движения.

К $\frac{10905-282}{081(02)-81}$ 43—81 1004000000

ББК 66.3(4Фр)
32 И

ИБ № 708

Коломийцев Валентин Федорович

РАБОЧИЙ КЛАСС И ПРОФСОЮЗЫ ФРАНЦИИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ МОНОПОЛИЙ (1968—1981 годы)

Заведующий редакцией К. С. Шишков. Редактор Б. А. Юрин. Художник В. В. Еремин. Художественный редактор А. П. Ерасов. Технический редактор Н. Д. Коробова. Корректоры Е. Л. Тартаковская, В. М. Архангельская, М. В. Зыкова

Сдано в набор 14.04.81. Подп. в печать 17.08.81. А11842. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 10,24. Тираж 5 000 экз. Заказ 454. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство ВЦСПС Профиздат, 101000, Москва, ул. Кирова, 13

1-я типография Профиздата, Москва, Крутицкий вал, 18

70 к.

ПРОФИЗДАТ·1981